

3

Русская речь

1978

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР.
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 3, 1978, май — июнь

В номере:

М. А. Лапшин. Писатели и поэты о Великой Отечественной войне	3
М. А. Галманова. Голос за мир на земле	11
Р. Я. Иванова. Наука любви и ненависти	14

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Я. Соловей. Сравнивая рукописи	20
И. А. Дробчик. Мастер пейзажа	30
Л. Р. Ланский. «Прототип» герценовского стиля	33
А. Н. Кожин. О возвышенном — просто	36
Н. И. Волынская. «Многое в немногих словах»	42
Н. Н. Розанова. Можно ли говорить «крупными словами»?	47
Н. И. Неженец. Судьба «Рябины»	53

В. Д. Бондалетов. Научно-техническая революция и язык	58
---	----

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Д. Н. Шмелев. О переносных значениях слов	63
В. В. Бурцева. Профессиональная лексика в толковых словарях	69

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

В. Л. Воронцова. Стажироваться или стажироваться?	75
Ю. Т. Долин. Единого слова ради	82
К. П. Сидоренко. Фразеологизмы терминологического происхождения	84
Н. П. Сидорова. Как поют птицы	89

ЯЗЫК ПРЕССЫ

С. И. Виноградов, Л. И. Скворцов. Заметки на полях	93
--	----

ШКОЛА

В. В. Николаева. Лев Толстой — детям	100
И. А. Фигуровский. Язык семьи единой	109
М. П. Тоболова. «Части речи» и «члены предложения»	113
П. С. Сияльская. Пунктуация при оборотах с союзом <i>как</i>	116
В. А. Федосов. Русские пословицы о языке и речи	120

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Ф. И. Сетин. «О осми частехъ слова»	122
В. Г. Демьянов. Имена и фамилии иностранцев в русском языке XVII века	125

ХРОНИКА	132
--------------------------	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. С. Филиппов. Водевиль	134
В. М. Мокиенко. Комар носу не подточит	136

К 90-летию С. П. Обнорского

Р. Б. Кершиене. Жизнь, отданная науке	141
---	-----

СРЕДИ КНИГ

Г. И. Мисьякевич. В. П. Даниленко. Русская терминология	145
---	-----

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ	74, 92
--------------------------------	--------

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (продолжение)	150
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Заразительный — заразный	106
Числовое и цифровое	139
Любовей — любей; Москва слезам не верит; Герлыга; Заговор — палиндром	153

---

*На обложке: Праздник Победы.
Рисунок В. Комарова*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Среди лауреатов Государственной премии СССР 1977 года прозаики Юрий Бондарев и Валентин Распутин; поэты Мумин Канат и Михаил Матусовский. Об их произведениях и пойдет речь в статье.

Депутат Верховного Совета РСФСР, лауреат Ленинской премии Юрий Бондарев отмечен Государственной премией СССР за роман «Берег».

Известность к Юрию Бондареву пришла с выходом в свет повестей «Батальоны просят огня» и «Последние залпы», в которых автор писал о Великой Отечественной войне, грозной героической эпохе, сформировавшей его как гражданина. Писатель сам разделил нелегкую судьбу своих героев. Он был участником битвы на Волге, видел разгром фашистских полчищ, раненый лежал в госпиталях и вместе с артиллерийским расчетом прошел по пылающим дорогам войны от берегов великой русской реки до Чехословакии.

В шестидесятые годы как сценарист Юрий Бондарев принимает участие в создании киноэпопеи «Освобождение». Отмеченная Ленинской премией, она хорошо знакома кинозрителям.

Широко известен у нас и за границей экранизированный роман Юрия Бондарева «Горячий снег». Его отличает глубокое осмысление хода батальных событий, внутренних процессов Великой Отечественной войны, всестороннее раскрытие духовного мира «человека в шинели».

Основную тему своего последнего романа «Берег» автор определил так: «Каждый думающий человек пытается

ся найти свой „берег“, объясняющий и оправдывающий всю его жизнь. Речь идет о смысле, цели жизни... Человек достигает или не достигает этого берега. И в этом высшая категория счастья или несчастья человека».

Роман «Берег» написан с большим эпическим размахом. Он насыщен философскими раздумьями о прошлом, настоящем и будущем.

Жизнь в романе предстает во множестве своих проявлений — возвышенного и низменного, доброго и злого, прекрасного и уродливого. Человеческие характеры раскрываются автором в многообразных обстоятельствах. И от этого произведение берет за душу, заставляет переживать, надолго остается в памяти. Вот один из многочисленных отзывов читателей, опубликованный 5 октября 1977 года в «Литературной газете». Его автор, участник Великой Отечественной войны, старший лейтенант запаса Борис Захаров из села Починки Горьковской области пишет: «До романа „Берег“, прочитав десятки книг о войне, я никогда так сильно не переживал. Я не мог читать этот роман вслух своей матери — подводит голос... Над романом Ю. Бондарева думаю сейчас все оставшиеся в живых участники войны. Ведь люди, подобные героям романа, шли и сражались с нами рядом».

В «Береге» с необыкновенной яркостью и убедительностью отразились доблесть и мужество, гуманизм и интернационализм, проявленные нашим народом в Великую Отечественную войну.

Одним из основных достоинств «Берега» является образ положительного героя нашего времени — офицера Андрея Княжко. Смелость, твердость, высокая требовательность к себе и другим в сочетании с глубокой добротой, верой в побеждающую силу человечности — все это грани сложного, но удивительно гармоничного, цельного характера.

Роман написан образным языком. Используя пословицы, поговорки, умеренно и умело употребляя диалектизмы и просторечные выражения, автор дает яркие запоминающиеся речевые характеристики своим героям. Возьмем речь солдат, например, сержанта Меженина: «— Гляньте, товарищ лейтенант, штамповка или не штамповка? — сказал Меженин, невинно прикрывая ресницами глаза. — Вы по-немецки *малость петрите*, тут на циферблатике какая-то *фиговина по-ихнему* написана...

— Где вы это взяли? Откуда?

Юрий Бондарев

Меженин невозмутимо помотал часами на ремешочке, подышал на фосфорический циферблат, потер стекло пальцем.

— Виноватую голову меч не сечет, товарищ лейтенант.

— Не виноватую, а повинную, — поправил Никитин. — Виноватую как раз сечет. Ну, так где же взяли?

— *Законно все, безо всякого Якова*, — снисходительно проговорил Меженин и выпрямился». Язык в диалоге достигает полной естественности разговорной речи.

Подлинно народна речь старика Матвея Лукича: тут и воспроизведение неправильных форм слова, диалектизмы, просторечия: он *тя* (тебя) достанет, в голову *стрелил*, собака тут — вернее *двух друзей* (друзей), *скальпу* снимет, бросился *наубег*, бурей на тебя *попрет*, пар над *берлог* (берлогой) идет и т. д. До чего ярка, сочна и колоритна речь старика видно из его рассказа, как надо «брать медведя».

«...Стяжок сготовил — и суй его в дверь берлог, где зверь. Он оттуль и появляется. Стяжок в аккуратности сувать надо. А то зверь имат его. — Как „имат“? — Потянет к себе. — А потом как же? — Он оттуль ревет, а ты прутик суй за стяжком. Дверь берлог завалил, а зверь в завал лезет. Как тебе левую лопатку открыл — сразу стрели. Навскид. Ранил — тут и смерть твоя на тебя бегёт. Да вот собаки. Вылез он, а тут они за штаны его держать

должны. За штаны рвать, то есь. Двух друзей не надо, дай собаку одну. Без собаки на зверя не ходи».

Используемые романистом слова рождаются не в одночасье. Волны изустной речи обкатывают их, гранят, прибавляют красоты и блеска.

■

Отмечена Государственной премией СССР повесть сибирского прозаика Валентина Распутина «Живи и помни» о Великой Отечественной войне.

Идея произведения выражена в названии. Живи и помни о том, что только самоотверженная преданность народу и стране определяет положение человека в советском обществе. Измена и дезертирство караются всеобщим презрением и ведут к гибели — моральной и физической.

В этой повести автор ведет разговор о роли «личности на войне», не исключительной, не возвышающейся над всеми, а о личности рядового солдата, ответственного за судьбу Родины.

Основные герои «Живи и помни» — Андрей и Настена Гуськовы — выписаны автором со строгой, сдержанной простотой. Выписаны, будто вырублены. Надолго они остаются в памяти.

В судьбе каждого героя повести «Живи и помни» мы находим по-своему выраженное стремление к счастью. Но настоящее счастье обретают только те, кто не боится трудных путей, кто шагает в ногу со временем и народом. Жизнь сурово разрушает иллюзии тех персонажей повести, кто пассивно ждет счастья, кто сворачивает со столбовых дорог.

Автор не стремится поставить все точки над «и». Валентин Распутин вкладывает в повествование не только то, что увидел и узнал, что пережил и передумал, но и свое умение увлекать и убеждать читателя. Мотивы, управляющие поступками персонажей повести, не просты. Писатель не морализирует, а показывает сложную и суровую жизнь, и читатель уже сам делает для себя выводы. Произведение заставляет волноваться, думать, делает читателя добрее, сильнее и счастливее.

Большое место в повести «Живи и помни» отводится картинам природы. Для Валентина Распутина писать о природе, — это писать о самом себе, о том, что «забыто» в сердце до поры до времени, а потом — чуть задень —

Валентин Распутин

сразу воскреснет, оживет, заговорит. Природа в повести живет своей жизнью. Она полна доброго откровения и теплоты.

Самобытен язык повести. Сочетание русской лексической вязи и разговорной речи, былинного напева и сибирского диалекта придают языку произведения свежесть, поэтичность, а главное, покоряющую достоверность.

У Валентина Распутина завидное умение открывать языковые богатства народа. Именно поэтому многие его слова приобретают свою изначальную свежесть, первозданную выразительность. Он прекрасно использует меткие выражения, образные сибирские обороты.

«Послышался конский топот, тпруканье под окном, и... Нестор, свесившись с седла, громко забарабанил в стекло и лихоматом закричал:

— Эй, кто живой, кто мертвый! Все в избу-читалку на собрание! На собрание-заседание-отмечание!..

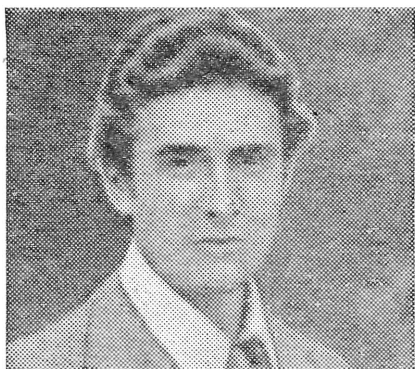
— Но-но,— отозвался Михеич, неторопливо подходя к окну.— Что так орешь?

— На собрание-заседание-отмечание. По случаю Победы... Тарасун, Михеич, тащи...

— Понятно, понятно,— заворчал Михеич.— Тарасун тебе. Боле ниче не надо? Все бы тарасунил...

— Ой, дикошарый,— испуганно прицокивая языком, закачала головой Семеновна.— У них, у агаповских, все любят трезвонить, но этот совсем дурной».

Точное, свежее слово художника находит отклик в душе читателя.

Мумин Каноат

Ровесник Валентина Распутина таджикский поэт Мумин Каноат (Каноатов Муминшо) в последние годы выступил с двумя талантливыми поэмами «Голоса Сталинграда» и «Материнский лик». В переводе Роберта Рождественского они неоднократно публиковались на русском языке.

Николай Тихонов пишет, что эти поэмы «...яркое явление нашей многонациональной литературы. В них с большой поэтической страстью воскрешаются подвиги защитников города на Волге, воссоздаются картины прошлого таджикского народа, его героическая борьба за свободу и справедливость» («Правда», 7 ноября 1977).

Истоки поэзии автора поэм «Голоса Сталинграда» и «Материнский лик» многообразны и глубоки. Из далекого прошлого донеслось до его поэм многоголосье славянской песни, топот ратных дружин Ермака, разудалость казацкой вольницы. Мумину Каноату всегда была свойственна органическая привязанность к героической истории России, к ее могучему и талантливому народу, к его языку — образному, меткому.

В своих поэмах, особенно в «Голосах Сталинграда», художник применяет свой излюбленный прием — крупный план, который всегда насыщен обобщенным содержанием, позволяющим увидеть даже в малом отрывке ход истории. Развертывая многие образы в символы — Земля, Река, Мать, Безымянный матрос, сжигающий себя вместе с фашистским танком, — Мумин Каноат сознательно настраивает ритм повествования. Автор умеет воплощать в отдельной человеческой судьбе судьбу народную.

Михаил Матусовский

неры поэта — удивительная способность сродниться, слиться с чужой судьбой, с чужой жизнью, его стихи — всегда живой отклик на все, чем живет наша страна.

Не будет преувеличением сказать, что песни на слова Матусовского стали народными. Не только потому, что широко распространены, а потому, что выражают народный дух, интересы, думы, чаяния людей.

...Разные авторы, разные произведения: роман, повесть, поэмы, песенные стихи. Но при всем разнообразии — и по жанру, и по тематике, и по художественному исполнению, и по индивидуальной творческой манере — заметны и общие черты, роднящие эти произведения. Глубокая идейность, партийность и народность, самобытное мастерство — вот нафос анализируемых произведений.

Почти все отмеченные Государственной премией СССР произведения посвящены Великой Отечественной войне. Память о ней неотделима от острейших проблем современности. Молодежь стремится походить на лучших литературных героев, учиться у них отваге и мужеству. И естественно, что эти книги, наследуя лучшие традиции, выступают как школа народности и патриотизма, как школа суровой и прекрасной жизни.

*Кандидат филологических наук,
доцент М. А. ЛАПШИН*

ГОЛОС ЗА МИР НА ЗЕМЛЕ

Творчество Л. М. Леонова разнообразно и многогранно, неразрывно связано с жизнью нашей страны, нашего общества. Каждая его книга отвечает на тот вопрос, который был главным в то время, когда она создавалась. Роман «Барсуки» об истории послереволюционной деревни; «Соть» о первой пятилетке; «Русский лес» о Великой Отечественной войне, роман, в котором наиболее полно выразился нравственный и эстетический идеал писателя; образная по форме и многосторонняя по содержанию публицистика; драматургия, насыщенная трепещущими вопросами современности,— все это отклики писателя на жизненно важные проблемы и события. На I-м Всесоюзном съезде советских писателей Л. Леонов, подчеркивая огромную роль советских писателей в социалистическом переустройстве жизни, говорил: «Это наше основ-

ное дело показать в образах, глубоких и запоминающихся, великое столкновение идей». Сам Леонов своими произведениями смело участвует в идейных сражениях наших дней, отстаивая сильную, граждански активную человеческую личность.

Киноповесть «Бегство мистера Мак-Кинли», которая легла в основу сценария одноименного фильма, — это непосредственное участие писателя в борьбе за самое дорогое на земле — мир. Произведение было написано Леоновым летом 1960 года, вскоре после поездки писателя в США, где особенно сильно проявлялась пресловутая политика «холодной войны», разжигающая ненависть к странам социализма, толкающая человечество к ядерной катастрофе. В своем предисловии к киноповести Леонов прямо заявил: «Этим памфлетом автор подает свой голос за желанный мир на земле».

Рассказывая о жизни 49-летнего клерка мистера Мак-Кинли, писатель «стремился показать переживания многих честных и симпатичных людей на Западе».

Мистер Мак-Кинли был участником второй мировой войны, прошел через ее ужасы. И вот спустя несколько лет после нее он с отчаянием убеждается, что мир, в котором он живет, насыщен яростной пропагандой новой войны, гонкой вооружений, он видит, что «страх стал править человеческим поведением на Западе», страх перед ядерной катастрофой. Мак-Кинли очень любит детей, и они его тоже, «едва он появляется в ближайшем сквере, все ребячье население немедля, словно под действием магнитной силы, устремляется к нему». Но своей семьи Мак-Кинли не имеет, объясняя это так: «Я столько нагляделся детских несчастий в последнюю войну... Они лежали даже под откосом у дорог... и у них были такие суровые, ничем не умолить, прокурорские лица. Так вот: я не могу взять на себя ответственность перед моими будущими малютками. Вот и сегодня: опять обещают серию проб водородной бомбы... Здесь их убьют. Самой большой бомбой, которую ученые построят завтра».

Леонов беспощадно обнажает противоречия капиталистического мира, его извращения, нравственное уродство. Какой же выход предлагают насмерть перепуганным людям ловкие политики и дельцы? Это «сальватории Боулдера и К°», где «фирма несет всем отчаявшимся единственную в наше время надежду»: под действием особого газа человек может спокойно проспать 200—300 лет и за-

тем проснуться и продолжать жить на земле, которую уже не будут потрясать катастрофы.

Мистер Мак-Кинли, пройдя через ряд испытаний, наконец, покупает билет в салваторий, надеясь потом, через 250 лет, все-таки иметь своих детей, дать им возможность «побегать по зеленым лужайкам».

Но «бегство Мак-Кинли не состоялось». Жизнь продолжается на земле. «Общезвестно, что, передавая детям накопленные труды ума и рук, боль и надежды сердца, мы через этот взнос в будущее приобретаем право волноваться за весь род людской в его историческом пробеге. Это и есть единственно доступный нам вид бессмертия», — так мудро заметил Леонов в своей киноповести. Содержание, конфликты киноповести Леонова отмечены печатью времени. Здесь актуальная проблематика преломляется в ярких образах, в конкретных судьбах героев, в частности, главного героя — мистера Мак-Кинли. Произведение написано в четкой, остро публицистической манере.

Фильм «Бегство мистера Мак-Кинли» (режиссер — народный артист РСФСР М. А. Швейцер) вышел на экраны в то время, когда общими усилиями всех, кому дорог мир, удалось добиться поворота в международных отношениях от конфронтации к разрядке, взаимопониманию и равноправному сотрудничеству. Эта кинолента злободневна и вносит свой вклад в разрядку напряженности.

Как истинно народный писатель Леонов всегда, и в своих художественных произведениях, и в публицистических, отражает наиболее важные моменты жизни. Своим памфлетом он призывает людей бороться за мир на планете, за солнечное, счастливое будущее всех детей.

В самом начале творческого пути Леонова Горький прозорливо назвал его «на всю жизнь талантливым», и, действительно, все, что создано замечательным русским советским писателем Л. М. Леоновым, талантливо, от сотрудничества с его художественным миром каждый становится богаче, поэтому труд писателя оценен по достоинству. Леониду Максимовичу Леонову, автору сценария художественного фильма «Бегство мистера Мак-Кинли», присуждена Государственная премия СССР 1977 года.

М. А. ГАЛМАНОВА

*М. А. Шолохов в своих произведениях
показывает войну во всей ее
суровой и тяжелой правде,
но рисует ее так, что каждая
страница этих произведений
дышит побеждающим оптимизмом,
несокрушимой верой в торжество
правого дела,
за которое борется
трудовое человечество.*

*В «Судьбе человека»,
в романе
«Они сражались за Родину»
и в военной публицистике
сливаются два мощных потока
человеческих чувств:
горячая любовь народа
к своему
социалистическому Отечеству
и ненависть к его врагам.*

22 октября 1977 года

*в Вешенской М. А. Шолохову вручены
диплом и золотая медаль
имени А. А. Фадеева,
присужденная ему за выдающийся
вклад в советскую литературу,
в том числе в литературу
о Великой Отечественной войне,
в дело воспитания советского
народа на славных революционных
и боевых традициях.*

Выступая на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, М. А. Шолохов говорил о том, что в годы войны слово писателя «было на вооружении армии и народа», что у писателей была «одна задача: лишь бы слово их разило врага, лишь бы оно держало под локоть нашего бойца, зажигало и не давало угаснуть в сердцах советских людей жгучей ненависти к врагам и любви к родине» (цитируется по изданию: М. А. Шолохов. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8, М., 1959). Это высказывание более всего относится к слову самого М. Шолохова в годы Великой Отечественной войны, особенно к его публицистике военных лет — науке лютой ненависти к фашизму, науке святой любви к Родине. «Два чувства живут в сердцах донского казачества: любовь к родине и ненависть к фашистским захватчикам.

НАУКА ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Любовь будет жить вечно, а ненависть пусть поживет до окончательного разгрома врагов.

Великое горе будет тому, кто разбудил эту ненависть и холодную ярость народного гнева!» (На Дону).

М. А. Шолохов использует разные способы выражения чувства любви и ненависти. Идейную направленность военной публицистики М. А. Шолохова выражает эмоциональная лексика, в частности, неоднократное употребление слов, производных от глагола *ненавидеть*: *ненависть*, *ненавидевший*, *ненавидит*, *ненавижу* и т. п.

Усиление признака достигается оправданным повторением однокоренных слов, то есть тавтологией: «Жгучей ненавистью *ненавидит* наш народ... фашистов».

С этой же целью к слову *ненависть* М. А. Шолохов подбирает яркие оценочные определения: *неугасимая*, *неистребимая*, *лютая*, *жгучая* или обстоятельства меры и

степени: «Тяжко я ненавижу фашистов...», «...*всем сердцем ненавидевший фашизм*». Ср.: у немецких солдат к русским *слепая ненависть*: «И вот теперь он [немец] сидит перед нами., смотрит глазами затравленного кровавого хорька, и *слепая ненависть* к нам раздувает его поздри» (Военнопленные). (Курсив мой — Р. И.)

Нередко слово *ненависть* М. А. Шолохов включает в однородный ряд с другими, не менее эмоциональными словами, расширяя границы синонимического ряда: «...*ненависть и... ярость народного гнева*», «...*испытают... и омерзение и ненависть к тем...*».

Своеобразное словесное окружение слова *ненависть* иногда приводит к нарушению привычного контекста его употребления, к расширению семантической сочетаемости слов: «И *встает, большой, худой, с неожиданно пожелтевшими и помолодевшими в ненависти глазами*» (На Дону); «Жители... *были нахмурены и смотрели в землю, чтобы скрыть от солдат ненависть к ним, светившуюся в глазах*» (Военнопленные).

Мотивированное нарушение семантической сочетаемости отмечаем и в контекстах, характеризующих поведение фашистов: «... они [немцы] с такой же *тщательностью*, с какой когда-то делали станки и машины, теперь *убивают, насилюют и казнят наших людей*» (Наука ненависти); «Безнадёжно развращенный гитлеровской пропагандой, молодой мерзавец не устал убивать. Он только что *вошел во вкус убийства...*» (Военнопленные).

Слова, обозначающие цвет, звуки, запах, играют большую роль в раскрытии идейного содержания произведений М. А. Шолохова.

В военной публицистике М. А. Шолохова даже запахи передаются словами с отрицательной окраской: «Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их... тела... Казалось, что даже земля с бурыми, опаленными и жесткими краями воронок источает *могильный запах*» (Наука ненависти); «От давным-давно не мытых тел и засаленного обмундирования их прет *густым, острым запахом псины*» (На юге); «От *циничных слов* этого грабителя в солдатском мундире, истерически болтливого и тупого, в зем-

лянке становится еще душнее, тянет выйти на воздух» (Военнопленные).

В публицистических произведениях М. А. Шолохова велика роль описательных выражений, которые, как известно, не только называют явление [в наших примерах — фашистов], но и выражают к нему определенное отношение — отрицательное. Стержневым компонентом подобных словосочетаний чаще всего являются существительные с оттенком презрительности: *гады, сволочи, выродки, головорезы, банда* и соответствующие определения: *бессовестная фашистская* (сволочь), (гад) *ползучий*. «Все мы поняли, что имеем дело не с людьми, а с какими-то *осатаневшими* от крови *собачьими вырождками*» (Наука ненависти); «В мутной накипи *обезоруженных головорезов*, еще недавно *глумившихся* над мирным населением Украины, преобладают немцы...» (На юге); «И одно желание у всех в сердцах: поскорее переломить хребет *проклятой фашистской гадюке*» (В казачьих колхозах); «Именно стяжание и разбой объединили эту *банду бестий и висельников*, промышлявших под черным знаменем с раскоряченной фашистской свастикой» (На юге).

Общий семантический признак, который условно можно определить как «гибель, ломка», в военной публицистике М. А. Шолохова передается разными словами, в частности, употреблением форм глагола совершенного вида: «*Вытоптанная, тоскливо оцетинившаяся* рожь, дотла *сожженные* деревни и села, *разрушенные* немецкими снарядами и бомбами церкви...» (На смоленском направлении); «*Сожженные* дотла деревни, сотни *расстрелянных* женщин, детей, стариков, *изуродованные* трупы попавших в плен красноармейцев, ...зверски *убитые* женщины, девушки и девочки-подростки...» (Наука ненависти).

Одним из ярких выразительных средств, которым умело пользуется М. А. Шолохов, является лексический повтор.

Показывая звериную сущность фашистов, их слепую ненависть, М. А. Шолохов повторяет глагол *бить*. «Я упал, и он долго *бил* меня ногами в грудь и в голову. *Бил* до тех пор, пока не устал. Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после *бил* меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает *бить*, молча, сосредоточенно...»; «*Били* и в этом лагере кулаками, палками, прикладами. *Били* так просто, от скуки или для развлечения» (Наука ненависти).

При этом глагол *бить* уточняется, вступая в сочетания с большой группой слов; и перед читателем вырисовывается ужасная картина «избиения»: *били сосредоточенно; били от скуки; били для развлечения; били так просто; бил до тех пор, пока не устал; долго бил; били в грудь, в голову или били ногами, били кулаками, били палками, прикладами.*

Особенно выразительны повторы глаголов (и их синонимов) *падать, вставать, подниматься, бежать*, которые, благодаря контексту, объединяются общим значением 'вернуться в строй, чтобы мстить врагу'. «Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа... Я собрал все силы и *встал на колени*, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже *стоял на ногах*. *Стоял и качался*, и ужасно боялся, что вот сейчас опять *упаду*... Я сказал: „Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду“. Один из них ударил меня прикладом.., я *упал*, но тотчас снова *встал*»; «..вдруг кто-то громко сказал: „Товарищи, наши наступают!“ И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь *поднялся на ноги*, как по команде! *Встали* даже те, которые *не поднимались* по нескольку дней» (Наука ненависти).

Глагол *бежать* употребляется в двух значениях: 'спастись (спасти) бегством' и 'двигаться быстрым, резко отталкивающимся от земли шагом': «В этот вечер и ночью я *не пытался бежать*, так как понял, что уйти не смогу, потому что очень ослабел от потери крови...» и «Немецкие пехотинцы высыпали на улицу, посмотреть на нас. Конвой *заставил нас бежать* через всю деревню *рысью*... И мы *бежали*» (Наука ненависти).

Иногда оба значения глагола реализуются в одном контексте: «*Бегу!* И тут-то оказалось, что *бегать я не могу*. Нет сил, и баста! Остановился, перевел дух и снова еле-еле *потрусил рысцой*» (Наука ненависти). Заметим, что глаголы *падать, вставать, подниматься, идти, бежать* употребляются в антонимических отношениях друг к другу, что усиливает действие: «...я *упал*, но тотчас снова *встал*... я *пошел*»; «...я *падал, вставал и шел*...»; «Уже не помню, сколько раз *падал, вставал, снова падал*... Но с каждой минутой *уходил все дальше*».

Чередование глаголов совершенного и несовершенного вида при этом усиливает динамику действия: *стоял и ка-*

чался, вставал — встал; падал — упаду, упал; пытался бежать, удастся бежать, бегу — убегу.

Обращает на себя внимание повтор в тексте таких слов, как *надежда, не могли* и других, характеризующих свободлюбие советского солдата, его несломленный дух: «Все ожили. У каждого проснулась *надежда*, хоть слабенькая, но *надежда*, что, может быть, удастся бежать»; «*Фашисты могли убить нас, безоружных и обессилевших от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят!*» (Наука ненависти).

●

М. А. Шолохов в своих статьях, создавая картины, вызывающие жгучую ненависть к врагу, использовал в одном контексте слова разных тематических групп, обычно не сочетающихся друг с другом. Так, с одной стороны, *стонь, крики, убитые, раненые*, с другой — *хохот, смех*. «*Охранники хохочут* во все горло, а затем резко звучит длинная пулеметная очередь. *Крики и стонь...* на земле остаются *убитые и раненые...* Гитлеровские солдаты... просто *помирают со смеху*. Им по душе „остроумная“ выходка их начальника» (Наука ненависти). Или, с одной стороны, *ребенок, маленькая девочка, школа, учебники, ученические тетради, школьная сумка*, с другой — *тесак, изрубить, убить, кровь*. «Она лежала в помятой картофельной ботве, *маленькая девочка, почти ребенок*, а кругом валялись *залитые кровью ученические тетради и учебники...* Лицо ее было страшно изрублено *тесаком*, в руке она сжимала раскрытую *школьную сумку*» (Наука ненависти).

Целенаправленный выбор лексических средств, особенности семантической сочетаемости, разнообразие синонимических отношений, тематическая противопоставленность слов — все это встречается в публицистических произведениях М. А. Шолохова, которые остаются образцом боевого, действенного слова, наукой любви и ненависти.

Р. Я. ИВАНОВА
Армавир

СРАВНИВАЯ РУКОПИСИ

Из истории создания стихотворения
А. С. Пушкина «...Вновь я посетил»

«...Вновь я посетил» — общепризнанный шедевр поздней пушкинской лирики. Это одно из самых светлых, мужественных, мудрых его стихотворений, обращенных к потомкам. Здесь нетрудно обнаружить два плана — внешний, который создается скупо отобранными картинками михайловского пейзажа, и внутренний, связанный с образом автора и его переживаниями, определяющий развитие лирической темы.

В стихотворении развиваются несколько мотивов. Прежде всего это мотив одряхления и старости («переменился я», «уже старушки нет», «скривилась мельница»). Он перебивается мотивом обновления и молодости, который подготавливается упоминанием о трех соснах. Они

Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко.

И возникает образ молодой рощи:
раньше возле сосен «было пусто,

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

голо»; *теперь* «младая роща разрослась»; *в будущем* перерастет «моих знакомцев и старую главу их» заслонит. Это развитие — «общий закон» жизни. Так поэт подводит читателя к мысли о преемственности и неизбежной смене поколений, о тесной связи настоящего, прошедшего и будущего. В концовке стихотворения уверенно звучит мысль о том, что жизнь новых поколений будет более счастливой и радостной. Обращение поэта к «племени младому, незнакомому» — это кульминация в развитии всех мотивов стихотворения. Оно звучит энергично и мужественно, перекрывая своим мажорным звучанием элегическую, раздумчивую тональность произведения. Концовка в форме обращения к потомкам дает простор мыслям и чувствам читателя, который вслед за Пушкиным задумается над вечными вопросами жизни и смерти.

В отечественном пушкиноведении давно уже стало традиционным считать, что у «...Вновь я посетил» в черновой редакции было окончание, не включенное Пушкиным в перебеленную рукопись. Так, автор одной из статей об этом стихотворении приводит выдержку из письма Пушкина к жене, из которой явствует, что писатель, опираясь в художественном творчестве на личный опыт, обычно переосмысливает факты своей биографии, освобождает увиденное и пережитое им от случайных минутных оценок. Высказыванию поэта дается такое объяснение: «По этой причине, очевидно, Пушкин не включил в окончательный текст ни разработанного в двух вариантах рассказа о няне, который должен был занять такое большое место в начале стихотворения, ни окончания стихотворения — подробного рассказа о своей судьбе» (Н. Н. Скатов. Два стихотворения Пушкина. — «Русская речь», № 4, 1975). Между тем изучение рукописей стихотворения и истории их создания

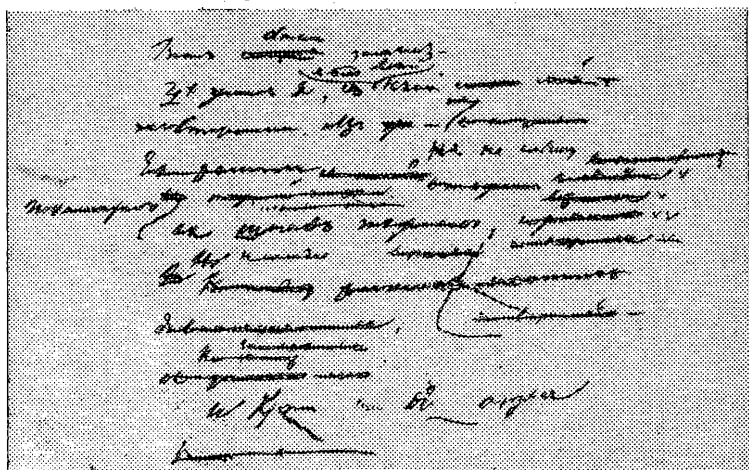
и публикации не подтверждает мнения о существовании отброшенного окончания. Его просто не было. Более того, «рассказ о няне» и «подробный рассказ поэта о своей судьбе» на последней стадии работы над черновиком органически слились в замечательном отрывке «Не буду вечером», который никогда еще не публиковался в полном объеме ни в сочинениях Пушкина, ни в работах об этом стихотворении.

Предоставляем читателям возможность убедиться в том, что отброшенного окончания не было. Для этого обратимся к рукописям стихотворения, которые, к счастью, сохранились. Перед нами рабочая тетрадь поэта, мы проследим, как создавалось стихотворение.

В черновом автографе ПД № 846 на листе 31₁ Пушкин начал работу над «...Вновь я посетил». Эта страница рабочей тетради до конца не заполнена, а последние стихи созданного здесь текста посвящены няне (рис. 1). Верхний слой черновой редакции этого отрывка выглядит так:

Вот ветхий домик
 Где жил я <с бедной нянею моей>
 Уже старушки нет — уж я не слышу
 По комнатам ее шагов тяжелых
 И кропотливого ее дозора.

Рис. 1

Среди промежуточных редакций названных стихов о няне находится несколько упоминаний о рассказах Арины Родионовны. Ведь известно, что она была замечательной сказительницей и в немалой степени способствовала развитию у Пушкина любви к устному народному творчеству. Вот самое первое из этих упоминаний: *Старушки нет уже — я не услышу / Ее рассказов.*

После строчки: *И кропотливого ее дозора* — появилось начало нового, тут же зачеркнутого стиха: *Вот кабинет.*

Пока нам не ясно, какая мысль возникла в сознании поэта.

Через некоторое время на оборотной стороне листа 30, который находился слева от листа 31, поэт продолжил работу над развитием мотива рассказов няни и связанного с ним мотива кабинета. Верхний слой возникшего здесь текста выглядит так:

- 1 И вечером — при завываньи бури
- 2 Ее рассказов — мною затверженных
- 3 От малых лет, но все приятных сердцу,
- 4 Как шум привычный и однообразный
- 5 Любимого ручья.

Вот уголок

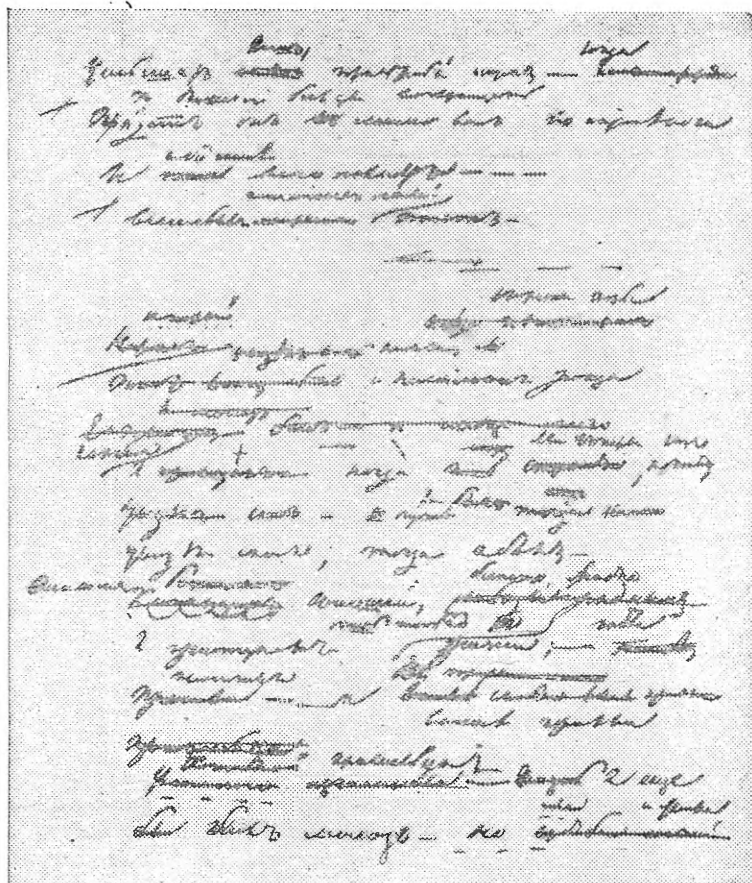
- 6 Где для меня безмолвно протекали
- 7 Часы печальных дум иль снов отрадных
- 8 Часы трудов свободно-вдохновенных
- 9 Здесь, погруженный в
- 10 Я размышлял о грустных заблужденях
- 11 Об испытаньях юности моей
- 12 О строгом заслуженном осуждении
- 13 О милой <?> дружбе сердце уязвившей
- 14 Мне горькой и мучительной <?> обидой

Вчитываясь в этот текст, мы теперь уже уверенно можем сказать, что он начинается мотивом рассказов няни в его первой черновой редакции (см. 1—5 стихи) (рис. 2). Кроме того, из двух зачеркнутых слов: *Вот кабинет* выросла первая же черновая редакция мотива «печальных дум», пока еще не завершенная (см. 5—14 стихи). Увлеченный воспоминаниями о прошлом, о пережитом кризисе романтического мировоззрения в 1822—1823 годах, поэт начал рисовать. Под его пером возникли портрет Байрона, сыгравшего, как известно, важную роль в творческом развитии Пушкина, а также изображение Терезы Гвиччиоли, возлюбленной английского писателя.

Прошло некоторое время. На оборотной стороне 39 листа в рабочей тетради Пушкин написал заключительные строчки своего стихотворения. После стиха: *Веселых и спокойных мыслей полон,* который в рукописи идет после заключительного стиха: *И обо мне вспоманет,* поэт поставил знак раздела, Чуть ниже и правее этого

знака он провел три тире — — — и под ними продолжил работу над стихотворением, написав на листе 39 (оборотная сторона) и на листе 40 (лицевая сторона) вторую и третью редакции мотива «печальных дум» (рис. 3).

Напомним читателям третью редакцию этого мотива, которая широко известна как «окончание стихотворения», позже якобы отброшенное Пушкиным:

- 1 В разны годы
- 2 Под вашу сень, Михайловские рощи,
- 3 Являлся я — когда вы в первый раз
- 4 Увидели меня, тогда я был

- 5 Веселым юношей, беспечно, жадно
 6 Я приступал лишь только к жизни — годы
 7 Промчались — и вы во мне прияли
 8 Усталого пришельца. Я еще
 9 Был молод, но уже судьба и страсти
 10 Меня борьбой неравной истомили.
     (на листе 39₂)
- 11 Утрачена в бесплодных испытаньях
 12 Была моя неопытная <?> младость
 13 И бурные кипели в сердце чувства
 14 И ненависть, и грезы мести бледной.
     (на листе 40₁)

Сравнивая третью и первую редакции мотива «печальных дум», мы видим, как развивался замысел поэта. В стихах 1—10 по-новому обосновано введение мотива. Теперь это не воспоминания о размышлениях в рабочем кабинете поэта в Михайловском (см. первую редакцию, 5—14 стихи), а воспоминания об изменившемся душевном состоянии в пору приезда в Михайловское в 1824 году по сравнению с посещением в 1817 году. В стихах 11—14 Пушкин, наконец, представил в обобщенном виде рассказ о своих размышлениях, которые в первых двух редакциях он излишне детализировал. Один из итогов всей этой большой работы над мотивом «печальных дум» состоит в том, что в окончательном виде рассказ о размышлениях 1824 года передан в тональности крайнего ожесточения (ненависть, месть, бурные чувства), а не уныния, горечи, грусти, как это было первоначально. Читатель может также заметить, что о мотиве «печальных дум» Пушкин предполагал говорить в начале стихотворения. В первой редакции этот мотив следовал сразу же за воспоминанием о няне; в третьей редакции, как мы полагаем, он мог возникнуть в связи с первым упоминанием о михайловских рощах после слов: *И кажется вчера еще бродил / Я в этих рощах*. Однако и это так четко определившееся намерение не было осуществлено. Поэт нашел новый вариант композиционного решения проблемы.

На отдельном листе ПД № 210 он продолжил работу над мотивом рассказов няни. В верхней части листа, имея перед глазами первую его редакцию, Пушкин сделал сокращенную запись этого же мотива, где отсутствует сравнение рассказов с шумом ручья. Перестав, видимо, колебаться относительно объема текста о рассказах няни и приняв решение о характере дальнейшей работы над мотивом, поэт отчеркнул все им написанное на этом листе сверху и ниже создал третью (расширенную) редакцию мотива рассказов няни (рис. 4),

- 1 Не буду вечером, под шумом бури
- 2 Внимать ее рассказам, затверженным
- 3 С издетства мной — но все приятным сердцу
- 4 Как песни родины или страницы
- 5 Любимой старой книги, в ко(их) знае(м)
- 6 Какое слово где стоит. Бывало
- 7 Ее простые речи и советы
- 8 И полные любви (?) укоризны
- 9 Усталое мне сердце ободряли
- 10 Отрадой тихой — я тогда еще

Последние два стиха: *Усталое мне сердце ободряли | Отрадой тихой — я тогда еще* Пушкин старательно и отчетливо написал сбоку листа. Продолжение фразы читатели без особого труда уже обнаружили в цитировавшихся 9—14 стихах третьей редакции мотива «печальных дум», которые тем самым становятся 11—16 стихами отрывка «Не буду вечером»:

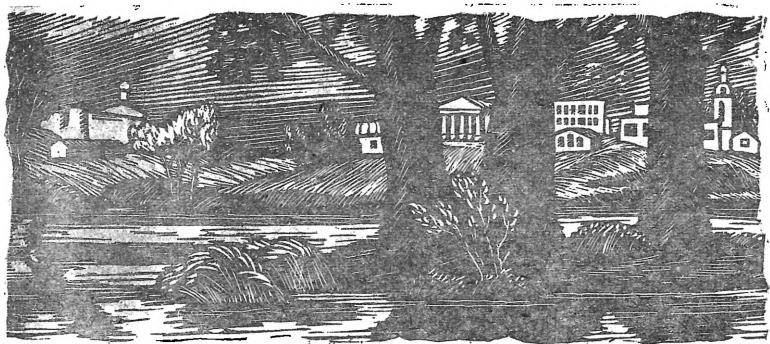
- 11 Был молод, но уже судьба и страсти
- 12 Меня борьбой неравной истомили
- 13 Утрачена в бесплодных испытаньях
- 14 Была моя неопытная (?) младость
- 15 И бурные кипели в сердце чувства
- 16 И ненависть, и грезы мести бледной.

Если мы теперь сравним отрывок «В разны годы» (в количестве 14 стихов) и отрывок «Не буду вечером» (в количестве 16 стихов), то увидим, что оба они представляют собой два разных варианта возможного включения мотива «печальных дум» в текст стихотворения. Фактом создания отрывка «Не буду вечером» Пушкин не только вернулся к первоначальному намерению разрабатывать мотив вслед за стихами о няне, но и углубил свой замысел, поставив мотив «печальных дум» в тесную смысловую связь с темой няни. А это потребовало более широкой характеристики няни, придания ей большей масштабности по сравнению с той, которая была в первом варианте.

Переработанные 1—6 стихи характеристики нянинных рассказов, а также новые 7—10 стихи написаны с установкой на введение мотива переживаний осени 1824 года в стихотворение через тему няни. Михайловский изгнанник, хотя и молодой, но очень усталый и одинокий человек, в ту пору особенно нуждался в моральной поддержке. И ее он нашел у няни.

Очень скоро Пушкин перебелил стихотворение. Дойдя до темы няни, он как бы по инерции написал три стиха о ее рассказах, но тут же их зачеркнул. Оба мотива — рассказы няни, а также вос-

МАСТЕР ПЕЙЗАЖА

С. Н. Сергеев-Ценский, большой, чуткий художник, очень любил и ценил природу. Пейзажи уже в его ранних произведениях занимают большое место. А. М. Горький в связи с выходом романа Сергеева-Ценского «Валя» (1914) писал автору: «В этой книге, неоконченной, требующей пяти книг продолжения, но как будто на дудочке сыгранной, Вы встали предо мною, читателем, большущим русским художником, властелином словесных тайн, пронизательным духовидцем и живописцем пейзажа, живописцем, каких ныне нет у нас».

Функции пейзажа в прозе Сергеева-Ценского разнообразны. В романе пейзаж может быть и фоном, на котором разворачивается действие, и значительной деталью, оттеняющей то или иное событие, или элементом художественной композиции, в которой находит отражение точка зрения автора-повествователя, рассказчика. Поступки героев подчас зависят от восприятия ими определенных изменений в природе. Главному герою романа «Бабаев» так видится наступление вечера: «За окнами смеркалось. В бездумный день бабьего лета с этими летучими паутинами, в безлистные деревья, в мягкую серизну неба сумерки входили просто и уверенно, как в открытую дверь. Чужалось, что скоро станет свежо, задумчиво, длинно, — потом ночь».

Меняются события, судьбы, меняется пейзаж — природа в романе живет как полноправный герой. Описания ее не статичны, писатель видит и рисует мир перемен, вечного движения, активную природу. Каким же образом он делает это?

В пейзажных полотнах Сергеева-Ценского велика роль сказуемых. Они-то и передают динамичность природы. Конкретно это видно из следующего отрывка: «Облака как будто шестстели даже,

когда шли, и шли они именно так, как им надо было: справа, из-за гор, куда ушло солнце, они вырываются, — с бою берут небо, локматые, багровые, жадные, темного безумные; слева они уже спокойней, ленивей, крылатее, небо взято; а над морем — там они лежат: там их золотой отдых» (С. Н. Сергеев-Ценский. Собрание сочинений, т. 7, М., 1967).

Описания природы у Сергеева-Ценского никогда не бывают случайными, за ними чувствуется эмоционально-психологический подтекст.

Например, в главе «Городок и три дачи» (роман «Валя») говорится: «Так как-то странно: были кругом красивые горы, теплое синее море, бездонное небо с ярким солнцем, а баба Лужерья, встречаясь у фонтана с бабой Федосеей, говорила скорбно о муже: „Пришел мой-то вчера домой пьяной-пьяной-пьяной!“». Пейзаж дан в контрасте с переживаниями персонажей, его красота противопоставлена убогости и серости их жизни.

И совсем иначе воспринимается описание мира, окружающего героя: «[Павлик] шел по улице радостный (а улица была вся золотая и мягкая от морозного солнца и снега; насугрило перед тем за ночь; деревянные крыши все закутало; на свежем снегу синие цветочки вороньих следов так были четки, и глухими милыми блинами так пахло...)». Здесь налицо неразрывное единство человека и природы.

В ранних романах писателя создается образ Природы-деятеля, Природы-героя, Природы-всеобщего жизненного начала. Художник воспринимает мир в гармонии, в единстве света, красок, звуков, запахов, всего, что окружает живое существо и само живет.

Писатель особенно ярко живописует цвет в природе. Отсюда — семантическое многообразие цветовой лексики, обозначающей различные краски, тона, полутона, оттенки. Именно цвет в пейзаже в первую очередь перекликается с настроением героя.

В повести «Печаль полей» настроение тоски, одиночества, охватившее героя, который потерял любимого человека, обусловило соответствующее восприятие наступающего вечера: «Тайна каждой входящей в мир ночи — сумерки густели упруго и стойко. Поля под ними укрывались холодным, синим, потом серели, тухли, и только к наезженным дорогам то с той, то с другой стороны вытягивали любопытные сугробы с завороченными, как уши, карнизами».

Знаменательно, когда речь идет о людях скучных или злых, окружающий мир словно тускнеет, герои «слепнут» — нет «цветовых» слов. Цветовая насыщенность пейзажа повышает роль прилагательных в построении определений, и они сопровождают существительные, уточняя их цвет или иной признак. Мы видим

«золотые горы; лиловые балки; синий пляж». Каждая цветозая характеристика несет эмоционально-зрительную нагрузку.

Сергеев-Ценский умеет повернуть слово необычной стороной, что проявляется в яркой метафоричности стиля. Используются разные семантические переносы и сравнения. Они дают возможность передать живое начало в природе. Особенность пейзажных описаний Сергеева-Ценского — черты человека и зверя, подмеченные у неодушевленных предметов, которые благодаря этому словно оживают, раскрывают свои новые качества. На таком принципе автор строит описание гор: «А к апрелю горы, как гусенята, в желтоватом пуху дубов и буков, и не тяжелые, мягкие, жмурые: так и хочется протянуть к ним руку, погладить». Читатель перевоплощается в зрителя, читая живописные строки о «колдовском золотом столбе луны, переливисто погруженном в волны» или как «покорные бороды» волн трепало ветром.

Причем одно свежее слово влечет за собой другое, яркое, использованное оригинально, но никогда не случайно. Если луна полная, то она «выкатилась», раз море неопределенно черно, то оно могло «шлепаться» о берег мягким животом прибора», когда кипарисы общипаны коровами, у них «встрепанный, взъерошенный вид, как у боевых петухов весной».

Особенно интересно писатель «очеловечивает» пейзаж, порою перенося на него элементы деятельности и жизни, а не только черты характера человека. Например, «...горы и море целые дни перекликались тающими красками: не хвастались ими и не боролись — просто соревновались, как два больших артиста, влюбленных в одно и то же искусство». Глаголы, уточняющие действие в синонимическом ряду, подводят к появлению сравнения *как два больших артиста*, создают условия для создания очеловеченной пейзажной картины.

Сергеев-Ценский передает всеобщую значимость природы, восторг перед ней, стремится подчеркнуть силу ее воздействия. Этим объясняется обилие неопределенных конструкций в оценочных описаниях. Часты неопределенно-личные и безличные предложения, в том числе конструкции с оборотами «думалось», «казалось», «чудилось», «было жаль» и т. д. (Даже в тех случаях, когда пейзаж воспринимается конкретным лицом, использована неопределенная форма.)

Мастерство писателя в создании пейзажей проявилось уже в ранних произведениях, затем оно росло и совершенствовалось, и Сергеев-Ценский стал подлинным живописцем слова.

И. А. ДРОБЧИК.

Рисунок В. Комарова

«ПРОТОТИП» ГЕРЦЕНОВСКОГО СТИЛЯ

В сочинениях и переписке Герцена можно найти лишь несколько беглых упоминаний об А. А. Бестуже-Марлинском. Между тем в его ранних беллетристических произведениях и письмах часто встречаются вычурные «марлинизмы», свидетельствующие о том, что и он не избежал сильнейшего влияния известного романиста: «Елена сторала в объятиях князя»; «Бледные девы Севера... не знают этого ада страстей»; «В этой минуте я солью все, и рай позавидует мне»; «Я тону в этом море любви»; «Хвалить меня — это дикому зверю показывать пурпурную ткань»; «Весть о скором возвращении провела тигровым языком по сердцу», — так писал Герцен в начале и середине 30-х годов XIX века.

Впоследствии Герцен отбросил эту ультраромантическую «эффектную» манеру и нашел свой собственный, индивидуальный стиль. Но и у «чисто герценовского» стиля — стиля «Дилетантизма в науке», «Пишем об изучении природы», публицистики «Колокола» — был, по-видимому, своего рода «прототип» — стиль критических статей Марлинского.

Особенно сильное влияние на Герцена, вероятно, оказала знаменитая статья Марлинского о романе Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем», напечатанная в «Московском телеграфе» (1833, №№ 15—18). «Сколько в этой статье светлых мыслей, верных замечаний, сколько страниц и мест, горящих, сияющих, блестящих живым, увлекательным красноречием, резкими, многозначительными, хотя и краткими, очерками, бриллиантовым языком! Сколько истинного остроумия, неподдельной игривости ума!» — писал о ней Белинский (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. IV, М., 1954, с. 32). Схожими эпитетами великий критик мог бы охарактеризовать и действительно впоследствии характеризовал художественную, философскую и публицистическую прозу Герцена. Стилистическая манера автора «Былого и дум» временами поразительно напоминает манеру Марлинского-крити-

ка. В основе ее — та же раскованность, афористичность, виртуозная игра метафор и каламбуров, — приемы, которые мы часто называем герценовскими. Нередко, читая статью Марлинского, испытываешь ощущение, будто перед тобой неизвестные страницы Герцена, и только попадающиеся «незрелые, поверхностные и ложные», по словам Белинского, мысли и вычурные выражения отрезвляют нас от этой иллюзии. Но «герценовская жилка» то и дело бьется в этой статье — говорится ли о «мечтательной, полуземной» Германии, «вечно колеблющейся между картофелем и звездами», «Германии, простодушной до смеха и ученой до слез», или об Индии, где «природа — мать и мачеха вместе для младенца-человека» и где «господа физиологи могут... изучить холеру в оригинале»; о Вольтере, чья «надутая „Генриада“» — это «выношенная до нитки аллегория, которой рукоплескал XVIII век до мозолей»; что «Франция... постриглась в монахини и живо замуровала свой ум в гробовые плиты классицизма»; что «из тяжких походов своих» «инвалид-креstonосец... принес семена веротерпимости. Науки раздвинулись опытным познанием света».

Почти по-герценовски звучат афоризмы Марлинского в роде:

«Утверждать подобные вещи в наше время есть только героизм глупости»;

«Крест стал рукоятью меча; тиара задавила короны»;

«Дуб — прекрасное дерево — слоба нет; но дубовый пенёк — плохая защита от солнца»;

«Мы сбрасываем с себя классицизм, как истлевшую одежду мертвеца, в которую хотели нарядить нас».

Стилистический «механизм» этих выдержек легко поддаётся анализу. В основе их — почти всегда — заостренная семантическая или фразеологическая антитеза, остроумный оксиморон, сочетание подчеркнуто книжных терминов и варваризмов со словами и выражениями из русского просторечия. Именно это придает стилю Марлинского-критика ту праздничную приподнятость и новаторскую окраску, которые приводили в восторг Белинского, не могли не восхищать Герцена и сохраняют свою впечатляющую силу даже для искушенных читателей наших дней.

Автор «Былого и дум» как бы «облегчил» стилистические приемы Марлинского, сняв с них некоторую искусственность и декламационность.

Вот несколько примеров из разных сочинений Герцена, которые иллюстрируют высказанные соображения:

«Буддистов науки „качалом не заманишь в мир действительности и жизни“»;

«Формалистика — бледный плющ, выросший на тюремной ограде»;

«Философия Гегеля — алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского»;

«Парламентское правление... — самое колоссальное беличье колесо в мире»;

«Гордиться должны мы тем, что мы не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории»;

«Беззубая оппозиция подняла свою лысую голову»;

«Доктрина — религия, из которой бог выехал, а церковная утварь осталась»;

«Нас не застрашает Медузиной головой, какие бы змеи у нее ни были вместо кудрей».

Ритмический строй многих философских и публицистических статей Герцена, начиная с «Дилетантизма в науке» и «Писем об изучении природы», также кажется мне тесно связанным с отдельными страницами статьи Марлинского. Приведу из нее только две цитаты:

«Никто лучше не выражал чувственной природы, ибо нигде нет природы лучше греческой. Но не один голый перевод с природы, не слепое, безжизненное подражание жизни находим мы в поэзии греков»;

«Древние не знали романа, ибо роман есть разложение души, история сердца, а им некогда было заниматься подобным анализом; они так были заняты физической и политической деятельностью, что нравственные отвлеченности мало имели у них места...».

В статье Марлинского мы находим элементы, характерные для стиля зрелого Герцена, правда, только элементы, без присущего Герцену чувства меры.

*Кандидат филологических наук
Л. Р. ЛАНСКИЙ*

О ВОЗВЫШЕННОМ — ПРОСТО

В 50-е годы в советскую поэзию вступила целая плеяда молодых поэтов, которые во весь голос заявили о себе и стали выразителями дум своего времени. Один из них был Роберт Рождественский, обладающий завидной способностью «ставить трудные вопросы и размышлять над ними на глазах читателя и публично, не робея гласности, искать и находить на них ответы». Эти меткие слова К. Симонова со всей полнотой раскрывают общественное звучание поэзии Рождественского — ее «живое дыхание — гул нашего времени».

Впечатление непосредственного разговора поэта с читателем воссоздается удачным отбором слов и выражений, дающих зримое представление о типичных приметах изображаемого «кусочка действительности».

В этой роли весьма широко используются разговорные слова и выражения, придающие тексту непосредственность и различные оттенки эмоциональной окраски. Так, в стихотворении «Арктическая болезнь» слова *лезть*, *заболеть* (сильно увлечься чем-то) придают добродушный оттенок воспеванию влюбленности в романтику неизведанного:

Не трудись над хитрой вакциною,
в книги-справочники не лезь. . .
Существует здесь
медициною
не изученная болезнь. . .
Если парень,
сидя в палатке,

грустновато
не сгоряча,
говорит:
«Заболеет я . . .

Арктикой. . .»—
то к нему не зовут врача.

Арктическая болезнь

Рождественский вводит в свои стихи такие слова, как *безбожно* (неимоверно сильно, как никогда), *наперед* (заранее), *черед* (пора, время). Это ему дает возможность просто и доходчиво, без выпренности и патетики, выразить свое мироощущение, отношение к жизни, к ее сложным явлениям:

Я жизнь люблю безбожно!
Хоть знаю наперед,
Что — рано или поздно —
настанет мой черед.
Я упаду на камни
и, уходя во тьму,
усталыми руками
землю обниму. . .

«Я жизнь люблю...»

Даже передавая прелесть таежных цветов, их неповторимую красоту, Рождественский и здесь вставляет такие слова, как разговорно-грубоватое *соврать*, просторечное *не чета* (не ровня, не пара, не идет ни в какое сравнение), казалось бы, никак не подходящие к данному случаю. И тем не менее, именно эти слова передают неподдельную искренность поэтических строк и как нельзя более убеждают читателя в достоверности сказанного:

Не привез я
таежных цветов —

извини.
Ты не верь,
если скажут, что плохи
они,

Если кто-то соврет,
что об этом читал. . .

Просто,
эти цветы

луговым
не чета! . .

Липившись земли,
той,
таежной,
неласковой,
гордой земли. . .
начинают
стремительно вянуть
цветы!

Сразу
гаснут они!
Тотчас
гибнут они.
Не привез я
таежных цветов.

Извини.
Таежные цветы

Образности поэтического текста у Рождественского способствуют просторечные слова, передающие различные оттенки эмоционально-оценочного отношения к изображаемому — иронию, шутку, пренебрежение, неодобрение, презрение, грубость, насмешку и т. п.

Так, например, слова *наплевать* (отнестись к чему-то с пренебрежением), *замотать* (утомить себя непрерывными хлопотами, заботами, ходьбой, работой и т. п.), *чего там* (так уж и быть, ничего не поделаешь), *ладно уж* (хорошо, пусть будет так) придают стихотворному тексту шутливо-добродушные нотки:

А вдруг ты перестанешь
совсем
ревновать!
Оставишь,
отстанешь,
скажешь:
наплевать!
Рухнут стены крепости, —
зови,
не зови, —
станет меньше
ревности
и меньше любви. . .

Многие стихотворения Рождественского — это его разговор с читателем. Он смело вводит в поэтический текст обороты, свойственные манере непринужденно-бытового общения (не слышали? не знаете?). В стихотворении «О дорогах», например:

Есть кладбище дорог,
Не слышали?
Есть кладбище дорог.
Не знаете?!
Закованы
        в глухие наледы.
Заметены песками
        рыжими.
Дороги мертвые,
        холодные,
дороги длинные...

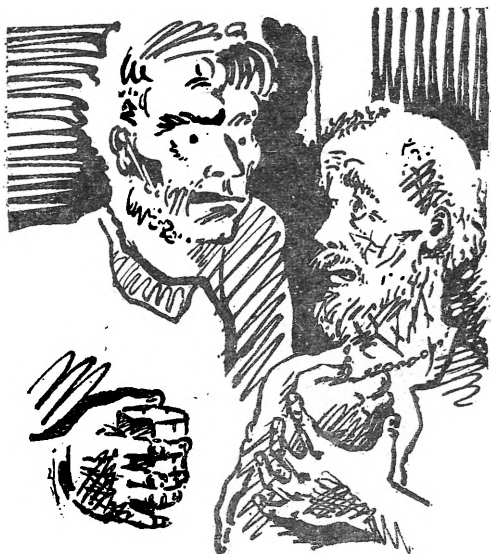
Не чужда поэзии Рождественского и обиходно-бытовая, повседневная речь (что с того? слышишь ты? жить взахлеб, это здорово):

Знаю я:
мы однажды уйдем
к тем, которые сраму ни-имут.
Ничего
        не сказав.
        Не успеv попрощаться.
Что
        с того?
Все равно это —
        слышишь ты? —
счастье:
        сеять хлеб
        на равнинах,
                        ветрами продутых. . .
Жить взахлеб!
Это здорово кто-то придумал!

Ровесникам

Составная часть таланта Роберта Рождественского — ощущение пульса жизни. Поэт в своих стихах — не бесстрастный наблюдатель, а человек, утверждающий новое, прекрасное в нашей жизни. Но о возвышенном он говорит просто, доходчиво, образно.

А. Н. КОЖИН

«МНОГОЕ В НЕМНОГИХ СЛОВАХ»

И. А. Бунин, замечательный художник слова, на протяжении всего своего творческого пути не раз серьезно задумывался о создании драматического произведения. По собственному признанию, он всю жизнь «скрывал мечту написать хорошую реальную пьесу с „драматическим действием“...».

«В драме, в ее стремительном, сильном, сжатом диалоге — так многое можно сказать в немногих словах. Тут приходится как бы концентрировать мысль, сжимать ее в точные формы. А это ведь так увлекательно... Тут такой простор для широчайших обобщений...», — писал Бунин в 1911 году в журнале «Театр».

В большинстве его повестей и рассказов диалогические сцены являются важнейшей пружиной развития конфликта и действия, в них ярко проявляются характеры персонажей. В художественной родословной писателя преломились традиции великих русских писателей XIX столетия. С Пушкиным Бунина сближает изображение больших страстей и вместе с тем сдержанность в их словесном выражении. Действующим лицам того и другого писателя доступны резкая смена эмоций, переходы к противоположным интонациям.

В какой-то мере Бунин использует опыт тургеневской и чеховской драматургии: утонченный психологизм и проникновенную лирику, поэзию намеков, многозначительность паузы, недоговоренность в тексте и ясность в подтексте,

Немало общего в сценах диалогической речи Бунина и Льва Толстого. Как и Толстой, Бунин старается сохранить разговорную естественность речи. От создателя «Войны и мира» он берет принцип постоянного комментирования речи своих персонажей: как сказано то или иное слово, каким жестом или улыбкой оно сопровождалось, каков был при этом взгляд говорящего и т. д.

Новаторство бунинского диалога состоит в своеобразии использования и сочетания старых художественных приемов, которые, войдя между собою в иные, непривычные и необычные связи, образовали новое качество.

Например, рассмотрим диалог из рассказа «Весенний вечер» (1915). Весь рассказ в целом и, в частности, сцены диалогической речи отличаются высокой художественностью, истинной правдивостью, глубоким знанием жизни, характера русского крестьянина. На фоне ласкового весеннего вечера, когда тихо меркнет розовая заря и так чудно пахнет полем, травой, происходит ужасное: доведенный до отчаяния крестьянин совершает преступление — убивает нищего. Сюжет рассказа, его характеры, психологическое состояние героя раскрыты в сцене диалога. Автор сделал все, чтобы не был слышен его собственный голос и персонажи говорили бы сами за себя. Реплики нищего и мужика необычайно естественны и правдивы. В речи обнищавшего крестьянина много слов и выражений, связанных непосредственно с земледельческим трудом, с его психологией. Так, он горюет, что «у всех людей праздник, у всех людей севы, а я грызу землю...», ему нельзя «в поле работать», у него «земля пустая» и т. д. Сколько горечи и тоски в его восклицании: «Ай я не пахарь, не косец!». Речь бунинского мужика очень образна, в ней есть пословицы, поговорки, метафоры и гиперболы: «не лаптем щи хлебаю», «сам в смоле кипел» и другие. Его речь напевна, своеобразно ритмична. Этому способствуют синтаксические параллелизмы словесных групп, повторы одних и тех же слов, синонимических выражений: «Душа моя грешница, веретенница», «Я тебе насквозь знаю, я тебе насквозь чую» и т. д.

Некоторые из дореволюционных критиков упрекали Бунина в чрезмерном нагромождении искажений русской речи. В языке безымянного мужика из рассказа «Весенний вечер» воспроизведено немало грамматических и фонетических неправильностей: «мине горе съело», «я все эти дела разбью», «об мужу небось скучилась» и т. д. Встречаются и вульгаризмы («сволота несчастная», «с голоду околевать»).

Но Бунин, работая над языком своего крестьянина, отбирает самое главное, характерное. Писатель сумел вложить в уста мужика такие образные народные выражения, что читатель чувст-

вует, как они идут из самой глубины потрясенной души героя.

Возбужденное состояние крестьянина в трактире, его смятение чувств находят свое выражение и в синтаксисе его речи — небольших, отрывочных фразах, многочисленных вопросительных и восклицательных формах, повторных оборотах и т. д.

Диалоги в «Весеннем вечере» построены на резком контрасте двух голосов, двух разных темпераментов, противоположных манер думать и говорить при наличии у них внутреннего единства — отчаяния, покорности судьбе. Мужик бунтует, но это только внешне, внутренне он уже покорился судьбе. Нищий смирился, но до известного предела, как мы увидим дальше.

Центральный диалог в рассказе психологически имеет несколько стадий. Сначала он строится в форме чередования вопросов и ответов. Настойчиво и грубо мужик допрашивает нищего: кто он, откуда идет, что делает?

«Где таскался? — грубо и шало спросил мужик. — Воровать пришел, благо народ в поле?»

— Зачем воровать? — ровно и скромно отозвался нищий. — У меня шесть человек детей было, свой дом, хозяйство...

— Отвечай на вопрос: в солдатах служил?

— Ундер-цер десятого гренадерского малороссийского генерал-фитьмаршала графа Румянцева-Задунайского полка... Как же так не служил?

— Молчи, не вякай лишнего! В каком году взяли?

— Семьдесят шестом году, в ноябре месяце.

— Ничем не был провинён?

— Никак нет.

— Начальство ублажал?

— Не мог того не делать. Присягу примал».

Безусловная правдивость и глубина психологизма составляют основу данного диалога. Допрашивающему важны не ответы нищего, главное для него утвердить свою личность, доказать, что он, разорившийся крестьянин, все же стоит на более высокой ступени социальной лестницы, чем допрашиваемый им человек. Сквозь властность и грубость его реплик чувствуется безмерная тоска по земле, боязнь, что и он, видимо, скоро станет таким же нищим.

О том, что на душе у пьяного крестьянина «скребют кошки», свидетельствуют и лаконичные ремарки автора. Мужик допрашивает «грубо и шало», говорит «со слезами», «нахмуриваясь», «хлопнув ладонью по столу» и т. д. В речи нищего, который без лишних слов, почтительно и точно отвечает на вопросы, отражены его смирение и покорность, Нищий соглашается даже с репликой своего мучителя.

« — Мне с тобой скучно!

— Это правильно...».

Манера речи достаточно характеризует облик тихого, трудящегося в прошлом человека, много пережившего и примирившегося со своим положением.

После того, как нищий, идя навстречу желаниям мужика, показал, что действительно не считает себя ему ровней, диалог вступает во вторую фазу. Самолюбие пьяного крестьянина удовлетворено. Теперь у него пробуждается жалость к нищему, раскаяние, начинается своеобразная исповедь «горячего сердца»: мужик жалуется на судьбу, на то, что вынужден был продать лошадь и теперь не может пахать землю, что она «родимая» «не сеяна, не скорожена». В порыве тоски и горя он несколько раз называет нищего «братом». В глубине души бунинского персонажа немолчно спорят два голоса. Поэтому интонация его речи двойится: искреннее чувство смешивается с наигранным. «Пой, Лазарь, пой, родной мой братец! — сказал мужик, протягивая нищему полную чашку. — Оба мы с тобой...». Следует затем многозначительная пауза. О многом мужик не договорил. Паузой здесь отделен резкий переход в мыслях и чувствах героя. Порыв жалости у него прошел. Нет, он не брат нищему, он его выше. После паузы, графически выраженной многоточием, следуют слова мужика: «Только что ты передо мной? Бродяга! А я рабочий человек, всех страдающих поилец-кормилец...». Но все сильнее растет у него возмущение против «судьбы», ведь хозяйство его разорено, он должен будет идти «по миру».

И тут вдруг осеняет безумная мысль: «Дико закричал он, плача, и вдруг с жутким хохотом захлопал в ладоши. — Нищий человек, отдай мне свои деньги!». Переменяя прямую речь героев авторскими описаниями их наружности, движений, Бунин тем самым все больше нагнетает эмоциональную напряженность в этой сцене. «Заплаканное лицо мужика, чуть видимое в сумерках, было безумно. — Отдай! — повторил он сразу охрипшим голосом. — За ради царицы небесной — отдай!». Но нищий упрямо повторяет: «Никак нет. Двадцать лет собирал. Не рещусь!». Эти короткие реплики в его спокойных устах звучат твердо. Его сопротивление усиливает желание другого настоять на своем. В душе мужика все сильнее растет гнев, возмущение.

Однако состояние аффекта, в котором он совершает убийство, приходит не сразу. Сначала он еще просит, умоляет: «Отдай — тебе все равно ни к чему, ты в гробу одной ногой, а я навек человеком стану! Отдай добром, — брат, родной, не доводи до греха!». В этом монологе выражено несколько чувств: к просьбе примешивается самоуничтожение. Ведь он, пахарь, земледелец, и вдруг

сравнил себя с бродягой, нищим. В его вопросе — «Не отдашь?», в авторской характеристике его реплики — «сипло спросил он» — чувствуется угроза. В ответ на непоколебимое, повторное «нет» нищего мужик долго молчит. О чем он думает в это время? В тексте об этом не говорится, но в подтексте все ясно: зреет мысль об убийстве. Мужик еще просит отдать ему деньги добровольно: « — Остатний раз тебе говорю.., — пробормотал мужик опаленными губами, подходя к нему с большим белым камнем в руках. — Брат...». Видна отчаянная борьба за существование: дикие силы, поднимающиеся из самой глубины души этого человека, и слабый отблеск гуманного сознания сливаются здесь в печальном аккорде. Мужик убил нищего, но не воспользовался его деньгами. Ладанку, сорванную с креста убитого, он швырнул далеко в поле.

Одними лишь средствами диалогической речи Бунин сумел убедительно и правдиво показать противоречия крестьянской психологии. Не случайно писательница Л. Авилова, прочитав этот рассказ, писала его создателю: «Вот у Вас: „брат! отдай!“ и одним словом „брат“ выдвигается целый характер. И как только он крикнул: брат! — так можно было предчувствовать, что он и убьет, и деньги бросит. Очень сложно, а ясно». Действительно, очень красноречиво это многократно повторенное слово «брат», многозначительные паузы после него, которые конкретизируют в себе смену чрезвычайно сильных страстей.

Бунин, предельно уплотняя мысли и чувства своих героев, их реплики, строит эту диалогическую сцену так, что ее отличает сжатость при огромной смысловой емкости.

В речевой характеристике своего персонажа писатель сумел показать не только его социально-психологическую сущность, но и выразить авторское понимание беспредельно отчаявшейся души. Внешне бедная речь крестьянина, его сбивчивое слово не выражают всей сложности переживаний этого раздираемого противоречиями человека. Реплики героев «Весеннего вечера» много беднее их чувств. Поэтому автор в сцене диалогического действия стремится восполнить изображение переживаний героев различного рода перечевыми элементами: ремарками, многозначительными паузами и т. д.

В изображении самых глубинных основ психики русского крестьянина средствами диалогической речи Бунин сумел подняться на подлинную художественную высоту. Вот почему рассказ «Весенний вечер» — выдающееся явление в русской литературе.

Н. И. ВОЛЫНСКАЯ
Череповец
Рисунок В. Комарова

Можно
ли
говорить
«КРУПНЫМИ
СЛОВАМИ»
?

Русские писатели
о речевой интонации

Интонация непринужденной устной речи все больше привлекает внимание исследователей. В распоряжении ученых — новейшие приборы для записи произношения. Но и человеческий слух не менее тонко, чем прибор, способен фиксировать многие особенности интонационного строения устной речи. Особую ценность в этом плане представляют собой наблюдения писателей над речевой интонацией, авторские комментарии о речи персонажей художественных произведений.

В романе Максима Горького «Жизнь Клима Самгина» об одном из героев сказано: «Варавка говорил немного и словами крупными, точно на вывесках». Довольно трудно себе представить, как можно говорить «крупными словами». Но все встает на свои места, если мы поймем, что это — метафора. И применена она писателем для того, чтобы характеризовать одну интонационную особенность речи персонажа, а именно — ее темп (скорость протекания речи во времени). Варавкина спокойная, неторопливая манера говорить сильно отличается от речи его друга Ивана Самгина, отца Клима: «Трудно было понять, что говорит отец, он говорил так много и быстро, что слова подавляли друг друга, а вся речь напоминала о том, как пузырится пена пива или кваса, вздымаясь из горлышка бутылки».

Мелкие пузырьки — такие слова, пожалуй, не назовешь «крупными». И на вывеске их никто

не увидит. Тоже метафора. Другой персонаж — и совсем другой темп речи. А если бы с горьковскими героями встретились Бобчинский и Добчинский, гоголевские персонажи... В предваряющих комедию «Ревизор» замечаниях Гоголь о них писал: «оба говорят скороговоркою». Занятный был бы разговор: Варавке трудно было бы за ними угнаться.

Большие художники слова чрезвычайно чутки к особенностям разговорного языка. «...Мне отрадно и весело шататься по городским улицам, особенно в базарный день, когда они кипят народом... Мне мил этот общий говор толпы; он ласкает мой слух пуще лучшей итальянской арии...», — признавался М. Е. Салтыков-Щедрин. В копилку характеристики персонажа вкладывается описание не только темпа речи, но и других особенностей ее ритмо-интонационного строения.

Казалось бы, записать, как говорит герой, очень просто... Сначала — реплика или фраза, которую произносит тот или иной персонаж. Потом — запятая, тире и спасительное пояснение: «сказал он», «произнес такой-то», «закричал тот-то»... Но для большого мастера слова зачастую этого недостаточно. Ведь порой бывает важно не содержание, не то, *что* говорит персонаж, а то, *как* говорит, его интонация. И вот тут-то нейтральные *сказал, произнес, кричал* ничего не объясняют. Нужна художественная ремарка, дающая картину интонации.

Однако если диалектное слово не возбраняется вставлять в речи персонажей, то как быть с интонацией? Лингвисты при описании ритмо-интонационных фактов пользуются сложной системой обозначений. Иногда, чтобы точнее описать какую-то интонационную конструкцию, приходится прибегать к различным схемам, знакам, которые и в типографии не всегда отыщутся. Писатель лишен всего этого. Вот и появляются «крупные слова, точно на вывесках».

Любого человека отличает собственная манера произношения. В художественном произведении, тем более, каждый персонаж должен говорить по-своему. Попробуем понаблюдать, какие же интонационные явления отмечают русские писатели, рассказывая о героях своих произведений. О темпе речи мы уже говорили. Что же еще? Во-первых, высота среднего тона, различная у каждого человека. Как правило, эта характеристика соотносится с внешним обликом героя. Например, описывая героя романа «Рудин», И. С. Тургенев замечает: «Тонкий звук голоса Рудина не соответствовал его росту и его широкой груди». А Иван Северьянович Флягин из повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» говорил «приятным басом с повадкой».

Если было бы возможно слышать только тембр («сердитый»,

«шутливый», «грустный» и т. п.), вносящий в интонацию различные эмоциональные оттенки, но не различать слов, то уже по одному только этому признаку мы догадались бы, что речь гончаровского героя мало содержательна: «...Говорил он [Тарантьев] громко, бойко и почти всегда сердито; если слушать в некотором отдалении, точно будто три пустые телеги едут по мосту» (Обломов). И без слов все ясно: «три пустые телеги». Вот какое точное попадание может быть у метафоры, характеризующей тембр речи!

При характеристике ритмического строя речи персонажей тоже нельзя обойтись без метких описаний. Большое значение подобным «лингвистическим» ремаркам придавал Ф. М. Достоевский. Петр Верховенский в романе «Бесы» представлен так: «Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернушки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов».

Излишняя ясность и четкость (казалось бы, достоинство речи) в условиях непринужденной беседы приводит к монотонности. И возникает она в результате одинаковой ударности всех слов во фразе («слова его сыплются, как ровные, крупные зернушки»), что совсем не свойственно непринужденной разговорной речи. Ведь для ее ритма характерно то, что слова в пределах одной фразы имеют различное ударение. Одни из них (наиболее значимые) сильноударны, другие слабоударны, а некоторые (менее важные во фразе) безударны вовсе. Поэтому для разговорной речи характерна большая беглость, «небрежность», слитность произношения. А у Верховенского? Слова — «всегда готовые к вашим услугам». Это значит — речь тщательная, педантичная. Нет смены ритма, нет так называемых «пауз обдумывания». Естественно, что в условиях непринужденной беседы такой «бисер» производит на слушателей неприятное впечатление.

Крупному писателю подвластно множество способов избавиться (когда нужно) от безличного «он сказал». Описание интонации героя может стать маленьким художественным шедевром, если за это берется великий мастер слова. Но как ни образны «три пустые телеги на мосту» и «крупные слова, точно на вывесках», отчетливой всего интонация героя проявляет себя в самой речи, в ее синтаксическом строе. Нередко представление о музыкальной стороне речи персонажа дают знаки препинания (точка, тире, запятая и т. д.). При письменной фиксации разговорной речи наиболее важное значение имеет порядок слов. Тот или иной характер словорасположения создает своеобразный интонационный рисунок речи героев художественных произведений.

Большим мастером передачи индивидуальных особенностей интонации является Н. С. Лесков. Каждый из героев его произведений говорит своим, неповторимым языком. Вспомним хотя бы живую, сочную, с яркими разговорными интонациями речь «смирной» и «благочестивой» Домны Платоновны из рассказа «Войтельница»:

«Я тебе вот какой случай скажу, как в глаза-то нашего брата обдeldывают. Иду я — вскоре это еще как из своего места сюда приехала, — и надо мне было идти через Апраксин. Тогда там теснота была, не то что теперь, после пожару — теперь прелесть как хорошо, а тогда была ужасная гадость. Ну, иду я, иду себе. Вдруг откуда ни возьмись молодец этакой, из себя красивый: «Купи, — говорит, — тетенька, рубашку». Смотрю, держит в руках ситцевую рубашку, совсем новую, и ситец преотличный такой — никак не меньше как гривен шесть за аршин надо дать».

Но ведь речь каждого человека и, конечно, любого литературного персонажа не всегда одинакова. Вероятно, и Петра Верховенского можно довести до такого состояния, что его слова перестанут сыпаться, «как ровные, крупные зернушки». И тогда, очевидно, мы заговорим о влиянии эмоций, душевного самочувствия на речь героев. Когда человека захлестывают эмоции, у него преобразается голос. А это значит — меняются многие ритмо-интонационные параметры...

Что же сигнализирует в первую очередь об этом? Довольно часто — изменение темпа речи. Это метко подмечено многими художниками слова: «Lise вдруг, совсем неожиданно, покраснела, сверкнула глазами, лицо ее стало ужасно серьезным, и она с горячею, негодующею жалобой вдруг заговорила скоро, нервно...» (Достоевский. Братья Карамазовы); «...Вдруг, в исходе второго часа ночи, его встревожило ужасное беспокойство: перед ним является разводный унтер-офицер и, весь бледный, объятый страхом, лепечет скороговоркой: — Беда, ваше благородие, беда!» (Лесков. Человек на часах).

Неожиданное изменение высоты тона говорящего — еще один сигнал, свидетельствующий о его эмоциональном состоянии. Так, в романе «Анна Каренина» при описании волнения своей героини Л. Н. Толстой лишь отмечает неестественное повышение ее тона: «— Ну как же? где ты встретил Алексея Александровича? — вдруг ненатурально зазвенел ее голос». Следующий сигнал, свидетельствующий об исключительном эмоциональном состоянии человека, — нарушение ритмики речи. Как правило, это следствие сильного волнения героя, его неуверенности, сомнений. В речи появляются «обрывы», «заикания», «самоперебивы». Такой «ритмический сбой» нередко получает графическое выражение в виде

многоточия, удвоения букв: «Чужим голосом, заикаясь, он [Дмитрий Самгин] сказал:— Т-такие в-вещи рассказывают горничные Это из-звинительно только с похмелья» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «— Я желала...— начала Ася, стараясь улыбнуться, но ее бледные губы не слушались ее,— я хотела... Нет, не могу,— проговорила она и умолкла. Действительно, голос ее прерывался на каждом слове» (Тургенев. Ася); «— Я вам помогу... вы... любите?...— насилу выговорил Штольц — так стало больно ему от собственного слова» (Гончаров. Обломов).

Эти краткие наблюдения хотелось бы закончить следующим. Музыкальная сторона речи всегда привлекала внимание русских писателей. Интонационные краски человеческой речи большие художники слова используют по-разному. Во-первых, эти краски помогают сделать более выпуклой индивидуальную характеристику героя. Во-вторых, они могут свидетельствовать о настроении персонажа, его эмоциональном состоянии. Причем интонационные показатели отбираются наиболее яркие, порой неожиданные, но присущие данному, а не какому-либо другому лицу. Слова, «как ровные, крупные зернушки», невозможно услышать, например, в речи Добчинского и Бобчинского. Это лишний раз говорит о том, что обязательность и точность индивидуальных интонационных характеристик — существенная черта большого мастера. Тонкий слух великого художника в речи своих персонажей различает все оттенки: и темп ее, и высоту тона, и тембр.

Услышать и правильно записать живую разговорную речь — этого еще недостаточно. Одна из вершин писательского мастерства — точно описать ее, дать верный, психологически точный снимок интонационной структуры. Пристальное внимание к интонации живой разговорной речи, тонкий слух позволили русским классикам создать галерею блестящих и неповторимых речевых портретов.

Призывая молодых писателей учиться у «великанов литературы», Максим Горький в статье «Н. С. Лесков» отмечал: сила их мастерства в том, что они «писали пластически, слова у них — точно глина, из которой они богоподобно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана, до того, что когда читаешь их книги, то кажется: все герои, волшебно одухотворенные силою слов, окружают тебя, физически соприкасаясь с тобой, ты до боли остро чувствуешь их страдания, смеешься с ними и плачешь, ненавидишь их и любишь, тебе слышны их голоса, виден блеск радости и влажный туман скорби в их глазах, ты живешь с ними жизнью дружески сострадающего или враждебно отталкиваешь их от себя, и все это так же мучительно хорошо, как настоящая жизнь...».

Н. Н. РОЗАНОВА

РЯБИНА

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина?
Голову склонила
До самого тына.

А через дорогу,
За рекой широкой
Также одиноко
Дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться,
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листвою
День и ночь шепталась.

Но нельзя рябине
К дубу перебраться. . .
Знать, судьба такая —
Век одной качаться.

СУДЬБА «РЯБИНЫ»

«Рябина» — одна из любимых народом песен, которую можно услышать и по радио, и по телевизору, и в кругу людей разных возрастов. Эту песню хорошо знают не только в нашей стране, но и за рубежом.

Но не всем известно, что «Рябина» является оригинальным произведением талантливого русского поэта И. З. Сурикова. Очень многие считают эту песню народной. И не случайно. В ней все истинно народно: и тема — невозможность счастья для девушки, разлученной с любимым, и незамысловатые, но выразительные художественные средства, среди которых имеются и постоянные эпитеты (*тонкая рябина, река глубокая, дуб высокий*), и традиционные тропы, взятые из разговорной речи («Что к земле былинка, к тыну нагибаюсь»; «ветвями я к нему прижалась»), и уменьшительно-ласкательные формы слов (*сиротинка, былинка, рябинка*).

В устном народном творчестве образы тонкой, грустной рябины и высокого, могучего дуба встречаются нередко, но в совершенно ином лирическом наполнении. Образ рябины обычно олицетворяет собой горестную судьбу одинокой женщины. Например:

Ой, у поле, ой, у поле рябина стояла.
Буен ветер, буен ветер рябину шатает;
Дробен дождик, дробен дождик рябинушку мочит;
Красно солнышко, красно солнышко рябинушку
сушит. . .

Иван сударь Иванович в Москву отъезжает;
Он Марью свет Васильевну в тоске покидает,

Образ дуба чаще всего употребляется в соседстве с образом березы:

Ах ты, дуб мой, дуб,
Я — бела береза!
Ах ты, друг мой, друг,
Я — твоя надежда!
Промежду дубом, березой
Река протекала;
Течет реченька быстренька,
Водица мутненька.

Проблематика этой песни, записанной еще в XVIII веке, иная, чем у Сурикова. Однако в приведенном тексте почти в точности намечена тема суриковской «Рябины»: береза и дуб, между ними — река, река-разлучница.

В раскрытии же этой темы, в подходе к ней, в подборе лексического материала, изобразительных средств языка имеется и принципиальная разница. Суриков впервые соединил образы рябины и дуба в одном лирическом повествовании, наделив их отличным от устного народного творчества значением. Традиционное сравнение у него превратилось в символ. Пейзажная символика суриковского стихотворения оказалась очень удобной для песенного сюжета о несостоявшемся счастье.

Но песней «Рябина» стала не сразу. Впервые «Рябину» записала от ивановских ткачих в 1938 году известная русская певица О. В. Ковалева. Эту запись позже обработал для хора А. В. Свешников, и песня стала достоянием народа.

Сначала ее пели так, как она написана Суриковым. Небольшие отклонения от авторского текста наблюдались лишь в лексике. Но затем стихи стали звучать иначе. Как же это произошло, как оформился тот текст песни, которая сейчас поется?

Проследим это, сравнив два текста: суриковский и народный. Так, из песенной редакции исчезли два четверостишия, по существу дублирующие мысль, убедительно раскрытую в остальном тексте, о печали одинокой «рябины»:

С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

(Цитируется по изданию: «И. З. Суриков и поэты-суриковцы». М. — Л., 1966.) Народная фантазия, «корректируя» текст поэта, добивается большей выразительности художественного слова. Сравним первые строфы:

Стихотворение Сурикова

Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?

Песня «Рябина»

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина?
Голову склонила
До самого тына.

Глагол *шумишь* заменен более точным *стоишь*: *шуметь* стилистически подходило к сочетанию *вести речь* («С ветром речь веду я...»), а устранение последнего сделало ненужным и первое; наречие *низко* вытеснено характерными для народно-песенной речи словами *до самого тына* (*тын* — низкая изгородь); деепричастие *наклоняясь* уступило соответственно место глаголу *склонила*, который в сочетании с существительным *голова* создает целый поэтический образ (Голову склонила До самого тына). В итоге образ «рябины» голучился рельефным, наглядно-зримым, и символика (*рябина* — одинокая женщина) усилилась.

Больше всего преобразилась четвертая строфа:

«Рябина» Сурикова

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Песня «Рябина»

А через дорогу,
За рекой широкой,
Также одиноко
Дуб стоит высокий.

Особенно существенна здесь (в песенной редакции) третья строка, которая выделила мотив одиночества не только «рябины», но и «дуба» (в тексте Сурикова обозначено лишь местонахождение дуба).

В меньшей степени изменились те стихи, лексико-синтаксический строй которых близок к устно-поэтической речи. Однако и здесь не обошлось без поправок: в пятой строфе союз *да*, состоящий из согласного и гласного звука (Гнутья да качаться) заменен гласным *и*, который легко поется, а из шестой убрано наречие *близко* (Близко бы ветвями Я к нему прижалась). К слову *ветвями* добавляется эпитет *тонкими*, который сразу вносит в стих оттенок лиричности. Более того, определение *тонкими* вытеснило из строки сослагательную частицу *бы*, переместив ее в следующий стих уже в укороченной, безгласной форме *б*, вследствие чего коли-

чество ударений в двустопии стало совпадать с количеством слов, и течение речи стало спокойным, напевным (Тонкими ветвями Я б к нему прижалась).

Особый песенный настрой «Рябины» определяется уже самой лексикой. «Рябина» — это символический пейзаж, и поэтический словарь в ней подобран соответственно теме. В фонетической структуре самих слов заключена известная певучесть (повторяющийся гласный *а*): *ка-ча-ясь, скло-ни-ла*. Интересно, что слово *качаясь, качаться* варьируется через каждую строфу (в 1-й, 3-й и 5-й), что создает устойчивый музыкально-интонационный фон. Лирическая поэзия и музыка здесь органически сливаются в едином песенном образе.

В народной редакции текст «Рябины» образно обогатился, углубилось содержание. Это повлияло и на жанровую структуру песни.

Стихотворение «Рябина» написано в традиционной вопросно-ответной форме, причем вопрос занимает только первую строфу, а ответ — все остальные шесть.

В песне же «Рябина» вопрос «Что стоишь, качаясь, Тонкая рябина?» вложен в уста лирического певца-повествователя. Он в этом случае не предполагает ответа и сам по себе является композиционным приемом, усиливающим задушевные и эмоциональные интонации.

«Сквозная» реалистическая символика в этом произведении обусловила характер и глубину его лирического подтекста. Рябина, дуб, дорога, река широкая — это конкретный реалистический пейзаж. Вместе с тем, это и мир, раскрывающий настроение, мысли и чувства человека. Легко заметить, как драматизм в «Рябине» нарастает, усиливается от строфы к строфе, достигая наивысшего напряжения в заключительном четверостишии (Но нельзя рябине К дубу перебраться...).

Эта драматическая концовка подготовлена всем движением поэтической мысли в предыдущих стихах, но, высказанная, она с необычайной силой действует уже за пределами текста, в сознании певца. Надо заметить, что поэтический мир певца-повествователя не является предметом прямого изображения. Вначале певец стоит как бы в стороне от воссоздаваемой картины. Он видит пейзаж, размышляет о судьбе «рябины» и «дуба». Но в процессе повествования певец не остается безучастным и постепенно «вживается» в поэтическое действие. Он переживает вместе с персонажами, сочувствуя их горю.

Певец находит в песне мотивы, созвучные душевному состоянию, своей жизненной судьбе, он уже начинает видеть в одном из них самого себя. Певец поет якобы о «рябине» и «дубе», а мы понимаем это ведь он о себе. Это психологическое «общение» является

необходимым условием образования «песенности» в тексте, важным стимулом ее существования. Оно способствует созданию органической целостности произведения.

Итак, в песенной редакции «Рябины» обновилась в народном бытовании форма и лексика суриковских стихов, но осталась нетронутой извечная человеческая грусть. Это и обеспечивает произведению долгую, не подвластную времени жизнь.

Н. И. НЕЖЕНЕЦ

Рисунок В. Толстоногова

Произведение искусства только тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит, или слышит, или понимает. Когда воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию, — что это, мол, уже было и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого. Главное, когда он чувствует, что то, что он слышит, видит, понимает, не может быть иначе, а должно быть именно такое, как он его воспринимает. Если же воспринимающий чувствует что то, что ему показывает художник, могло бы быть и иначе, видит художника, видит произвол его, тогда уже нет искусства.

Страница из дневника Л. Н. Толстого.
Запись от 14 октября 1909 г.

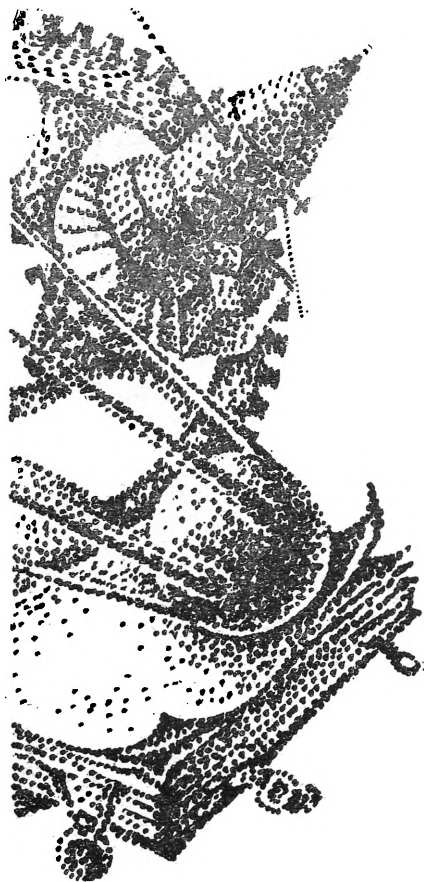
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫК

Важную роль в развитии общественно-экономической жизни современного мира играет научно-техническая революция (НТР). Наша партия поставила перед советским народом задачу — добиться органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Большое значение в этом деле будет иметь русский язык, речевая культура многочисленных народов Советского Союза, так как без развитого и совершенного средства общения невозможно массовое приобщение к современному научному мировоззрению, к научно-техническим и общественно-политическим знаниям. Язык появился с обществом и развивался вместе с ним. Назначение языка — служить обществу; он выполняет такие функции, как коммуникативная

Как «отозвался» русский язык на происходящую научно-техническую революцию? Что появилось в нем за последние 15—20 лет?

В связи с фундаментальными достижениями в области естествознания происходит развитие научных терминологий. Появляется огромное количество новых научных и общекультурных понятий, а следовательно

но, новых слов и словосочетаний: *кибернетика, цепная реакция, орбитальный (полет), катапультирование, интервьюение, интерклуб, лазер, науковедение* и многие другие.

Подсчитано, что в окружающем нас мире появилось и названо более четырех миллионов предметов, причем ежегодно их становится больше на 200 тысяч. На наших глазах увеличи-

(быть средством общения людей),
конструктивная
(служить средством формирования мыслей),
экспрессивная
(быть средством выражения мыслей),
аккумулятивная
(служить средством накопления и хранения социального опыта и знаний).
Функциональные нагрузки влияли на язык, развивали его, расширяли и совершенствовали выразительные средства.

Причем, как свидетельствует исторический опыт, особенно быстро язык «обогащался в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей...»

{М. Горький. Беседа с молодыми}.

Новую эпоху в общественной жизни нашей Родины открыл Октябрь 1917 года.

А в 1928 году в статье «О том,

как я учился писать» М. Горький отмечал, что «русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается с быстротой поражающей».

вают свой словарь традиционные науки, зарождаются и формируются новые терминологические системы: электроники, электрохимии, лазерной, космической техники и др.

Специалисты-научковеды подсчитали, с какой скоростью увеличивался и будет увеличиваться объем научной информации в XX веке. Мировой патентный фонд прибавляется в год на 0,4—0,5 миллиона патентов. За последние 20—25 лет он удвоился и насчитывает примерно 13 миллионов документов. К концу века ожидается его возрастание в 4—5 раз!

Внедрение научных достижений в народное хозяйство осуществляется инженерами, техниками и рабочими. Десятки миллионов лиц овладевают новой терминологией, научно-техническим стилем речи. Нетрудно представить, какого терминологического «хозяйства» потребуют новые научные понятия и целые терминологические системы, как должна будет повыситься информативность научно-технической литературы, какое место займет научный стиль. Одним из хранителей и распространителей ценнейшей научной информации является русский язык.

Отраслевые терминологии не только расширяются, но и преобразуются качественно. Входящие в них слова-термины становятся более системными: уточняются родо-видовые отношения между ними, устраняются слова-дублиеты, а также местные профессионализмы, происходит специализация словообразовательных средств (суффиксов, приставок и т. п.) для выражения научных понятий и категорий, используются новые, обычно более отвлеченные, принципы наименования.

Известно, что научный стиль характеризуется специальной лексикой (терминологической, общенаучной, общетехнической и др.) и особенностями грамматического строя, связанными с обобщенностью и строгой логичностью научного изложения. В нем преобладают распространенные конструкции, а среди сложных предложений — сложноподчиненные. Из односоставных предложений в этом стиле представлены преимущественно обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения (типа: *Установлено, что... Выясняется, что...*) и др.

С расширением сферы применения научного стиля совершенствуются и его грамматические средства: дальнейшая специализация общезыковых категорий и форм; вы-

работка специфических конструкций, формул, символов и приемов выражения. Наряду со специальными способами и приемами научного изложения (цифровым, графическим и т. п.) наблюдается и другая тенденция — использование языковых средств, характерных для разговорного и публицистического стилей: свернутые синтаксические конструкции, разного рода усечения, сложносокращенные слова и т. д.

В современных наиболее развитых языках происходят два взаимосвязанных процесса: 1) дальнейшая профессиональная дифференциация (разделение), в связи с чем представители одной отрасли знаний затрудняются в понимании специалистов другой области науки; 2) растущая интеграция (объединение) терминосистем, в частности, выработка общих наименований для понятий, свойственных многим терминологиям, например названий сходных профессий: *инженер, оператор, диспетчер* и т. д. в авиационной, автомобильной и других отраслях промышленности. Несмотря на колоссальный рост терминологии и использование неязыковых средств выражения, в современной науке возникает потребность в искусственных знаковых системах, помогающих фиксировать, хранить, обрабатывать и передавать информацию.

Международный характер НТР расширяет контакты ученых разных стран (особенно социалистических), что приводит к созданию общего терминологического фонда. Все чаще специалисты той или иной отрасли овладевают не всем иностранным языком, а лишь его научно-техническим стилем. Так возникает новый тип двуязычия (билингвизм по профессии). Следствием научно-технического билингвизма оказывается взаимопроникновение (интерференция) контактирующих языков (точнее — их стилей), приводящее к возрастанию сходства функциональных стилей разных языков.

Научно-технический прогресс создает условия для подъема культурного уровня трудящихся, для овладения нормами литературного языка. Усиление контактов между городом и селом, приближение сельскохозяйственного труда к уровню фабрично-заводского приводят к исчезновению территориальных диалектов, к резкому сокращению сферы их применения. Стиранию диалектных черт (яканья, ёканья, цоканья и др.) способствуют радио, телевидение, кино, пресса и другие средства массовой ком-

муникации. Они же несут в село литературную речь, ее общеполитическую, культурную, научно-производственную терминологию, а также слова непрофессионального характера.

Приобщение к литературному языку большого круга лиц, пользующихся иными формами общения (просторечием, территориальными говорами), способствует, с одной стороны, обогащению языка (разговорно-просторечные, территориально- и профессионально-диалектные элементы усваиваются литературным языком), с другой — более строгому соблюдению норм языка — орфографических, орфоэпических, а также грамматических (морфологических и синтаксических), лексических и стилистических. Показательно, что заботу о языке проявляют не только языковеды-нормализаторы и писатели, но и самые широкие круги общестественности: ученые-нелингвисты, инженеры, рабочие, учащаяся молодежь. Причем нередко ставятся вопросы о совершенствовании терминологии, о повышении ее эстетической стороны, особенно в названиях профессий (об эстетической оценке названий профессий можно прочесть в статье Л. А. Шкатовой «О названиях профессий». — «Русская речь», 1978, № 2).

Подтверждается справедливость слов К. Маркса и Ф. Энгельса, писавших о языке: «Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Сочинения. Т. 3, с. 427). Развитие научно-технической революции влияет на характер мышления человека, на его язык. Расширяется образная система литературно-художественной речи за счет включения в нее научно-технических понятий и более полного отражения современного научного мировоззрения.

В. Д. БОНДАЛЕТОВ,

*профессор
Пензенского педагогического
института*

Рисунок С. Гавриловой

О ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ СЛОВ

Разграничение многозначности и омонимии представляет собой не только теоретическую проблему, но имеет и существенное практическое значение. Любая фиксация лексического материала (прежде всего в словарях) требует определенного распределения значений слов, а для этого необходимо предварительно решить, когда перед нами одно слово с несколькими значениями, а когда эти значения должны быть отнесены к разным словам, только совпадающим по форме (словам-двойникам, то есть омонимам).

В общем плане ответить на этот вопрос можно достаточно определенно. Если между лексическими значениями, выражаемыми

одним звуковым комплексом, существует определенная смысловая связь, которая непосредственно ощущается говорящими, мы имеем дело с многозначным словом. В случае же, когда между значениями нет никакой связи и они не имеют каких-либо общих элементов смысла, речь должна идти об омонимии.

Однако во многих случаях решение вопроса о том, следует ли те или иные значения рассматривать как значения одного слова или же как значения слов-омонимов, вызывает у лингвистов сомнения и разногласия. Об этом свидетельствуют хотя бы данные современных толковых словарей русского языка, в которых значения целого ряда слов трактуются в этом отношении по-разному. Причина таких расхождений заключается прежде всего в том, что сама связь между значениями может иметь различный характер. Поскольку одним из основных источников омонимии признается «распад», «расщепление» многозначности, то нет оснований ожидать, что перед нами не будет переходных промежуточных случаев, то есть возможно, что разрыв между значениями слова в данный период развития языка только лишь намечается или не осуществился полностью.

Вместе с тем и связь между значениями слова (когда она безусловна) может иметь различный характер и это даёт основание выделить различные типы или виды многозначности. На краткой характеристике одного из них мы и остановимся.

Разграничение явлений многозначности и омонимии основано на понятии смысловой связи в значениях многозначных слов (и отсутствия таковой в значениях слов-омонимов). Между тем при обращении к конкретному материалу толковых словарей неизбежно встает вопрос, как же расценивать, исходя из этого критерия, многие значения, выделенные в словарях с пометой «переносные», но в толкованиях которых не содержится ничего общего с толкованиями предшествующих им, то есть основных, значений тех же слов. Например:

Деревянный. 1. Сделанный из дерева. 2. перен. Лишенный естественной подвижности, маловыразительный, бесчувственный; *Кислый*. 1. Обладающий своеобразным острым вкусом (например вкусом лимона, уксуса). 2. Закисший вследствие брожения. 3. перен. Уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие, без всякого подъема, воодушевления; *Гроза*. 1. Атмосферное явление — бурное ненастье с громом и молнией. 2. перен. О ком- — чем-н., наводящем ужас, внушающем сильный страх; *Каша*. 1. Кушанье из сваренной крупы. 2. перен. Нечто беспорядочное, путаница (разг.); *Кипеть*. 1. Бурлить, клокотать, испаряясь от сильного нагрева (о жидкостях). 2. перен. Проявляться в сильной степени, с силой; *Таять*. 1. Обращаться в жидкое состояние под влиянием тепла. 2.

п е р е н. Исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь. З п е р е н. Приходить в умиленное, томное состояние (шутл. и ирон.) [толкования даны по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова. Изд. 9-е. М., 1972].

То, что во всех этих примерах значения, выделенные как «переносные», как-то связаны с основными значениями соответствующих слов, кажется несомненным. Более того, помета «переносное» недвусмысленно указывает на известную их несамостоятельность, их зависимость от тех значений, которые представлены первыми в приведенных словарных статьях. Это, конечно, соответствует и непосредственному восприятию, языковому сознанию носителей языка. Выделение этих значений как значений отдельных слов-омонимов вряд ли показалось бы естественным. В то же время никаких общих семантических признаков, которые связывали бы переносные значения с основными, в приведенных толкованиях не отмечено. В этих толкованиях нет даже каких-либо общих слов, которые указывали бы на возможную связь значений. Однако эта связь есть, и основана она на ассоциациях, обусловленных представлениями о самих предметах, называемых словом.

В зависимости от различных условий одни и те же предметы и явления реальной действительности могут вызывать у говорящих самые разнообразные ассоциации. Когда эти ассоциации оказываются индивидуальными, они влияют только на восприятие и употребление соответствующего наименования данным отдельным лицом. Но они могут быть и более общими, в значительной мере устойчивыми, предопределенными социальным опытом коллектива. В таком случае они так или иначе сказываются на семантике, экспрессивной и стилистической окраске, сочетаемости соответствующего слова с другими словами. Именно такого рода устойчивыми ассоциациями определяются возможности переносного употребления слова. Когда употребление слова в переносном значении оказывается достаточно устойчивым, обычно говорят о выделении особого переносного значения, которое и фиксируется в словарях. Тем самым внеязыковые по существу ассоциации закрепляются, становятся фактом языка.

Существенно отметить, что активность такого рода переносных значений поддерживается аналогичными или близкими, соотносительными переносными значениями других слов, образующих по основным значениям общие тематические ряды. Так, древнее символическое противопоставление света и тьмы пронизывает обширные группы современной русской лексики, предопределяя метафорическое значение многих входящих в эти группы слов: *светлый* — *темный*; *солнце*, *ночь*, *мрачный*, *утро*, *восход*, *светить*, *блестеть*, *сверкать* и другие. Здесь легко обнаружить и перекрещивающиеся

ряды, связанные с этим изначальным противопоставлением: *свет — огонь, пламя — гореть — тепло, жар, горячий, теплый, холодный, лед* и т. д. В том же метафорическом плане воспринимается и переносное значение соприкасающихся с этими семантическими линиями слов, в том числе и глагола *таять*.

В ряду метафорического применения слов, служащих для обозначения вкусовых ощущений, воспринимается переносное значение слова *кислый* (ср. метафорическое преобразование значений прилагательных *пресный, горький, сладкий* и т. п.).

В русском языке закрепились целые ряды метафорических словоупотреблений, семантический вес которых настолько ощутим, что предопределяет в известной мере возможности метафорического развития многих слов. Таковы, например, наименования, служащие для выражения пространственных отношений, для обозначения положения и движения предметов в пространстве, для обозначения температурных явлений, обозначения зрительных, слуховых, осязательных представлений о предметах и т. д. Ср. метафорическое преломление соответствующих слов в современном русском языке: *близкий — далекий, высокий — низкий, узкий — широкий* и т. д.; *сближаться — удаляться, сузить — расширить* и т. д.; *идти, бежать, плыть, лететь, стоять* и т. д.; *колебаться, шататься, шаткий, устойчивый* и т. д.

Существенно также, что к рядам слов с такого рода переносными значениями примыкают и такие слова, которые отчетливо сохраняют словообразовательные связи с членами данных рядов, но основная семантическая функция которых заключается в развитии именно метафорического плана последних. Это производные от основ опорных слов, входящих в данные ряды. Первоначальное, неметафорическое значение производных или отошло на второй план, или, как можно полагать, никогда и не существовало, поскольку эти слова были образованы именно для выражения метафорических значений слов, содержащих исходные основы.

Так, переносное значение прилагательного *деревянный* поддерживается значением глагола *одеревенеть*; переносное значение существительного *гроза* находит развитие в значениях слов *грозить, угроза, грозный*; глаголу *кипеть* в его переносном значении вторит значение прилагательного *кипучий*; переносное значение существительного *вода* определенным образом отражается в глаголе *наводнить*, не соотносительном с прямым значением данного существительного, но соответствующем отрицательно-оценочной экспрессии переносного значения; ср. переносные значения прилагательных *высокий — низкий* и глаголов *возвысить — унижить* и т. п.

Поскольку с одними и теми же предметами и явлениями реальной действительности могут быть связаны различные ассоциации,

они могут закрепляться за словом в его отдельных значениях. Семантическая структура слова получает тогда более сложный вид. Например, в основное значение глагола *гореть* — 'поддаваться действию огня, уничтожаться огнем' — не входят признаки яркого света, сильного нагрева, красного цвета, интенсивности обозначаемого глаголом процесса (ср. *пылать*). Приписав такие признаки основному значению слова, мы исказили бы его смысловую характеристику, так как вполне возможны фразы, в которых названное действие явно не допускает подобного осмысления: «В углу тускло горела лучина»; «В печке вяло, почти не давая тепла, горели поленья» и т. п. (здесь очевидна неуместность глагола *пылать*, для значения которого признак интенсивности действия существен). Но возможны фразы: «Уши горят»; «Лицо горело», а также: «Штыки горят под солнцем юга» (Лермонтов. Валерик); «Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души прекрасные порывы!» (Пушкин. К Чаадаеву); «Инсаров давно кончил все свои сборы и горел желанием поскорее вырваться из Москвы» (Тургенев. Накануне) и т. д. Использование глагола *гореть* в этих примерах связано с тем, что указанные ассоциативные признаки попеременно выступают на первый план, обуславливая своеобразную многогранность его значения.

«Ассоциативная мотивированность» значений далеко не всегда соответствует логической оценке явлений, но «алогичность» внутренней формы языковых единиц отмечается и в ряде других случаев (ср. *синие чернила*, *цветное белье* и т. п.), что не препятствует их нормальному функционированию. Ассоциативные признаки, будучи присущи слову, не препятствуют также его основной номинативной функции, хотя в каких-то случаях, по-видимому, и могут бросать на них свой отблеск.

Например, наименования многих животных употребляются для характеристики человека: *ворона*, *лиса*, *осел* и т. п. Толковые словари отмечают у этих слов соответствующие значения: *Ворона*. 1. Всеядная птица, серая с черным или черная, родственная ворону. 2. перен. Зевака, ротозей (разг.); *Лиса*. 1. То же, что лисица. 2. перен. Хитрый, лживый человек (разг.). *Лисица* — хищное млекопитающее из семейства собачьих с длинным пушистым хвостом, а также мех его; *Осел*. 1. Родственное лошади животное невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами. 2. перен. О тупом упрямце (просторечное, бранное).

Как видим, в толкованиях основных значений приведенных слов нет и намека на те качества, которые закреплены за ними при их применении к людям. Да и вряд ли нам показалось бы уместным, если бы соответствующие качества были отмечены как

отличительные признаки самих животных, то есть были введены в толкование основных значений. Между тем эти признаки устойчиво закреплены за соответствующими словами, что и отражено в словарях в выделении переносных значений. Как правило, такого рода признаки связаны не с понятием об определенном явлении, а с вызванным теми или иными обстоятельствами представлением о нем, а с о с ц и а ц и я м и, которые во многих случаях перестают быть непосредственно живыми для говорящих, но которые диктуются им сложившейся семантикой слов.

Так, наше представление о том, что «собака — друг человека» существует наряду с бранным значением слова, а нелестное применение слов *осел* или *ворона* остается фактом языка, невзирая на возможное несоответствие реального и языкового представления о поведении этих животных. Ср. у Куприна: «И никогда не верь тому, что тебе говорят дурного о животных. Тебе скажут: осел глуп. Когда человеку хотят намекнуть, что он недалек умом, упрям и ленив,— его деликатно называют ослом. Запомни же, что, наоборот, осел — животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое. Но если его перегрузить свыше его сил или вообразить, что он скаковая лошадь, то он просто останавливается и говорит: „Этого я не могу. Делай со мной что хочешь“. И можно бить его сколько угодно — он не тронется с места. Желал бы я знать, кто в этом случае глупее и упрямее: осел или человек?» (Куприн. Ю-ю).

Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, как и формирование других элементов слова,— процесс исторический. Поэтому многие ассоциации, объективно закрепленные в словах, могут казаться не мотивированными с точки зрения современного восприятия соответствующих предметов и явлений. Однако, будучи фактом словаря, они уже даны говорящим и в общем неподвластны субъективному вмешательству. Ср., например, значения глагола *каркать*, которые в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова описаны так: 1. О вороне: кричать, издавать звуки, похожие на «кар-кар». 2. п е р е н. Говорить, предвещая что-нибудь неприятное (просторечное, неодобрительное).

Это не значит, конечно, что ассоциативные признаки не разрушаются и не видоизменяются. Подобно тому, как может быть видоизменена или переосмыслена словообразовательная форма слова, могут преобразовываться и ассоциативные связи, существующие между отдельными значениями слов.

Доктор филологических наук
Д. Н. ШМЕЛЕВ

Рисунок В. Толстоногова

ПРОФЕССИО-
НАЛЬНАЯ
ЛЕКСИКА
В
ТОЛКОВЫХ
СЛОВАРЯХ

■

Каждый толковый словарь литературного языка содержит, кроме лексики нейтральной, слова диалектные, просторечные, которые в литературном языке имеют ограниченное употребление. Об этом свидетельствуют пометы, сопровождающие такие слова: *обл.* (областное), *прост.* (просторечное), *разг.* (разговорное) и др. Ограниченное употребление имеет и часть терминологической лексики, называемой нами специальной.

Как известно, в настоящее время, в век научно-технической революции, литературный язык пополняется в основном за счет терминологической лексики. Естественно, что ей отводится значительное место и в толковых словарях. Большая часть терминов имеет широкое употребление в языке, относится к нейтральной лексике и помещается в толковые словари без помет стилистического характера. Лексика, употребляемая в основном в специальных текстах и известная только специалистам, в толковые словари русского литературного языка не включается, а фиксируется соответствующими терминологическими словарями. Специальные же слова, то есть термины, не имеющие широкого употребления в речи, но не узкоспециальные, включаются в толковые словари с соответствующей пометой. Пометы указывают на принадлежность термина к специальной сфере употребления: *мат.* (математическое), *мор.* (мор-

ское), *плотн.* (плотницкое) и другие, или к определенному стилю: *спец.* (специальное).

Указания на профессиональное употребление слов появляются в словарях уже в конце XVIII века. Словарь И. Гейма (1796), например, содержит 20 помет, среди них такие: *архит.* (архитектурное), *artil.* (артиллерийское), *богосл.* (богословское), у *живописцев* и др. В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) их насчитывается около 50. Тщательно разработана система помет в I томе «Словаря русского языка» под редакцией Я. К. Грота (1891—1895).

В словарях русского литературного языка советской эпохи используются те же пометы. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940; далее — Словарь Ушакова) их около 65. В этом словаре несколько расширено включение производственной терминологии (по сравнению с другими системами терминов), но появляются пометы и иного характера. Если названные пометы (частные) свидетельствуют о принадлежности слова к той или иной области науки, техники, производства, искусства, общественной жизни, то новые пометы в Словаре Ушакова указывают на разновидность письменной речи: *науч.* — свойственное научному языку, когда термин применяется в разных отраслях науки; *спец.* — когда слово связано с каким-нибудь производством, с какой-нибудь профессией и т. п. или когда слово относится сразу к сфере нескольких специальностей.

В 4-томном «Словаре русского языка» АН СССР (1957—1961; далее — 4-томный Словарь) наряду с частными пометами используется одна общая: «Если слово, имеющее специальный характер, употребляется в ряде областей, а также если затруднительно определить узкую сферу его употребления (причем оно не имеет широкого распространения в литературном языке), при нем (или при его значении) ставится помета, имеющая общее значение, *спец.*, то есть специальное слово (или значение)...».

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР (1948—1965; далее — 17-томный Словарь) в первых трех томах используется тщательно разработанная система частных помет (их около 90; общих помет нет). Но с IV тома для слов профессиональной и специальной терминологии употребляется лишь одна помета — *спец.* Применяется она тогда, когда термин не является широкоупотребительным, не перешел в разряд обычной нейтральной лексики русского литературного языка.

В одготомном «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова (во всех изданиях) принадлежность слова к определенному кругу профессионального (научного, технического и т. п.) употребления также обозначается только одной пометой — *спец.*

■

Для специальных слов используются те же виды толкований, что и для других слов: описательные, отсылочные и синонимические. В толковых словарях русского литературного языка обычно не приводятся рисунки, схемы, диаграммы и т. п., как, например, в энциклопедических. В толковом словаре определяется значение слова, а в энциклопедии — понятие, поэтому толкования слов в них даются по-разному. Для сравнения приведем несколько определений, данных в энциклопедии (БСЭ) и толковых словарях:

Нагель — деревянный или металлический стержень цилиндрической или другой формы, применяемый для постоянного или временного скрепления частей деревянных конструкций, в том числе деревянных сосудов. В судовом такелаже *Н.* называется также ось блока, на которой вращаются шкивы (БСЭ, II изд.).

Нагель — *С п е ц.* Большой деревянный или металлический гвоздь, употребляемый для скрепления частей деревянных конструкций (17-томный Словарь); *С п е ц.* Большой деревянный или металлический стержень, применяемый для скрепления частей деревянных конструкций (4-томный Словарь); *С п е ц.* Большой деревянный гвоздь, употребляемый в постройках и преимущественно в деревянном судостроении (Словарь Ушакова).

Ходбк (в горном деле) — подземная выработка, не имеющая непосредственного выхода на земную поверхность и предназначенная для пешего передвижения людей (БСЭ, II изд.).

Ходбк — 3. *С п е ц.* В горном деле — горизонтальная или наклонная выработка, служащая для передвижения, прохода шахтеров (17-томный Словарь); 5. *Г о р н.* Подземная выработка, предназначенная для пешего передвижения людей (4-томный Словарь); 4. *С п е ц.* Место хода, место, по которому проходят (Словарь Ушакова).

Но в некоторых случаях для специальных слов в толковом словаре используется первое предложение определения, данного в энциклопедии (дефиниция), иногда с незначительными изменениями, как, например:

Неврбма — Опухоль из мягкотных или безмякотных нервных волокон; часто является следствием порочного развития нервов, встречается на лице, шее, спине, груди и др. (БСЭ, II изд.); *С п е ц.*

Опухоль из мягкотных или безмякотных нервных волокон (17-томный Словарь).

Нектон — Совокупность водных животных, способных к самостоятельному, активному передвижению на значительные расстояния в открытых частях водоемов (БСЭ, II изд.); Спец. Совокупность водных животных (киты, дельфины, рыбы и т. д.), способных к самостоятельному передвижению на значительные расстояния в открытых частях водоемов (17-томный Словарь).

Холецистит — Воспаление желчного пузыря (БСЭ, II изд.); Спец. Воспаление желчного пузыря (17-томный Словарь).

При толковании слов производных, глаголов, прилагательных используются отсылочные определения: *Нагрávка* — Спец. Действие по 5-му значению глагола *нагрáвить* (17-томный Словарь); Спец. Действие по глаголу *нагрáвить* (в 3-м значении; 4-томный Словарь); Спец. Действие по глаголу *нагрáвить* во 2-м значении — *нагрáвливать* (Словарь Ушакова).

Назализовáть — Спец. То же, что *назализировать* (17-томный Словарь).

Назализировать — Л и н г в. То же, что *назалировать* (Словарь Ушакова).

Часто прилагательные в толковых словарях определяются при помощи слов *являющийся, служащий, подвергающийся, предназначенный, состоящий, относящийся, производимый, основанный* и др. и существительного того же корня: *Нагревáтельный* — 2. Спец. Подвергающийся нагреванию (17-томный Словарь); 2. Тех. Подвергающийся нагреванию (4-томный Словарь); Тех. Служащий для нагревания чего-нибудь. // Подвергающийся нагреванию (Словарь Ушакова). *Нагрáвочный* — Спец. Предназначенный для натравки (17-томный Словарь); Спец. Относящийся к натравке (4-томный Словарь).

Синонимические определения для специальных слов используются очень редко (*церебрáльный* — мозговой); чаще они употребляются вместе с описательным:

Антропофаг — Науч. Человек, употребляющий в пищу человеческое мясо; людоед, каннибал (Словарь Ушакова).

Апблог — Л и т е р а т. Небольшой аллегорический рассказ из жизни животных с нравоучительным содержанием; басня (17-томный Словарь).

Хлébина — 2. Спец. Корм для пчел в виде цветочной пыльцы; перга (17-томный Словарь); Пчел. Цветочная пыльца, собранная пчелами, уложенная ими в ячейки сотов, залитая медом и используемая ими как корм; перга (4-томный Словарь).

Ядрышко — 2. Спец. Мелкое шаровидное тело внутри ядер животных и растительных клеток; нуклеоль (17-томный Словарь).

Определения слов в толковых словарях подтверждаются иллюстрациями, примерами из художественной литературы. Но соответствующий пример для специального слова найти довольно трудно, так как эти слова, имея ограниченное употребление в языке, редко встречаются и в художественной литературе. Поэтому специальные слова чаще иллюстрируются примерами из научной и научно-популярной литературы. В 17-томном Словаре приводятся цитаты из произведений художественной литературы, а также научной и научно-популярной.

Нары́ск — Спец. Лисий след. «След [хорька] издали может показаться лисьим нарыском» (С. Аксаков. Рассказы и воспоминания охотника).

Наутофо́н — Спец. Электрический мембранный звукоизлучатель, устанавливаемый на маяках (молах, дамбах и т. п.) для подачи сигналов во время тумана или пасмурной погоды. «На островах, мимо которых он шел, он увидел бы теперь электрические маяки и радиомаяки, он услышал бы наутофоны, громко гудящие во время тумана и указывающие путь кораблям» (Каверин. Два капитана).

Электрбл — Спец. 1. Сплав алюминия с магнием, обладающий большой прочностью и пластичностью. «Электрон — сверхлегкий сплав алюминия с магнием, обладающий высокими механическими свойствами» (Ферсман. Занимательная геохимия).

В Словаре Ушакова и 4-томном Словаре цитатами из литературы иллюстрированы лишь некоторые слова. Словарь Ушакова: *Хлупь* — Спец., обл. Кончик крестца у птиц. «К отлету своему старые крошншепы до того разжиреют, что вся хлупь покрывается салом» (С. Аксаков); 4-томный Словарь: *Наду́льник* — Воен. 1. Чехол, надеваемый на дульную часть ружья, пулемета, орудия и т. п. «[Солдатам] приказали снять надульники (кожаные чехольчики) с ружей» (Гаршин. Из воспоминаний рядового Иванова).

В качестве иллюстративного материала в толковых словарях часто используются так называемые речения, словосочетания из двух-трех или более слов, взятые из литературы или образованные составителями словарей. Речения в основном показывают употребление слова в языке:

Характеристика — 5. Спец. Изображение свойств чего-нибудь посредством кривой; какой-нибудь основной графический показатель чего-нибудь. «Характеристика мощности двигателя» (17-томный Словарь).

Церебральный — Спец. 1. Мозговой. «Церебральный отдел черепа» (17-томный Словарь).

Нагрузка — 5.//Тех. Работа, выполняемая данной машиной, выраженная в каких-нибудь единицах. «Мотор работает при повышенной нагрузке» (Словарь Ушакова).

Центр — 1. Мат., физ. Точка пересечения каких-либо осей, линий в фигуре, точка сосредоточения каких-либо отношений в теле. «Центр давления. Центр линзы. Центр окружности. Центр подобия. Центр симметрии. Центр эллипса». 7. Физиол. Группа нервных клеток, регулирующих ту или иную функцию организма. «Двигательный центр. Дыхательный центр. Возбудимость центров коры головного мозга» (4-томный Словарь).

Таким образом, в толковые словари литературного языка включается терминологическая лексика общеупотребительная и малоупотребительная, но не узкоспециальная. Малоупотребительная специальная лексика имеет в толковых словарях соответствующие пометы.

Кандидат филологических наук
В. В. БУРЦЕВА

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

УЧИТЕСЬ ВИДЕТЬ ТЕКСТ

Если бы редактором были Вы, то какую неловкость постарались бы убрать в таком, например, тексте:

«Мне ни разу не пришлось испытать потерю контакта со слушателями, а в Руслане он был особенно радостен. „Руслан“ — великая опера, и я считаю, что „сокращать“, купировать Римского-Корсакова, Мусоргского немислимо. Это всегда очень обидно. Лучше сокращать время в антрактах, при смене декораций, а не за счет музыки...» («Огонек», № 13, март 1976, с. 25).

Ответ на с. 92

В письме читательницы Р. М. Петрушкиной из Тольятти содержится просьба разъяснить, как следует произносить глагол *стажироваться*. Вопрос вызван тем, что словари рекомендуют ударение *стажироваться* и *стажировать*, а в обычной речи чаще можно слышать *стажироваться*. «У нас десятки стажеров с КамАЗа,— пишет Р. М. Петрушкина,— но не приходилось слышать, чтобы кто-то сказал: „У нас стажирует товарищ...“ или „Нам еще стажировать на ВАЗе полгода“. Слово это пишут и говорят только так: *стажироваться, стажируюсь*».

Кандидат филологических наук В. Л. Воронцова рассказывает о глаголах на *-ировать* в русском языке и нормах их произношения.

СТАЖИРОВАТЬСЯ ИЛИ СТАЖИРОВАТЬСЯ ?

Чтобы понять причины колебания ударения в глаголе *стажироваться* (а колебания присущи и многим другим глаголам этого типа), необходимо хотя бы в общих чертах представить себе историю всей группы глаголов на *-ировать* в русском языке и проследить те изменения в нормах их произношения, которые наблюдались в процессе развития русского литературного языка.

Глаголы на *-ировать* — категория слов сравнительно новая в русском языке. Можно сказать, что нам точно известно время их появления. Это начало XVIII века, Петровская эпоха. В книге «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной (Л., 1972) приводится несколько десятков глаголов на *-ировать*, отмеченных в различных документах первой трети XVIII века: *авансировать, аккордировать, амбаркировать, анатомировать, атакировать, баллотировать, бальзамировать, баркировать, бомбардировать, буксировать, гарантировать, дефилировать, диктовать, диспутировать, зондировать, иллюминировать, кассировать* и др.

Известно, что до начала XVIII века основным проводником западноевропейских заимствований был польский язык. Иноязычные глаголы, переходящие через посредство польского (на -оваć), имели элемент *-ова-*. В XVIII веке передача через польский продолжалась (ср. отмеченные в документах того времени *азардовать*, *апробовать*, *арестовать*, *ассистовать*, *гоноровать*, *информовать*, *канонизовать*, *обсервовать*, *президовать* и др.), но наряду с этим осуществлялись и непосредственные языковые контакты с западноевропейскими языками, при этом наиболее значительным было влияние немецкого.

Большинство из отмеченных глаголов на *-ировать*, по данным книги Е. Э. Биржаковой и др., соотносится с немецкими (*анатомировать*, *квартировать*, *пломбировать*, *регулировать*), французскими и немецкими (*авансировать*, *аккомпанировать*, *аккордировать*, *вольтижировать*, *дефилировать*, *зондировать*, *патрулировать*, *репетировать*, *реформировать*, *сальвировать*, *транспортировать*), реже голландскими и немецкими (*буксировать*, *лабиринтировать*, *трактировать*). Это позволяет предположить, что начало глаголам на *-ировать* дали именно немецкие глаголы на *-ieren*. Впрочем, суффикс *-ирова-* рано, видимо, получил и словообразовательную самостоятельность: с его помощью могли передаваться глаголы и без посредства немецкого. Так, для ряда уже и ранних заимствований указывается только французский (*амбаркировать*, *афронтировать*, *визитировать*, *гравировать*, *дебаркировать*, *инструировать*, *кразировать*), итальянский (*мобилизовать*) и некоторые другие источники. Однако в целом это характерно все же для более поздних заимствований — второй половины XVIII века: *анализировать*, *анролировать*, *вальсировать*, *дезавуировать* и др. Поскольку продолжается передача глаголов и через польское посредство, возникает вариативность в оформлении заимствуемых глаголов.

Отмечены, например (среди новых заимствований): *атакировать* и *атаковать*, *бальзамировать* и *бальзамовать*, *бомбардировать* и *бомбардовать*, *гарантировать* и *гарантовать*, *декламировать* и *декламовать*, *диктировать* и *диктовать*, *диспутировать* и *диспутовать*, *иллюминировать* и *иллюминовать*, *командировать* и *командовать*, *организовать* и *организовывать*, *репетировать* и *репетовать*, *реформировать* и *реформовать*, *транспортировать* и *транспортировать*, *экзаминировать* и *экзаменовать* и др. Вариативность в оформлении подобных глаголов продолжается многие десятилетия и в небольшой степени свойственна современному языку; ср.: *нормализовать*

и нормализировать; централизовать и централизовать; стабилизовать и стабилизировать.

Большая часть глаголов на *-ировать*, проникавшая в русский язык в XVIII веке, принадлежала тому или иному виду терминологии. Однако в какой-то мере эти глаголы были употребительны и в светской речи образованного дворянства. В шаржированном виде такая речь получила отражение в комедии А. П. Сумарокова «Пустая ссора», где представлен следующий карикатурно-пародийный диалог Дюлижа и Деламиды:

Деламида: Вы так мне *флатируете* [льстите], что уже невозможно.

Дюлиж: Вы мне не поверите, что я вас *адорирую* [обожаю].

Деламида: Я этого, сударь, не *мерирую* [не заслуживаю].

Дюлиж: Я думаю, что вы довольно *ремаркированы* *быть* могли [могли заметить], чтобы я *опрэ де* [около] вас всегда в *конфузии*.

Деламида: Что вы *дистре* [рассеянны], так это, может быть, от чего другого.

Дюлиж: Я все, кроме вас, *мепризирую* [презираю].

Как известно, Сумароков был убежденным противником заимствования слов, он настаивал: «Вовек отеческим языком не гнушайся, И не вводи в него Чужого ничего, Но собственной своей красою украшайся» (Порча языка). Естественно, что одним из предметов осуждения в его комедии являются глаголы на *-ировать*. Но к этим глаголам отрицательно в ряде случаев относились и филологи того времени, которые рассматривали их как «неполноценные», отдавая предпочтение глаголам на *-овать* (см. об этом: К. С. Горбачевич. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971).

Возможно, поэтому глаголы на *-ировать* очень скупо представлены в словарях XVIII века, в частности, в «Словаре Академии Российской»: *баллотировать*, *бальзамировать*, *блокировать*, *бомбардировать*, *вольтижировать*, *гравировать*, *дезертировать*, *дистиллировать*, *командировать*, *конвоировать*, *копировать*, *лакировать*, *лавирировать*, *маршировать* и др. Однако постепенно они все более укрепляются в языке и число их растет. Следует отметить здесь и такой факт: вытеснение целого ряда глаголов на *-овать* и закрепление вместо них в дальнейшем глаголов на *-ировать*. Например: в старых словарях — *апробовать* и современное — *апробировать*; *ратификовать* и *ратифицировать*; *скандовать* и *скандировать*; *сум-*

ловать и *суммировать*. Из отмечаемых словарями прошлого века вариантов — *таксировать* и *таксовать* закрепляется *таксировать*; *акцентировать* и *акцентовать* — *акцентировать*; *компилировать* и *компилевать* — *компилировать*; *концентрировать* и *концентровать* — *концентрировать*; *цитировать* и *цитовать* — *цитировать*. В современных словарях, по данным «Обратного словаря русского языка» (М., 1974), содержится более 800 глаголов на *-ировать* (не считая приставочных).

Каковы же нормы произношения глаголов на *-ировать* и как они изменялись?

Есть основания предполагать, что первоначально «образцом» для произношения глаголов на *-ировать* служили заимствованные же глаголы на *-овать*, имеющие обычно окончательное ударение: *арестовать*, *арестую*, *арестуешь*. Об этом свидетельствуют немногочисленные глаголы на *-ировать*, которые приведены с ударением в книге Е. Э. Биржаковой и др.: *бомбардировать*, 1705; *буксировать*, 1714, но, впрочем, и *атаковать*, 1713. Свидетельством являются и нормы произношения глаголов в словарях XVIII века — Словаре Нордстета 1780 г. и в «Словаре Академии Российской» (1789—1794), где они зафиксированы почти исключительно с ударением *-ировать*: *баллотировать*, *бальзамировать*, *блокировать*, *вольтижировать*, *гравировать*, *дезертировать*, *командировать*, *конвоировать*, *копировать*, *лакировать*, *лабирировать*, *маршировать*.

Некоторые стихотворные материалы более позднего периода (начала XIX века и далее) также подтверждают традиционное произношение — с ударением на конечном слоге: «Комар не *блокирует* Его ушей и щек...» (Языков. Чувствительное путешествие в Ревель); «Пускай же мальчики болтают и танцуют, Потомки воинов всю жизнь *провальсируют*...» (Воейков. Сатира к Сперанскому...); «...Он *понтирует*, как велят — И этой чести очень рад» (Лермонтов. Тамбовская казначейша). Можно думать, что и сумароковский Дюлиж в приведенном диалоге говорил *адорирую*, *ремаркированы*, *мепризирую*, а Деламида — *флатируете*, не *меритирую*.

Однако в дальнейшем, по мере увеличения в русском языке глаголов на *-ировать*, укрепляется и отличное от глаголов на *-овать* ударение (соответствующее немецкому) — на слоге *-ир-*. Так, из глаголов, освоение которых относится к первой половине XIX века (их впервые отмечает Словарь 1847 г.), ударение *-ировать* имеют две третьих глаголов такого типа образования.

Среди глаголов на *-ировать*, которые впервые отмечают словари более позднего времени, преобладание ударения на *-и́р-* становится все более значительным. В Толковом словаре В. И. Даля, например, *-ировáть* вместе с колеблющимся ударением составляет примерно пятую часть. Глаголы же, получившие распространение в 20—30-х годах нашего столетия (они впервые приведены в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова), зарегистрированы почти исключительно с ударением на *-и́ровать*; глаголы, зарегистрированные позже, имеют только *-и́ровать*.

Характерно, что число слогов в этих глаголах (по мнению некоторых лингвистов оно отражается на месте ударения) не имеет существенного значения. Так, многие глаголы, отмеченные с окончательным ударением в «Словаре Академии Российской», одним из наиболее старых словарей, пятисложны: *бальзамиро́вать*, *бомбардиро́вать*, *гравиро́вать*, *командиро́вать* и др.; пять слогов имеет и большая часть глаголов, приведенных с окончательным ударением в Словаре 1847 г.: *абониро́вать*, *англизиро́вать* и даже шесть слогов: *кристаллизиро́вать*. Но значительная часть новых глаголов, появившихся сравнительно недавно и имеющих ударение *-и́ровать*, имеет четыре слога: *базиро́вать*, *вибри́ровать*, *до́зировать*, *мини́ровать* и др.

Ударение в этих глаголах в период XIX — начала XX века неустойчиво: одни из них имеют ударение *-ировáть*, другие *-и́ровать*. Этот тип глаголов все более укрепляется в языке, и параллельно этому процессу происходит закрепление ударения *-и́ровать*. Тенденция к установлению такого ударения распространяется и на глаголы, вошедшие в русский язык в разное время (в силу разных причин) с ударением на *-ировáть*.

Таким образом, из всей довольно большой группы глаголов на *-ировать*, употребительных в литературном языке конца XVIII — начала XX века с ударением *-ировáть*, к настоящему времени остается сравнительно небольшое число (из более 800 глаголов, зарегистрированных словарями, *-ировáть* имеют около 40). Среди них: *бомбардиро́вать*, *грими́ровать*, *группиро́вать*, *гофри́ровать*, *гравиро́вать*, *драпиро́вать*, *дрессиро́вать*, *декотиро́вать*, *костюми́ровать*, *командиро́вать*, *лаки́ровать*, *мебли́ровать*, *марши́ровать*, *маски́ровать*, *нижелиро́вать*, *нормиро́вать*, *поли́ровать*, *пломби́ровать*, *преми́ровать*, *плиссиро́вать*, *роки́ровать*, *сорти́ровать*, *трени́ровать*, *фарши́ровать*, *форми́ровать*, *эмали́ровать*, *экипи́ровать*. При этом в разговорной речи ударение в некоторых из этих глаголов испы-

---

тывает колебание: имеют распространение, например, *гримировать*, *гофрировать*, *костюмировать*, *маскировать*, *нормировать*, *пломбировать*, *премировать*, *экипировать* и др.

Следует отметить, что в более поздний период в язык входят новые глаголы, этимологически связанные с заимствованными ранее. Они получают уже новое ударение. Поэтому в ряде случаев значения таких глаголов различаются по ударению: *планировать* — 'устраивать, располагать в соответствии с определенным планом' и *плани́ровать* — 'составлять план развития чего-нибудь', 'постепенно, плавно снижаться при полете'; *пикировать* — 'пересаживать растения', *пикироваться* — 'говорить друг другу колкости' и *пикиро́вать* — 'маневрируя, лететь на самолете вниз почти вертикально'; *крокировать* — 'в игре в крокет: ударить своим шаром шар другого игрока' и *кроки́ровать* — 'делать, набрасывать кроки'; *бронировать* — 'покрывать броней' и *брониро́вать* — 'предоставлять броню на что-либо'; соответственно различается и *бронированный*, *забронированный* — 'покрытый броней' и *брониро́ванный*, *заброниро́ванный* — 'закрепленный на броне'.

С устойчивым ударением на *-ировать* остаются, таким образом (из употребительных в современном языке), единичные глаголы: *драпировать*, *командировать*, *маршировать*, *лакировать*, *никелировать*, *сортировать*, *эмалировать* и некоторые другие. Это глаголы старые, часто употребляемые и прочно закрепившиеся в языке. Их характерной особенностью является наличие форм вида, свидетельствующих о прочном вхождении в русскую глагольную систему: *командировать* — *откомандировать*; *прикомандировать* — *откомандировывать*, *прикомандировывать*; *сортировать* — *рассортировать* — *рассортировывать*; *драпировать* — *задрапировать*; *лакировать* — *отлакировать*; *никелировать* — *отникелировать*.

Глагол *стажировать* сравнительно новый: он появился в русском языке в 30-х годах нашего столетия. Впервые его фиксирует «Словарь иностранных слов» (М., 1937). Глагол *стажироваться* появляется несколько позднее. Его первая фиксация с пометой «новое» — в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. IV, 1940). Как и большинство глаголов на *-ировать* позднего образования, *стажировать* и *стажироваться* получают ударение на *-ировать*. С таким ударением — *стажи́ровать*, *стажи́роваться* — глаголы приводит Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова и все другие словари, в том числе и словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под ре-

---

дакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959), включающий только глагол *стажировать*.

В отношении глагола *стажироваться* обычная речевая практика расходится с рекомендациями словарей: преобладает ударение *стажировáться*. Причины такого необычного «движения» ударения в этом глаголе трудно определить точно. В современном употреблении преобладает глагол *стажироваться* (хотя еще в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова он приводится с пометой «неправ. вм. *стажировать*»). Сейчас ударение в этом глаголе проходит этап колебаний: не забыто старое ударение, закрепленное в словарной традиции, и не возобладало полностью новое. Поэтому здесь невозможно рекомендовать одно ударение: *стажировáться* или *стажироваться*, следует считать нормативными оба, имея в виду, что будущее, скорее всего, за ударением *стажировáться*.

В. Л. ВОРОНЦОВА

**В условиях
научно-технического прогресса
непрерывно обогащается
общелитературный язык.
Совсем недавно появились
такие
слова, как л у н о х о д, с п у т н и к,
но они прочно вошли в нашу жизнь,
в наш язык.
Институт русского языка
Академии наук СССР
готовит к переизданию 17-томный
Словарь современного русского
литературного языка.
Это самый большой наш словарь,
отражающий
языковую культуру народа
от Пушкина до наших дней.**

ЕДИНОГО

СЛОВА

РАДИ

Предлоги, как правило, стоят перед теми именами, с которыми сочетаются: *в столовой, за городом, перед нами* и т. п. Однако в современном русском языке есть предлог — *ради*, выражающий целевые и причинные отношения, который имеет интересную особенность (в отличие от других первообразных предлогов, типа *о, за, перед* и т. п.): он может стоять как перед именами, с которыми сочетается, так и после них (в постпозиции). Например: «Бой идет святой и правый. Смертный бой не ради славы, Ради жизни на земле» (Твардовский. Василий Теркин) и «Изводишь, |единого слова ради, |тысячи тонн| словесной руды» (Маяковский.

Разговор с фининспектором о поэзии). А один из рассказов А. М. Горького называется — «Скуки ради».

Как показывают наблюдения, обороты с постпозитивным *ради* используются в устной и письменной речи. Приведем примеры из прозаических и поэтических художественных произведений, в которых предлог *ради* в таком употреблении встречается главным образом в речи героев: «— Ну-с, дело прошлое, сошелся я там скуки ради с одной певичкой» (Чехов. Пассажир 1-го класса); «— Не корысти ради,— пропел отец Федор,— а токмо во исполнение воли больной жены...» (Ильф и Петров. Двенадцать стульев); «А черт его знает, что он, этот Илья-пророк, надумает? Возьмет и, потехи ради, саданет тебя молоньей в лысину...» (Шолохов. Поднятая целина); «Но, уже с насмешкой глядя, Тот ответил моему: — Ты пойми, что рифмы ради Можно сделать хоть Фому» (Твардовский. Василий Теркин).

Обороты с постпозитивным *ради* употребляются в языке прессы — в газетных и журнальных статьях (прежде всего с целью создания экспрессивности изложения): «Петровский собирал свою коллекцию не развлечения ради» («Комсомольская правда», 17 марта 1965); «Не прихоти ради Лев Толстой, босой, в холщовой рубахе ковырял землю крестьянской сохой» («Комсомольская правда», 9 октября 1968); «В жизни не все так однозначно, но полемики ради давайте пойдем на такое упрощенное противопоставление...»

(«Комсомольская правда», 24 января 1975); «У него дома стоял станок, и Сперанский в простой русской рубашке (не ради единства стиля, а удобства ради: просторно) токари начал» («Наука и жизнь», 1976, № 6); «Не звукового упоения ради создает Владимир Цыблин эти строки...» («Огонек», 1976, № 31); а также в заголовках газетных и журнальных статей: «Истины ради» («Литературная газета», 30 апреля 1965); «Отписки ради» («Комсомольская правда», 16 ноября 1971); «Премии ради» («Правда», 10 января 1976); «Не процента ради» («Правда», 22 мая 1976).

При этом следует обратить внимание на употребление предлога *ради* с книжными, абстрактными по своему лексическому значению существительными: *полемики ради, объективности ради, упоения ради, истины ради*. Отдельные сочетания являются своеобразными фразеологизмами, например: *бога ради и Христа ради*. Постпозитивное употребление *ради* закрепилось в слове *христарядничать*, образованном на базе сочетания *Христа ради*. обороты *бога ради и Христа ради* употребляются иногда в разговорной речи. Однако слова *бог* и *Христос* в этих оборотах утратили первоначальное лексическое значение.

Как показывают наблюдения, в устной и письменной речи начинают приобретать устойчивое употребление и такие сочетания, как *шутки ради* и *справедливости ради*: «Шутки ради он исследовал

зависимость скорости таяния от загрязнения снега» (Гранин. Иду на грозу); «Справедливости ради следует отметить, что больше случаев столь удачного попадания у Фейнмана не было» («Наука и жизнь», 1976, № 6). В поэзии этот предлог встречается после прилагательного, но перед существительным: «Соорудил хозяин стол, Лежанку возле печи. И все в порядок произвел Желанной ради встречи» (Твардовский. Дом у дороги).

Наиболее активно, по нашим наблюдениям, *ради* употребляется после вопросительного местоимения *что (чего ради)* в предложениях, содержащих вопрос с ярко выраженными целевыми отношениями: «—Спросите их: чего ради они истребляли народ и разрушали хозяйство его?» (Горький. Ответ интеллигенту); «—Чего ради он сидел на собрании? Чтoб потолковать о токах?» (Николаева. Битва в пути); «—Чего ради он занимается электрическим пробоем?» (Гранин. Иду на грозу); «—Но чего ради отпрыски сытого „среднего класса“ подаются в радикалы? Что они там потеряли?» («Комсомольская правда», 28 сентября 1975).

В отдельных случаях *ради* встречается и в сочетании с личным местоимением *ты (тебя ради)*: «—Ты все-таки не подумай, что тебя ради будет пир горой» (Шишков. Угрюм-река); «Тебя ради он пошел на это» (из разговорной речи).

Ю. Т. ДОЛИН,
доцент Ленинадского
педагогического института

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Возрастание роли науки и техники в нашей жизни, развитие средств массовой информации способствуют процессу обогащения современного русского языка. Множество слов и словосочетаний из различных сфер профессиональной деятельности, спорта, науки и искусства, то есть термины, входят в общее употребление. Среди фразеологизмов русского языка заметное место занимают устойчивые словосочетания терминологического характера, которые развили переносное значение и вошли в этом значении в общий литературный язык. В общелитературном контексте термин приобретает экспрессивность вследствие новизны употребления и своеобразной смысловой двуплановости. Например:

«Они ценят деньги просто как золотое обеспечение личности. Или проще: некий *инертный материал*, если следовать терминологии строителей. Он годится для сооружения фундамента... *Инертный материал*... Пусть лежит. В виде пачек в просмоленной бумаге или в виде нескольких домов-дворцов в различных районах» («Литературная газета», 3 сентября 1975) — здесь сказано, откуда пришло выражение (терминология строителей), так как внутренняя форма, само название термина, вряд ли сможет прояснить его значение, оправдать употребление в данном контексте.

В случаях, когда переносное значение более ясно, термины

употреблены без пояснений: «Его незаурядная воля, глубочайшая уверенность в правоте своего дела, мощный темперамент, слившись, должны были образовать поистине *гремучую смесь*. Очевидцы рассказывают, что выступление его было ураганным» («Молодой коммунист», 1976, № 5); «Не секрет, что империалистические силы расставили на пути диалога немало *подводных мин*» («Новое время», 1975, № 5); «Случайностей в этой истории столько, что в единстве они создают впечатление чего-то глубокого... Все эти случайности объединены будто бы мощным *магнитным полем*. Какая-то сила сцепила их так, что не расцепить» («Литературная газета», 26 июля 1976).

Совсем недавно (с 1967 года) в русский язык вошло терминологическое словосочетание *Знак качества* — государственный знак, который присваивают изделиям высшего качества. Но уже сейчас это выражение переосмысливается и начинает употребляться переносно: «Все, что одобряет этот совет, можно сказать, отмечено *Знаком качества*. Вот уже десять лет не было ни одного случая, чтобы диссертация, одобренная советом, не утверждалась затем ВАКом» («Советский спорт», 23 июня 1976).

Регулярное употребление терминологического словосочетания в переносном значении позволяет говорить об образовании фразеологизма. Приведем примеры таких употреблений.

Обратная связь. «Политехнический словарь» так определяет его терминологическое значение: «Воздействие результатов функционирования какой-либо системы (устройства) на характер дальнейшего функционирования этой же системы». Этот термин очень объемён по своему содержанию и применяется в различных областях науки и техники: «Вместе с тем становится очевидно, что ресурсы природы не безграничны и их интенсивное использование в экономическом развитии порождает *обратную связь*, то есть ведет к усилению воздействия природы на общество» («Азия и Африка сегодня», 1976, № 7).

Расширение сферы употребления термина само по себе еще не является фразеологизацией. Однако в последние годы употребляется сочетание *обратная связь* в значении, производном от терминологического — «воздействие результатов какой-либо деятельности, событий на их дальнейшее развитие»: «Опоры арки „Набережные Челны — Питтсбург“ заложены в ходе нормализации советско-американских отношений, предполагающей развитие экономического сотрудничества и „*обратную связь*“: благотворное влияние сотрудничества на дальнейшее улучшение политических отношений» («Литературная газета», 19 декабря 1973); «*Обратную связь* мы

осуществляем через учителей, родителей. Кроме того, сами ученики часто звонили на консультационный пункт при студии, задавали нам вопросы, высказывали пожелания, предлагали решения поставленных в передаче проблем» («Учительская газета», 17 октября 1970).

Употребляется это сочетание и в значениях — ‘взаимосвязь’, ‘сотрудничество’: «Постоянные „обратные связи“ у Дубны с Берлином, Варшавой, Бухарестом...» («Новое время», 1976 № 4); ‘наоборот’, ‘напротив’: «„Петербург Достоевского“ служит как бы продолжением... произведений писателя, является их неотъемлемой частью. И *обратная связь*: благодаря произведениям Достоевского этот район Сенной площади получил такую же всемирную известность, как Париж Бальзака, Лондон Диккенса» («Литературная газета», 28 июля 1976). Эти значения отражают смысловое развитие фразеологизма и не соотносятся с термином непосредственно.

Питательная среда. 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» этот биологический термин толкует так: «раствор, применяемый в микробиологии для выращивания бактерий грибов, водорослей». На основе терминологического употребления образуется фразеологизм: «Речь идет о государственном секторе, который „новая буржуазия“ стремится превратить в свою *питательную среду*, свою кормушку даже в странах социалистической ориентации» («Коммунист», 1976, № 2); в этом примере значение фразеологизма — ‘источник обогащения’.

(*Быть, находиться*) в *зачаточном состоянии*. Его значение — ‘быть в первоначальной стадии развития, на низком уровне’, ср: *зачаточный* — находящийся в зародышевом состоянии, не получивший развития («Словарь русского языка» в 4-х томах). От *зачаточный* создается устойчивое терминологическое словосочетание *зачаточное состояние*, которое в свою очередь служит производящим для фразеологизма (*быть, находиться*) в *зачаточном состоянии*: «Этот и другие методы врачей далекого прошлого носили явно эмпирический характер. Иначе не могло и быть в ту пору, когда наука находилась в *зачаточном состоянии*» («Наука и жизнь», 1976, № 6).

Лакмусовая бумажка. *Лакмус* — «красящее вещество, добываемое из некоторых видов лишайников... Лакмус применяют как индикатор, в кислой среде лакмус окрашен в красный цвет, в щелочной — в синий. На практике обычно пользуются пропитанными лакмусовыми реактивными бумажками» (БСЭ, изд. III). Словосочетание *лакмусовая бумажка* используется в специальном языке

как химический термин, который, употребляясь в переносном значении, дает фразеологизм: «Отношение к героической борьбе вьетнамского народа стало той *лакмусовой бумажкой*, на которой проверялись совесть и добрая воля каждого человека на нашей планете» («Новое время», 1975, № 22); «Эти споры в определении жанра ведутся давно. Определенной *лакмусовой бумажки* здесь нет» («Журналист», 1975, № 12), значение фразеологизма — ‘критерий’.

Специфика образования фразеологизмов терминологического происхождения заключается в том, что они формируются на базе устойчивого словосочетания, иногда даже по смыслу неразложимого. Для фразеологической единицы термин служит семантическим производящим. При этом может сохраняться связь между термином и фразеологизмом. Ослабление этой связи приводит к образованию омонимов. Например, выражение *в /каком-либо/ ключе* образовано от музыкального термина *ключ*: «В скрипичном *ключе* удобно записывать звуки среднего и высокого регистра» («Краткий музыкальный словарь для учащихся». Л., 1968). Фразеологическое значение этого выражения — ‘в соответствии с какими-либо идеями, методами и т. д.’: «„Семья Ивановых“... не сказка и не сага, а реалистическое повествование, более того, род психологической драмы. В таком, а не *в каком ином стилистическом ключе* решен этот фильм» («Комсомольская правда», 10 января, 1976). Связь между фразеологическим и терминологическим значениями настолько ослаблена, что можно говорить об омонимичности этих выражений: семантическая двуплановость, характерная для многих фразеологизмов терминологического происхождения, здесь отсутствует.

Термины и образованные от них фразеологизмы могут быть омонимами, то есть сочетаниями, имеющими разное значение. Этому способствуют следующие причины: 1) архаичность или неактуальность значения термина (*делать ставку на кого/что* — на бегах); 2) редкая употребительность терминологического сочетания в общелитературном языке (*в каком-либо ключе*); 3) ложная связь с общеизвестным значением одного из элементов фразеологизма (*достичь потолка; потолок* — ‘наибольшая высота, которую может достигнуть летательный аппарат’).

Терминологические словосочетания *инертный материал, гремячая смесь, магнитное поле, Знак качества* (см. начало статьи) признать фразеологизмами нельзя. Значение этих выражений легко изменяется по желанию автора, поэтому мы можем говорить лишь об их переносном употреблении. Однако встречаются терминологи-

гические словосочетания, имеющие смысловую связь с образованными от них фразеологизмами и употребляющиеся в переносном значении: «Это не только перечеркивание печального прошлого, но и *закладывание фундамента под здание прочного мира*» («Коммунист», 1975, № 17); «Следователь видел, что *роль*, которую взялся играть Ладожский, *давалась* ему все труднее» («Человек и закон», 1975, № 1); «Русская знать — вот истинная виновница его [Бирона] возвышения: это она, подхалимствуя перед ним, создала *питательную среду* для развития опасных *микробов* властолюбия и ненавистности герцога» (В. Пикуль. Слово и дело).

Словесное окружение этих терминов показывает, что существует связь с соответствующей специальной областью: «*закладывать фундамент под здание мира*» — подчеркивается связь со строительным делом; «*роль давалась все труднее*» — с областью театра, «*питательная среда для развития микробов*» — с биологией. Подобное соотношение может подчеркиваться и другими средствами, например сравнением: «Планы. Недельный, месячный... Они вырабатываются в самой непосредственной, самой конструктивной связи с районом. И здесь без взаимных коррективов не обходится. Все время действует *как бы механизм обратной связи*» («Журналист», 1976, № 2); «Связь событий... Она очевидна. У пульта новостей особенно четко чувствуешь, что каждое событие дня не замыкается в себе, а, напротив, *как цепная реакция*, рождает событие новое» («Комсомольская правда», 1 февраля 1976).

Таким образом, терминологическое сочетание может иметь разное употребление: 1) прямое (специальное) значение в соответствующем контексте, например, научном; в это значение включена вся сумма научных знаний о данном явлении или предмете; 2) в научно-популярных, беллетристических, публицистических контекстах значение термина сужается; 3) переносное значение, создающее семантическую двуплановость, которая может усиливать экспрессивность данного выражения; 4) фразеологизм, развивший переносное значение на базе терминологического словосочетания, не является термином, но сохраняет с ним смысловую связь; 5) особо могут быть рассмотрены случаи, когда фразеологизм утрачивает связь с термином, что приводит к образованию омонимов.

К. П. СИДОРЕНКО
Ленинград

КАК ПОЮТ ПТИЦЫ

Весной, когда птицы строят гнезда, повсюду раздаются их веселые голоса. Прислушайтесь к этому многоголосому хору. Как разнообразны песни птиц! Здесь и криканье утки, и кукование кукушки, и щебетанье ласточки, и чирканье воробья.

Чем же определяется своеобразие птичьих песен и как это отражается в языке?

Все птицы прежде всего разделяются на певчих и непевчих. В русском языке в соответствии с этим употребляются два глагола: *кричать* — для характеристики звуков, издаваемых непевчими птицами, и *петь* — для звуков певчих птиц. Вот примеры: «Протяжно кричали чибисы» (Гранин. После свадьбы); «Круглые бездонные глаза Вереи ласково глядели на него, где-то в лесу кричал ястреб...» (Белов. Коня); «Однажды утром Миша вышел на песчаную косу, чтобы послушать, как далеко-далеко на болотах, за береговой излучиной, кричат журавли» (Яшин. Сладкий остров); «В июльские вечера

и ночи уже не кричат перепела и коростели, не поют в лесных балочках соловьи» (Чехов. Степь); «Первый раз обратил внимание, что иволги поют на разные лады...» (Пришвин. Лесная капель).

Способность к пению у певчих птиц неодинакова. Среди них существуют такие птицы, которые издают неприятные звуки. Таковы голоса у вороны, грача, сороки, дубоноса. А звуки, издаваемые некоторыми из непевчих птиц (куличок-звук, поугайчики, голуби), довольно приятны, и их можно назвать «пением».

Таким образом, глаголы, обозначающие звуки птиц, несут в себе и оценку их голосов. Кроме того, и пение певчих птиц, и крики непевчих служат для одних и тех же целей: для обозначения того, что участок занят, для привлечения самки, для выражения эмоционального возбуждения. Все это способствует смешению в употреблении глаголов *кричать* и *петь*.

«На улицах птицы поют» (Грекова. Дамский мастер); «Над холмами в чистые часы курился воздух... ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы» (Распутин. Уроки французского); «Ведь пока кричат петухи, пока поют они гимн солнцу... жизнь и радость бессмертны» (Евдокимов. Была похоронка); «Весь день дождь. Иногда перестает, и тогда мокрый сад оживает, поют дрозды» (Бунин. Последняя весна); «Дрозды и сойки кричали над его головой, восхваляя его смелость, веселье, доброту» (Гроссман. Народ бессмертен); «По улицам, как только смеркнется, носятся летучие мыши, иволги кричат и поют на автобусной остановке в центре» (Домбровский. Хранитель древностей); «Кричали в молодой траве перепела» (Шолохов. Тихий Дон); «В сонном, застывшем воздухе стоял монотонный шум..., непрерывно трещали кузнечики, пели перепела...» (Чехов. Счастье); «...в их [сосен] темной чаще, не умолкая, кричали кукушки и соловьи...» (Чехов. Перекати-поле); «Кукушка поет самым сочным голосом» (Пришвин. Лесная капель).

Кроме того, оценочное противопоставление и смешение глаголов *кричать* и *петь* в определенной ситуации может сниматься, так как все птицы, и певчие, и непевчие, способны издавать громкий и пронзительный крик страха или боли, то есть кричать. Наиболее часто примеры такого рода можно встретить в научно-популярной литературе: «В смертельном ужасе, когда их хватает хищник, все мелкие птички *кричат* почти одинаково, и всем другим одинаково понятен этот предсмертный вопль...», «А горихвостка долго еще... волновалась — *кричала* и дрожала хвостиком, прыгая по забору» (Лукина. Птичий городок).

Итак, два основных глагола *кричать* и *петь* наиболее обобщенно характеризуют звуки, издаваемые птицами. При этом *кричать* несет в себе нейтральную оценку (для непевчих птиц) и отрица-

тельную (для певчих); *петь* — нейтральную (для певчих) и положительную (для непевчих).

В русском языке немало глаголов, которые выражают индивидуальное звучание птичьих голосов: *ворковать*, *гоготать*, *каркать*, *клохтаться*, *квохтаться*, *клектать*, *крякать*, *кудахтаться*, *кукарекать*, *куковать*, *курлыкать*, *пинькать*, *свиристеть*, *скиркать*, *ухать*, *чирикать*, *чуфыкать*, *щебетать* и другие. Большинство из них передает звуки непевчих птиц; в основном это звукоподражательные глаголы. Строение голосового аппарата непевчих птиц гораздо проще, примитивнее, чем у певчих. Этим определяется однотипность их «песни», а в результате — более широкие возможности передачи ее при помощи звуков человеческой речи. Такие глаголы употребляются, как правило, для описания голосов определенных видов птиц. Например: *ворковать* — голубиные; *гоготать*, *гагакать* — гусиные; *куковать* — кукушки; *квохтаться*, *клохтаться*, *кокотать*, *кудахтаться*, *кукарекать* — куриные; *клектать* — дневные хищники; *крякать* — утиные; *курлыкать* — журавли; *скиркать*, *чуфыкать* — теревинные; *хоркать* — кулики, и другие глаголы.

«И в ответ ему [слону] взволнованно рычали львы, клекали орлы...» (Куприн. Слоновья прогулка); «Тут с писком носились кулики, крякали утки» (Чехов. Скрипка Ротшильда); «Не лаяли собаки, не кудахтали куры, не топтались в хлеву коровы — все было тихо, точно все живое нарочно притаилось при нашем приближении» (Гайдар. Школа); «С вечера мы слушали, как встряхивались и клохтали, засыпая, сытые куры» (М. Горький. В людях); «Курлычут журавли, воркуют горлинки, с тяжелым свистом пролетают над головой дикие утки» (Паустовский. Вторая родина); «Мой-то Приеммыш сначала сторонился от других лебедей: подплывет к ним, и назад. Те гогочут, по-своему зовут его, а он домой» (Мамин-Сибиряк. Приеммыш); «В городском парке по вечерам ухаёт филин» (Домбровский. Хранитель древностей); «В лесу, то там, то здесь, глухо куковала кукушка...» (Бунин. Маленький роман).

Песни певчих птиц отличаются большой сложностью. Их довольно трудно передать при помощи звуков человеческой речи. Правда, в русском языке есть несколько звукоподражательных глаголов, характеризующих пение певчих птиц: *пинькать*, *цивилькать*, *цикать*, *чирикать*. «Дрозды прыгали под деревом, пинькали вяблики», «Мухоловка, беспокойно цикая и взмахивая крылышками, сидела над крышей и следила за мной» (Лукина. Птичий городок); «Вовсю чирикали воробьи» (Лапин. Голубой человек).

Следует отметить, что эти глаголы передают наиболее примитивный вид песни певчих птиц. Наряду с ними в русском языке существуют два глагола — *щебетать* и *свиристеть*, которые отличаются отсутствием образного звукоподражания и поэтому характе-

ризуют звучание голосов певчих птиц в обобщенном виде: «Щебетала за окном какая-то птичка, и щебет ее казался очень резок» (Бунин. Исход); «Так же вот свиристела пугалица, так же пахло переспелыми грибами и дикой малиной» (Гайдар. Школа).

Таким образом, глаголы звучания, издаваемого птицами, характеризуются своими особенностями и закономерностями употребления.

Н. П. СИДОРОВА

Рисунок В. Толстоногова

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

УЧИТЕСЬ ВИДЕТЬ ТЕКСТ

Ответ

В чем причина неясности второй части текста, начиная со слов: «„Руслан“ — великая опера»?

Допущены две ошибки:

1) Следовало решительнее разделить текст, чтобы не получилось, что оперу «Руслан и Людмила» написал Римский-Корсаков. Нужно было первое положение «„Руслан“ — великая опера» отделить от следующей мысли, получающей развитие в последующем, точкой или даже абзацем: «„Руслан“ — великая опера.

Я считаю, что «сокращать», купировать...».

2) Глагол *купировать* в значении совершенно непривычном читателю — «сокращать, пропуская, выбрасывая куски» — следовало поместить после широко известного слова *сокращать*, заключив его в кавычки, и тем самым подчеркнуть его случайность, необязательность (окациональность) в речи.

В языковом сознании современного читателя прилагательное *купированный* привычно употребляется в сочетании с существительным *вагон*, к которому есть и синонимическое *купейный вагон*. По всей вероятности, следует учитывать языковую практику современного читателя, чтобы не получалось незапланированного комического эффекта или неясности.

«Отбирать точные, меткие, отвечающие смыслу определяемого ими понятия слова» (Л. Толстой) — неперемнное условие не только языка художественной литературы, но речи вообще.

Практикум подготовила Л. И. Еремина

Заметки на полях

О языке и стиле
журнала «Человек и закон»

Журнал «Человек и закон» пользуется заслуженной популярностью у читателей. Интерес к нему объясняется тем, что пропаганду правовых знаний (задача, общественную значимость которой трудно переоценить) он ведет на высоком научном, профессиональном уровне и в то же время — доступно, интересно. Разнообразна тематика журнала, широк его жанровый диапазон: от проблемной научной статьи — до детектива, от юридической консультации — до художественного очерка. Жанровое многообразие предполагает многообразие стиливое. В журнале «Человек и закон» юридические термины соседствуют с эмоционально-экспрессивной лексикой, а сугубо книжным словам и конструкциям противостоят элементы разговорной речи. Подобная стиливая гибкость, несомненно, сильная сторона журнала.

В настоящей статье (на материале журнала «Человек и закон» за 1976 год) рассматриваются с точки зрения культуры речи некоторые грамматико-стилистические и лексико-стилистические явления, а также ставится вопрос о соотношении общеупотребительных

и терминированных средств выражения в специальном научно-популярном издании.

Начнем с грамматики, точнее — с синтаксиса. Неудачное построение предложения может привести к затемнению его смысла, разрыву логических связей, как, например, в следующей фразе: «В частности, суды должны эффективнее использовать правовые средства против тех, кто вовлекает несовершеннолетних в пьянство и преступную деятельность. Это тем более необходимо в связи с тем фактом, что в Грузинской ССР, например, каждый третий осужденный подросток совершил преступление с участием взрослых» (№ 6, с. 16; курсив везде наш.— С. В. и Л. С.) — здесь то, что должно быть иллюстрацией, примером (данные по Грузии), становится обоснованием, причиной.

Значительно чаще встречаются в журнале логически правильные, но стилистически не совсем удачные построения. В очерке «Турист в лесу» (№ 6) встречаем такие предложения: «Это [лес] — строительный материал, бумага, искусственные ткани, фанера, спички и прочее»; «В лесу разместить бы, например, скамейки, качели, столы и стулья, песочницы и тому подобное»; «Необходимы транспорт, патрулирование в выходные и праздничные дни и так далее». Использование однообразных формул для закрытия рядов однородных членов снижает стилистический уровень текста.

«Разумеется, управление транспортным средством человеком, находящимся в состоянии опьянения,— наиболее грубое и всегда сознательное нарушение Правил» (№ 5, с. 27) — в этом предложении нанизывание падежей — сочетание двух существительных в форме творительного падежа единственного числа и причастного оборота. Исправить фразу можно так: «управление транспортным средством лицами в состоянии опьянения».

Известно, что уместное и умелое применение конструкций экспрессивного синтаксиса (многие материалы журнала наглядно демонстрируют это) делает речь выразительнее, насыщает ее эмоциональными оттенками. Однако если они используются без должного учета содержания речи и контекста, эффект может быть противоположным. Вот несколько примеров из очерка «Наставник» (№ 2): «В жизнь вступил взрослый человек. Советский гражданин. Рабочий завода „Красное Сормово“. Комсомолец Александр Удалов» (с. 8); «В 1970 году А. П. Удалову было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. За ударный труд в восьмой пятилетке. За творческое овладение техникой. Истинно коммунистическое отношение к порученному делу» (с. 10).

Приведенные фразы построены необычно: в них единая синтаксическая конструкция расчленяется на отдельные самостоятель-

ные части. Этот прием получил в лингвистике название парцелляции, который используется в публицистике и художественной литературе для экспрессивного выражения мысли, для смыслового выделения частей фразы (вспомним, каким мастерством отмечены подобные построения в юмористических рассказах М. Зощенко). В данном случае отступление от нейтрального синтаксиса не оправдывается ни содержанием очерка, ни его общей стилистической тональностью. Парцелированные конструкции здесь оставляют впечатление искусственного приема, привносящего в речь оттенок ненужной многозначительности. Это впечатление усиливается, когда подобной рубленой фразой начинает говорить один из эпизодических персонажей очерка: «Не могу удовлетворить вашу просьбу. Идите работайте. Для фронта. Для победы» (с. 9).

Не меньшую роль в языке печати, как и в речи вообще, играет словоупотребление. Правильное и умелое использование словарных богатств родного языка — важнейшее условие и показатель высокой культуры речи. В целом в журнале «Человек и закон» авторы и редакторы внимательно относятся к слову. Однако приходится сталкиваться и с фактами неточного, а порой и просто ошибочного словоупотребления.

Наиболее очевидная лексическая погрешность — прямое нарушение нормы, отступление от словарного значения слова: «В очерке И. Михайлова выведены все три категории *взяточников*: получатели, взяткодатели, посредники» (№ 10, с. 125). Но ведь, как указывают словари русского языка, *взяточник* — это только тот, кто *берет* взятку.

Неточное знание значения слова приводит к образованию так называемых тавтологических сочетаний, то есть таких, в которых одно слово включает в себя значение другого. Порой подобные сочетания не лишены известной курьезности, ср: «...В *погоне за процентоманией* школьникам завышают оценки» (№ 8, с. 49). Ясно, что речь здесь идет о процентомании как таковой, то есть о «погоне» за процентами, оценками, внешними показателями успеваемости. Если исходить из текста, то получается, что есть учителя, которые стремятся во что бы то ни стало прослыть «процентоманами».

Иногда тавтологические сочетания возникают из намерения усилить речь, сделать ее более выразительной. Однако этого нельзя добиться путем употребления одинаковых по смыслу слов, с чем мы сталкиваемся, скажем, в следующих примерах: «жестокая и бесчеловечная дикость капиталистического чистогана» (№ 2, с. 19); «он верен общепринятым морально-нравственным принципам» (№ 9, с. 52). Согласно словарям современного русского языка, *бес-*

человечный — 'очень жестокий', а *моральный* — в данном значении — 'нравственный'. Равнозначные определения не только не способствуют речевой выразительности, но и придают сочетаниям ненормативный характер.

Большое значение в языке печати имеет точность в использовании стилистически окрашенных языковых средств. Вполне естественными, например, выглядят просторечные слова и вульгаризмы в художественном очерке «Только три дня» (№ 9) — такие словечки, как *полюбовница*, *психованный*, *вылакали*, *кореш* и другие. Они дополняют характеристику некоторых персонажей — людей низкой культуры, а очерку придают известную речевую достоверность. Но без какого-либо стилистического задания используются разговорно-просторечные *в аккурат* (точно), *загодя* (заранее), *обнова* (обновка), *теперешний* (сегодняшний, нынешний), *шибко* (очень) и другие. Особенно очевидна их неуместность в текстах, где им противостоят слова и формы с противоположной стилистической окраской: «К этому надо быть *загодя* внутренне подготовленной, *загодя* так расслабить, расстроить моральные и нравственные [?] тормоза, чтобы они вовсе перестали *функционировать*» (№ 9, с. 51). Сочетание просторечного *загодя* и не утратившего налет книжности глагола *функционировать* явно неудачно. «Попробуем расчленить суть формулировки на основные части и посмотрим, могут ли они *врозь* и даже все вместе служить основанием для увольнения?» (№ 5, с. 56) — слово *врозь* здесь явно не соответствует общему стилю фразы.

Вопрос о так называемых штампах — наболевший вопрос в языке периодической печати. Под штампом понимают слова и формулы официально-делового стиля, перифразы и фиксированные конструкции газетной речи и т. д. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова так толкует переносное значение существительного *штамп*: «готовый образец, трафарет, которому слепо следуют». В «слепом следовании» образцу заключается и суть языкового штампа: слово перестает быть выражением мысли или чувства, а поистине штампуется по готовой отливке. Нередко штамп возникает там, где используются слова и выражения, изначально выразительные, образные, эмоциональные, но от частого и неразборчивого употребления утратившие свою экспрессию. В статье «Нравственный мир человека» (№ 2) несколько раз для характеристики капиталистического общества, господствующих в нем отношений использовано существительное *чистоган*: «дикость капиталистического чистогана», «мораль чистогана», «царство чистогана», «приносится в жертву чистогану» и т. д. От такого частого употребления экспрессия слова выветривается: оно превращается в безликую этикетку, штамп.

Нечто подобное происходит с сочетаниями, где в роли определений выступают так называемые «эпитеты колоссальности» — прилагательные со значением предельной характеристики: требования *неизмеримо* возрастают, *исключительная* актуальность (№ 3, с. 83), *гигантские* темпы развития производства (№ 2, с. 68), *невиданными* темпами развивается культура (№ 2, с. 26), *грандиозная* социально-экономическая программа (№ 8, с. 7) и т. д. Бесспорно, все эти определения по существу справедливы. Однако не следует забывать, что получают достоверность они только в том случае, если опираются на все содержание статьи или очерка, подкрепляются конкретным фактическим материалом. Здесь же их употребление оказывается чисто механическим, формальным.

В научно-популярном издании очень важно соотношение элементов специальной и общелитературной речи. Нужно сказать, что журналу «Человек и закон», как правило, удается найти необходимые пропорции между юридической и научной точностью содержания и общедоступной формой изложения. Однако в ряде случаев наблюдаются некоторые «излишества» в использовании специальных конструкций и терминов юридической (или шире — официально-деловой) речи. Предложные сочетания *в нарушение*, *за невозможностью* употребляются не только в статьях разъяснительного и консультационного характера, ссылок на нормативные акты и т. д., но и в очерках, хронике, то есть там, где уместнее были бы их общеязыковые эквиваленты. Книжные элементы в этом случае привносят в речь оттенки тяжеловесной канцелярской деловитости, а иногда придают фразе комическую окраску: «Сложнее складывалась ситуация *в отношении* зубных техников» (№ 2, с. 49) — речь идет о том, что трудно было установить, кто из зубных техников делал коронки. (Как здесь не вспомнить: «По линии огурцов у нас все в порядке».)

Влиянием языка специальной юридической литературы обусловлено такое стилистическое явление, как избыточность фразы. Стремление к точности выражения мысли нередко приводит к тому, что в тексте оказываются части, лишние с точки зрения стилистических законов обычной речи: «Гражданско-правовая ответственность заключается во взыскании с виновного денежной суммы в возмещение ущерба, причиненного нарушением законодательства об охране природы. Размер сумм, подлежащих взысканию в возмещение причиненного правонарушением ущерба, как правило, определяется на основании специальных такс» (№ 7, с. 30) — лучше было бы сказать просто: «Размер сумм, как правило, определяется...» (ведь и без уточнения ясно, о каких суммах идет речь).

Связаны с особенностями специальной речи и построения, состоящие из большого числа элементов. Не являются исключением предложения, в которых насчитывается 60, 80, а то и более 100 слов. Разумеется, иногда подобные синтаксические колоссы неизбежны, однако надо учитывать, что они весьма трудны для восприятия, и следует стремиться к их расчленению на самостоятельные предложения.

Широко представлена в журнале «Человек и закон» юридическая терминология. Употребление терминов в целом весьма упорядочено: они, как правило, используются там, где безусловно необходимы, все узкоспециальные обозначения соответствующим образом вводятся в текст, объясняются, истолковываются. Однако если трудностей в понимании терминов практически не возникает, то со стилистической точки зрения их применение представляется не всегда оправданным. Покажем это на примере употребления слова *гражданин*. В советской юриспруденции это один из наиболее частотных терминов, поэтому нет ничего удивительного в том, что он постоянно встречается на страницах журнала. Однако нередко он употребляется там, где, на наш взгляд, уместнее было бы использовать не обобщенно-юридическое название человека — члена советского общества, а какое-либо конкретное наименование лица — применительно к данной ситуации.

«Автомобиль, ехавший по наклонной части улицы, занесло, несколько *граждан* оказались прижатыми к стоявшей на площади „Волге“...» (№ 8, с. 121) — думается, что в разделе «Судебная хроника» более уместными в этой фразе были бы сочетания *несколько человек, несколько пешеходов*. В короткой заметке, помещенной под рубрикой «Справочный отдел», существительное *гражданин* употреблено четыре раза, в том числе в таком сочетании: «обменивающиеся гражданами» (речь идет о порядке установки телефона в случае квартирообмена). С точки зрения стилистической приемлемости текста, по-видимому, было бы целесообразно заменить в ряде предложений этот термин нейтральными или уточняющими синонимами: *участники обмена, лица, абоненты*. В статье «Главное — предупреждение преступлений» читаем: «А о том, что это способствует хищениям, некоторые *граждане* не задумываются» (№ 2, с. 41) — не лучше ли сказать: *некоторые люди, некоторые* или использовать безличную конструкцию: *иногда не задумываются*.

В этих и подобных примерах применение термина *гражданин* не диктуется необходимостью точного выражения определенного содержания, а его неоправданное употребление снижает стилистические качества текста.

Говоря о терминопотреблении в журнале «Человек и закон», следует отметить такое специфическое применение терминов, как их обыгрывание. Далеко не всегда использование специальных слов в переносном значении можно признать удачным. Скажем, в интересной статье «Память сердца и души» встречаем: «Человечество давно *завело „дело“* на себя. *Дело, расследуя* которое, люди лучше познают себя, свое прошлое...» (№ 8, с. 58); «*Следствие по делу о Рабиджане*» археологи успешно завершили» (№ 8, с. 59). Выражения *завести дело, расследовать дело, следствие по делу* связаны с представлением о криминальной ситуации, и поэтому их использование в статье об истории культуры и ее изучении не выглядит журналистской находкой.

Еще более некстати употреблен глагол *амнистироваться* в статье «Чудодейство искусства...»: «...В иных критических статьях откровенная халтура и бесталанность чуть ли не „амнистируются“... спецификой жанра!» (№ 10, с. 87). Ясно, что авторы хотят сказать *оправдываются*, но ведь *амнистировать* — это далеко не *оправдать*. Терминологическое значение глагола *амнистировать* (освобождать по амнистии, то есть освобождать от наказания осужденных судом лиц) не может служить основанием для его употребления в переносном значении в данном контексте.

Таким образом, требует известной лингвистической осмотрительности использование терминов не только в прямом, но и переносном значении.

В заключение хочется еще раз сказать о том, что «критика текста» с позиций культуры речи неизбежно ведет к сосредоточению основного внимания на недостатках, речевых погрешностях и недочетах. Однако отнюдь не приведенные здесь факты определяют лицо журнала «Человек и закон»: своим успехом он не в последнюю очередь обязан умелому и гибкому использованию языковых средств, стилистическому разнообразию, популярности изложения, одним словом, хорошему русскому языку, с которым встречается читатель, открывая очередной номер журнала. Устранение же досадных погрешностей, о которых шла речь в данном обзоре, еще более повысит авторитет журнала.

С. И. ВИНОГРАДОВ,
Л. И. СКВОРЦОВ

Лев Толстой — ДЕТЯМ

Ясная Поляна. Флигель, в котором в 1859—1862 годах была школа для крестьянских детей. Рисунок В. Захарова

Творческое наследие Л. Н. Толстого огромно: повести и рассказы, драмы и романы, дневники и письма, трактаты и статьи — политические, литературные, педагогические... И среди всего этого жанрового многообразия — книжки, адресованные детям, — «Азбука» и четыре «Русские книги для чтения».

Л. Н. Толстой был не только гениальным писателем, но и выдающимся педагогом. Одной из важнейших задач своей жизни он считал просвещение всего народа. В начале 60-х годов он организовал в Ясной Поляне школу, где не только обучал деревенских ребят основам знаний, но и издавал педагогический журнал «Ясная Поляна». «...Для меня школа с тех пор, как я открыл ее, ... была вся моя жизнь», — писал Толстой в августе 1862 года.

В своих педагогических статьях 60-х годов, опубликованных в журнале «Ясная Поляна», Толстой указывал на отсутствие такой литературы, которая дала бы возможность приобщить детей к народному языку, а через него, через язык сказок, пословиц и песен, к литературному языку. Свои книги для чтения Толстой писал главным образом для крестьянских детей, жизнь которых прекрасно знал. Не раз наблюдая на уроках процесс рождения детских сочинений, Толстой замечал, что дети нетерпимы ко всякой фальши, надуманности, они ценят простоту и меткость слова.

Толстой приступил к написанию «Азбуки» и «Книг для чтения» в начале 1870-х годов. Это был огромный труд по собиранию и отбору материала из самых различных областей человеческого знания. Этот материал был впоследствии представлен писателем то в форме басни, то сказки, то были, то описания, то рассуждения. При этом каждая миниатюра несет в себе определенную нравственно-воспитательную идею: прославление человеческой мудрости и труда, добра и справедливости, преданности родине, гордости за ее историю и культуру, любви к ее природе.

Л. Толстой требовал от детской литературы прежде всего интересного, занимательного содержания. Он писал: «Детей можно обмануть формой, но никак не содержанием. Требование истинного содержания, художественного или поучительного, у детей гораздо сильнее, чем у нас». Юные читатели требуют от произведений движения, чтобы характеры раскрывались в действии.

Именно так и строит свои детские рассказы Л. Толстой. В основу их часто положены драматические, напряженные события. Таковы, например, «Пожар», «Котенок», «Акула», «Прыжок» и многие другие.

Эмоционально воздействуя на читателей, автор подводит их к самостоятельным нравственным выводам. Такие выводы Толстой называл умной моралью и считал ее особенно необходимой в книгах для детей.

Для того чтобы произведение литературы затронуло душу ребенка, оно должно быть выполнено в высокохудожественной форме. Поэтому Толстой такое большое значение придавал языку детских книжек. По мнению Толстого, их «язык должен быть не только понятный или простонародный, но язык должен быть *хороший*». Понятие «хороший язык» он раскрывает следующим образом: «... я советую не то что употреблять простонародные, мужицкие и понятные слова, а советую употреблять хорошие, сильные слова и не советую употреблять неточные, неясные, необразные слова».

Всем этим требованиям и отвечают четыре «Русские книги для чтения» великого мастера слова. Материал в них расположен с учетом возрастных ступеней. Сюжеты первой книги предельно просты и доступны для самых маленьких. Они взяты преимущественно из крестьянской жизни, до мелочей знакомой крестьянским ребятишкам, и героями этих рассказов являются, главным образом, сами дети, поэтому их поступки и переживания близки читателям-сверстникам.

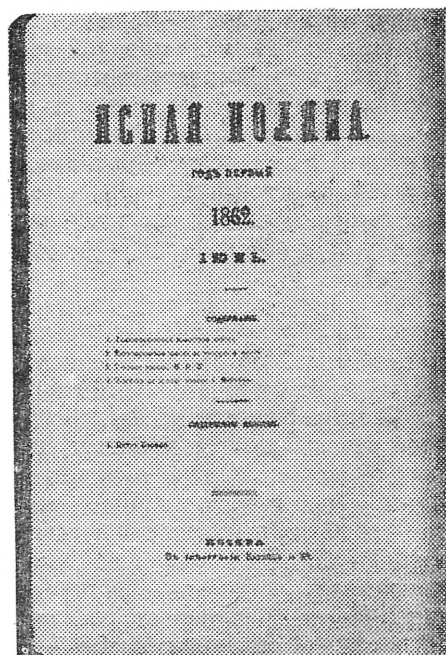
Предельно простому содержанию произведений соответствует их форма: автор сознательно избегает слов, затрудняющих восприятие, и обходится без специфических образных средств, то есть тропов. Так, эпитеты и сравнения почти отсутствуют в первой книге для чтения, да и в них действительно нет нужды: предметы и действия героев очень понятны детям. Нет здесь и метафор, которые просто недоступны маленьким читателям и только затрудняют восприятие.

Вот начало рассказа «Котенок»:

«Были брат и сестра — Вася и Катя; у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали ее везде, но не могли найти. Один раз они играли подле амбара и услышали, над головой что-то мяучит тонкими голосами. Вася взлез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и все спрашивала: „Нашел? Нашел?“» (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 21. М., 1936).

В приведенном отрывке — структура предложения, типичная для стиля детских рассказов Толстого. Из него видно, что внимание художника сосредоточено на глаголах, которые передают действие в движении, поддерживают напряженное внимание ребенка.

Вторая книга более разнообразна как в тематическом,

Обложка журнала
«Ясная Поляна»
1862 года

так и в жанровом отношении. В ней значительно шире и богаче представлен познавательный материал.

Начиная с этой книги, писатель понемногу вводит тропы там, где это диктуется необходимостью. Знакомя читателей с различными странами, их природой или животными, Толстой прибегает к сравнениям с предметами, хорошо знакомыми крестьянским детям.

Вот как начинается рассказ «Акула»: «Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно, и *точно из топленной печки* несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары».

Интересно использует автор развернутое сравнение при описании магнита: «...одинакие концы будут отворачиваться, разные цепляться, как будто с одного конца магнит выширает, а с другого втягивает. И как его ни разломи, все с одного конца он будет выширать, а с другого втягивать. Все равно, как еловую шишку, где ни разломи, все будет с одного конца пупом, а с другого чашечкой. С того ли,

с другого ли конца, — чашечка с пупом сойдется, а пуп с пупом и чашечка с чашечкой не сойдутся» (Магнит).

Для большей живости и наглядности писатель отбирал образные слова и выражения из народно-разговорного языка. Например: «Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то *слаживает*» (Старый дед и внучек); «Подавился волк костью и не мог *выперхнуть*» (Волк и журавль); «Когда он перекусил тетиву, лук *расскочился* и ударил волка по *брюху*» (Волк и лук).

И все же основу художественной ткани произведений Толстого образует не просторечная, а лексика литературного языка. Мастерство же писателя заключается в отборе самых нужных для каждого случая слов.

Заостряя внимание на действии, на его развитии, Толстой отказывается в произведениях для детей от портретных зарисовок. Он не придает значения внешним различиям своих героев, главное для него — тонкого психолога — изобразить разные человеческие характеры и поступки. Глубокие и сильные переживания героев автор показывает через их внешние проявления: жест, слезы, смех. Когда артиллерист, спасая сына, выстрелил из пушки в акулу, он «упал подле пушки и закрыл лицо руками» (Акула).

Тематика третьей и четвертой книг заметно усложняется. Произведения, собранные в них, отличаются и большим объемом, и более разнообразным поэтическим языком, и усложненной структурой предложений. В них автор учитывает способность детей более старшего возраста уже воспринимать различные средства изобразительности. Например, в рассказах о Мильтоне и Бульке Толстой широко прибегает к сравнениям. О Бульке говорится так:

«Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клешука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка...» (Булька).

Особенно значительна роль сравнений в тех случаях, когда надо рассказать о том, чего ребенок, по всей вероятности, никогда не видел. Например, в описании достопримечательностей Пятигорска: «...На этих горах снег никогда не тает, и они всегда белые, как сахар. Одна большая гора Эльбрус, как сахарная белая голова, видна отовсюду, когда ясная погода».

Дети деревни Ясная Поляна. Фотография начала 1900-х годов.

Образному воспроизведению различных явлений природы как нельзя лучше помогает олицетворение. Наделяя человеческими чертами животных и птиц, деревья и цветы, автор побуждает читателя с особым интересом наблюдать жизнь природы. В основе олицетворения лежит прежде всего глагол.

В трех тематически объединенных рассказах — «Старый тополь», «Черемуха» и «Как ходят деревья» — Толстой с глубоким лиризмом описывает наших зеленых друзей, их упорную волю к жизни. «Черемуха, чтобы ее не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий. Она почувяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила» (Как ходят деревья).

«Умное поведение» дерева характеризуется прежде всего с помощью глаголов активного действия, которые в контексте являются метафорическими. Толстой, говоривший с детьми о самых отвлеченных понятиях языком искусства, создал замечательный образец научно-популярного жанра литературы — «рассуждение», доступность которого достигается не только простотой языка, но и его подкупающей живостью и образностью. И в этом жанре существенная роль принадлежит метафорическим глаголам.

В рассказе «Черемуха» прием олицетворения понадобился художнику для выражения иного замысла: передать боль и сострадание автора при виде гибели красавицы-черемухи.

«Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на нас закапало с него росой, и посыпались белые, душистые лепестки цветов. В то же время, точно вскрикнуло что-то, — хрустнуло в середине дерева; мы налегли, и как будто заплакало, — затрещало в середине, и дерево свалилось. Оно разорвалось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цветами на траву. Подрожали ветки и цветы после падения и остановились».

Интересно построена эта картина, она дана в двух стилистических планах: с одной стороны — реалистическое изображение конкретных физических действий с помощью конкретных глаголов: дерево *хрустнуло*, мы *налегли*, *затрещало* в середине, дерево *свалилось*, *разобралось* у надруба; с другой стороны, эта сцена представлена через восприятие автора, сочувствующего страданиям живого существа, обреченного на смерть. И параллельно к глаголам объективного действия Толстой дает глаголы эмоционально окрашенные: дерево *задрожало* листьями (вместо *листья задрожали на дереве*), оно *как бы закапало* слезами росой, *точно вскрикнуло* что-то... Очень характерны здесь союзы *точно*, *как будто*, подчеркивающие авторское восприятие.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Заразительный — заразный

«В аптеке в очереди за лекарством возник спор по поводу написанных на плакате слов „грипп очень заразителен“. Одни говорили, что так сказать о болезни нельзя: заразительными бывают только примеры или смех, а болезни заразны. Другие высказывали предположение, что, может быть, у медиков именно так принято говорить о болезнях», — пишет нам москвичка В. П. Иванова.

Рассмотрим несколько подробнее значение и особенности употребления прилагательных *заразительный* и *заразный* в русском литературном языке. В 4-томном «Словаре русского языка» читаем:

Язык детских рассказов Л. Толстого — еще одно свидетельство того, с какой ответственностью относился взыскательный художник к литературе для детей; какой титанический труд затратил он на обработку и поиски необходимых речевых средств, «...чтобы все было красиво, коротко, просто и главное — ясно», чтобы донести до юного читателя подлинные ценности человеческой культуры.

Все это сделало «Русскую книгу для чтения» образцом детской литературы не только для многих поколений русских читателей, но и для тех, кто берет на себя нелегкий труд — писать для детей.

В. В. НИКОЛАЕВА
Ленинград

* * *

По своей повествовательной манере, по способу развития тем народные рассказы тяготеют к аллегории. «Учительность», стремление подчеркнуть идею, сделать героя носителем определенной истины или заблуждения, придавали образам этих произведений черты известной условности, аллегорической обобщенности. Не случайно поэтому народные рассказы не только включают в себя элементы фантастики, но и непосредственно сближаются с легендой, притчей как формами литературного повествования.

Народный рассказ Толстого иногда строится на фольклорном материале, перерастая в нравоучительную сказку.

М. Б. Храпченко.
Лев Толстой как художник

«Заразительный... 1. Способный заразить; заразный (о болезни)... 2. перен. Легко передающийся другим. Заразный... 1. Прил. к зараза. // Порождаемый, вызываемый заразой; инфекционный... 2. Пораженный заразительной болезнью...». Подобные объяснения содержатся и в других современных толковых словарях. Таким образом, словари выявляют общее значение у прилагательных *заразный* и *заразительный*. Ср.: «Ведь у вас холера была, заразительная болезнь» (Вересаев. Без дороги); «Нехорошо, если жена бежит от больного мужа, ссылаясь на то, что болезнь заразная или скверная» (Чехов. Письмо Е. М. Шавровой. 28 февраля 1895).

Однако в «Словаре синонимов русского языка» в 2-х томах (1970) рядом со словом *заразительный* стоит помета разг. Это в словаре объясняется тем, что прилагательное «несколько устарело, употр. в обиходной речи и преимущ. в сказуемом (эта болезнь заразительна)».

Итак, толковые словари, отражающие современное словоупотребление, не отмечают у прилагательного *заразительный* каких-либо особенностей его функционирования, а словарь синонимов (1970) относит его к разговорно-обиходной речи.

Видимо, это связано с процессом некоторого семантического изменения слова *заразительный* по отношению к *заразный*.

Значение отглагольных прилагательных на *-тельный* сходно со значением действительных и страдательных причастий. Однако уже в начале XIX века эти прилагательные постепенно стали утрачивать глагольные значения и приобретать качественные и качественно-относительные. Так, *исключительный*, *последовательный*, *значительный* стали выражать только качественные значения. У других прилагательных развитие таких значений не приводило к полному вытеснению процессуальных, слова становились многозначными. *Заразительный*, например, стало употребляться как семантический дублет прилагательного *заразный* и в то же время продолжало сохранять значение активного действия.

Со временем прилагательное *заразительный* в литературном языке начала XIX века стало употребляться в прямом значении 'заразный', 'инфекционный' даже чаще, чем его дублет, и приобрело более широкую сочетаемость: «Воздух двора заразителен, вообразите: уж и дурак мне льстит» (Пушкин. Записки П. В. Н(ащокина), им диктованные в Москве, 1830).

Позже *заразительный* стало употребляться в сочетании с существительными, обозначающими болезнь: «Не подходите ко мне: ведь моя болезнь заразительная» (Тургенев. Отцы и дети); «Царит здесь черная оспа, но странно, она здесь не так заразительна, как в других местах» (Чехов. М. П. Чеховой. 16 мая 1890). Это сузило сферу его употребления.

В настоящее время в прямом своем значении слово *заразительный* употребляется в речи медиков, а также довольно часто в разговорно-обиходной речи, хотя и там постепенно вытесняется своими синонимами терминологического характера *заразный*, *инфекционный*.

Встретившееся в профессиональной речи выражение «грипп очень заразителен», видимо, воспринимается многими как несколько устаревшее, и поэтому появляется желание заменить его более привычным «грипп очень заразен».

Интересен в этом отношении такой случай. В одной из телевизионных передач «Здоровье» (3 декабря 1977) академика Академии медицинских наук СССР Н. Н. Блохина спросили: «В связи с вирусной природой рака встает вопрос о заразительности его?». Ответ был таким: «Рак не заразен».

Е. М. Алексина

ЯЗЫК СЕМЬИ ЕДИНОЙ

Коль язык ты знаешь русский,
Всяк поймет тебя при встрече,
Хоть объезди весь Союз.
Всем понятной русской речью
Будут говорить с тобой
И грузин, и украинец,
И узбек и белорус.

Е. М. Буков, молдавский поэт

В результате победы социализма, в ходе развернутого строительства коммунизма в нашей стране сложилась новая, невиданная ранее историческая общность людей — советский народ. Одним из основных средств сплочения многочисленных наций и народностей нашего государства в единую, дружную семью стал великий русский язык. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал: «Быстрый рост межнациональных связей и сотрудничества ведет к повышению значения русского языка, который стал языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза. И всех нас, товарищи, конечно, радует, что русский язык стал одним из общепризнанных мировых языков!» (Л. И. Брежнев. О пятидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик).

Все нации и народности Советского Союза добровольно избрали русский язык в качестве средства межнационального обще-

---

ния. В правовом отношении русский язык и языки других народов нашей страны равны. В соответствии с Программой КПСС обеспечивается свободное развитие языков народов СССР, полная свобода «для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков». Выбор народами нашей страны русского языка как средства межнационального общения обусловлен общественно-историческим развитием Советского государства. Около 60% населения СССР считает его своим родным языком.

По данным переписи 1970 года, русский язык назвали родным 141,8 миллиона человек, из них 128,8 миллиона русских и 13 миллионов человек других национальностей. Кроме того, близкородственные славянские народы, составляющие большинство населения СССР, могут свободно объясняться между собой без переводчика. Языковые контакты особенно ярко проявляются в повседневной жизни народов Советского Союза.

Всем известны стройки, ставшие символом братства и дружбы народов СССР. Поистине всенародным стало строительство Байкало-Амурской магистрали. Здесь работают посланцы почти всех республик. Нурекскую ГЭС в Таджикистане строили представители сорока наций и народностей. Некогда мертвые пространства Голодной степи пробуждены к жизни представителями многих народов нашей страны.

В школе-интернате города Черкесска обучаются русские, абазинцы, черкесы, карачаевцы, ногайцы, украинцы, армяне, осетины. Уже в начальных классах учителя стремятся к тому, чтобы ученики понимали высокое значение таких слов, как Родина, Союз Советских Социалистических Республик, равенство, братство, дружба. Пионерская и комсомольская организации воспитывают у молодого поколения уважение ко всем народам.

В процессе тесного общения с русскими разные народы и народности нашей страны заимствовали много русских слов, которые с течением времени становились для них привычными. Юное поколение, употребляя их в речи, принимало «пришельцев» за слова родного языка. Языко-

---

веды Якутского университета провели интересный эксперимент. Первоклассники должны были по-русски правильно назвать указанный предмет или, назвав его якутским словом, дать русский перевод. Называя предметы (книгэ, уруучка, тэтэрээт, харандаас и другие), дети были уверены, что проносят якутские слова, хотя *книга, ручка, тетрадь, карандаш* пришли в якутский язык из русского.

Из русского языка или через его посредство в языки наций и народностей нашей страны вошло большое количество фразеологизмов, политических и научно-технических терминов, интернациональных слов. Они были быстро усвоены другими языками, как, например, заимствованные тувинским языком слова *надеж, параграф, параллелограмм, перпендикуляр, параллель, педагог, палата, партбилет, партбюро, партактив* и другие. Кроме того, в каждом национальном языке много калек с русских слов, то есть переводов по значимым составным частям слов. Например, в казахском языке *бесжылдык* 'пятилетка' (*бес* — пять, *жыл* — год, *дык* — суффикс), *жолдастык* 'товарищеский' (*жолдас* — попутчик, *товарищ*, *тык* — суффикс).

Русский язык не только оказывает влияние на другие языки, но и сам подвергается их воздействию. «За длительную историю своего развития русский язык впитывал живительные соки из самых различных источников — от византийской учености и славянской книжности до нынешнего взаимодействия со 130 языками братских народов и народностей СССР» (В. Г. Костомаров. Русский язык среди других языков мира). Однако возрастание роли русского языка ни в коей мере не означает понижения роли других языков. Как отмечается в Программе Коммунистической партии Советского Союза, в условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения. Всемирно известные произведения Чингиза Айтматова или Расула Гамзатова написаны на киргизском и аварском языках, не имевших письменности еще в 20-х годах нашего столетия.

За 60 лет Советской власти около 50 народов впервые получили национальную письменность. Для них в корот-

---

кий срок были разработаны алфавиты, составлены орфографические правила, подготовлены словари, учебники. Кроме того, была решена задача подготовки учителей для школ, средних специальных и высших учебных заведений. В настоящее время учебные занятия в школах ведутся на 45 языках народов СССР. В последние годы все чаще практикуется (по настоятельным просьбам родителей) обучение детей в национальных школах на русском языке при одновременном изучении родного языка по расширенной программе как особого предмета. На русском языке ведется преподавание во многих школах Татарской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской и Калмыцкой автономных республик. В столице Узбекистана Ташкенте в школах с узбекским языком обучения изучается русский язык, а в школах с русским языком обучения — узбекский.

О высоком авторитете русского языка хорошо сказал киргизский поэт Кубаныч Акаев:

Слушай, мир: я люблю тот язык,
Что по-русски могуч и велик.
Как не помнить мне Ленина речь,
Как мне пушкинский стих не беречь!

Так у детей нерусской национальности появляется второй родной язык — язык Ленина, правды и прогресса, дружбы и братства.

И. А. ФИГУРОВСКИЙ

«ЧАСТИ РЕЧИ»

И

«ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

Со школьной скамьи мы знаем, что части речи — это разряды слов, объединенные в особые группы по своим грамматическим свойствам. Однако почему *разряды слов* названы *частями речи* — не ясно. Слово *речь*, как отмечает, например, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, имеет следующие значения: 1) способность говорить, говорение; 2) разновидность, стиль языка; 3) звучащий язык; 4) разговор, беседа; 5) публичное выступление. Вероятно, в термине *части речи* слово *речь* отражает старое значение, отличное от современного. Известно, что смысл целого терминологического словосочетания, как правило, определяется суммой значений его компонентов, но с двусловным термином *части речи* дело обстоит иначе. Только знакомство с историей грамматической традиции помогает понять, какие признаки научного поня-

тия легли когда-то в основу данного термина.

История загадочного составного термина *части речи* восходит к глубокой древности. Он возник в церковнославянской письменности при переводе греческих и латинских грамматических сочинений на славянский язык. В первых славянских грамматиках интересующий нас термин звучал по-разному — *части слова* и *части речи* — в зависимости от того, с какого языка переводились грамматика — с латинского или греческого. В греческих грамматиках употреблялся термин *mérhē tu lógu*, где слово *mérhē* означало 'части', а *lógu* (родительный падеж от *lógos*) имело следующие значения: слово, речь, предложение, выражение, речение, рассказ, сказка, басня и др.

Древнее славянское слово также было многозначным. И. И. Срезневский в «Материа-

лах для Словаря древнерусского языка» (СПб., т. 3, 1903) приводит 28 значений. Среди них такие: «слово, речь, выражение, повод, беседа, ответ, спор». Основные значения греческого *lógos* и древнерусского *слово* совпадали, поэтому *lógos* и было переведено нашими первыми грамматистами как *слово*. Таким образом, греческому термину *méghē tu lógu* в наших древнейших грамматиках соответствовал термин *части слова*.

Грамматисты Древнего Рима, взявшие за образец греческие языковедческие теории и термины, в качестве соответствия греческому *lógos* использовали латинское существительное *oratio*, основными значениями которого были «речь, способность говорить; речь как акт, как процесс» (отсюда наше слово *оратор*). Латинский термин *partes orationis* был переведен на Руси как *части вещания* и *части речи*. Эти термины впервые встречаем в переводной старинной грамматике XVI века под названием «Донатус». Это — обработка сочинений латинского грамматиста Доната Элия (IV в.), осуществленная толмачом (переводчиком) посольства великого князя Василия IV Дмитрием Герасимовым. Однако в то время *части речи* не закрепились в наших грамматиках, и в последующих учебниках XVII — первой половины XVIII века обычно употреблялся термин

части слова, восходящий, как сказано, к греческому.

Греки понимали под этим термином «части или члены предложения». На первых порах они выделяли только две «части слова»: имя и глагол. В то время имя и подлежащее обозначались одним и тем же греческим термином — *ópsa*. То же следует сказать о глаголе и сказуемом, обозначавшимся термином *rhēma*. Позже появляются еще другие «части слова». В конце II века до нашей эры Дионисий Фракийский устанавливает восемь «частей слова»: имя, глагол, местоимение, причастие, наречие, предлог, союз, различие (последнее было заменено на междометие), ставших на многие века традиционными во всей европейской науке о языке.

Следуя греческой традиции, наши первые грамматисты *предложение* обозначили термином *слово*, а под *частями слова* понимали то, что мы сейчас называем *членами предложения*. В то время понятия грамматических разрядов слов вне предложения не существовало. Части речи и члены предложения совпадали в своих значениях. Не случайно, что даже сейчас при грамматическом разборе учащиеся затрудняются их разграничить.

Понятие «части слова» вплоть до Ломоносова было одновременно и морфологиче-

ским и синтаксическим. Гениальный русский ученый, автор знаменитой «Российской грамматики» (1755) М. В. Ломоносов вносит в традиционный термин *части слова* другое значение. Как убедительно доказал Я. К. Грот (Филологические разыскания. Труды Я. К. Грота. Т. 2. СПб., 1899, с. 508), под *словом* Ломоносов понимал 'язык' (способность человека говорить, сообщать свои мысли). Заметим, что и греческий термин *lógos* также мог значить 'язык вообще'.

В грамматике Ломоносова термины *части слова* и *части человеческого слова* означают языковые элементы, кирпичики, из которых составляется речь. Таким образом, у Ломоносова старый термин наполнился новым содержанием. В его грамматике впервые подчеркивается и в терминологическом плане отличие частей речи от членов предложения. Вместо традиционного многозначного термина *слово* для обозначения предложения он вводит новый — *речь*. До Ломоносова этот термин встречался лишь в старинных русских переводах грамматик европейских языков, где был русским соответствием латинского *ōgātio*. Так в русской грамматике к устаревшему термину *слово* добавился новый — *речь*. Это было вызвано тем, что термины возникли со-

ответственно для передачи греческого *lógos* и латинского *ōgātio*.

Во второй половине XVIII века термин *части речи* употребляется наряду с термином *части слова*, постепенно вытесняя его. *Слово* (а вместе с ним и *части слова*) перестает употребляться в связи с появлением в русских грамматиках конца XVIII — начала XIX века термина *предложение* (подробнее об этом см.: М. П. Тоболова. О термине «предложение». — «Русская речь», 1975, № 3). Новый термин до этого являлся принадлежностью руководств по риторике, то есть теории ораторского искусства. *Слово предложение* как лингвистическое обозначение для интонационно законченного высказывания впервые употребляется в рукописной «Российской грамматике» А. А. Барсова (1730—1791).

Термин *предложение* приобретает широкую распространенность и постепенно вытесняет прежние многозначные, служившие для обозначения того же понятия, — *слово* и *речь*. В отличие от традиционных *части слова* и *слово* новые термины *части речи* и *предложение* не имели никаких созвучий. С этого времени понятие «части речи» (как основные подразделения слов, объединенные по грамматическим свойствам) перестает соотноситься с понятием «члены

предложения» (как составные части высказывания, выражающие законченную мысль). И хотя потребовалось целое столетие, для того чтобы термин *части речи* наполнился современным содержанием, именно с начала XIX века в науке о языке части речи больше не отождествляются с чле-

нами предложения (о названиях частей речи можно прочитать в статье А. А. Алексеева.— «Русская речь», 1975, № 3).

Таким образом, в древности было морфологическое и одновременно синтаксическое толкование тогда еще синонимичных терминов *части речи* и

Пунктуация при оборотах с союзом

Чтобы овладеть пунктуацией при оборотах с союзом *как*, надо уметь правильно определить характер синтаксической конструкции.

Приведем случаи, когда обороты, начинающиеся союзом *как*, не отделяются запятой.

1. Если сравнительный союз *как* присоединяет к подлежащему именную часть составного сказуемого для обозначения уподобления. Например: «В сумерки луга́ как море». В данном предложении слово *море* раскрывает содержание подлежащего *луга*, несет основную смысловую нагрузку и, значит, является сказуемым. Можно сказать: «...луга были как море»; «...луга будут как море». Известно, что подлежащее никогда не отделяется запятой от сказуемого, следовательно, запятая перед *как* в подобных случаях не нужна. Вот примеры этого типа: «Снег у крыльца как песок выбучий» (Есенин); «Льды как льды, пустыни как пустыни» (Каверин).

2. Если в предложении есть глагольное сказуемое, но основное содержание заключено не в глаголе, а в тесно связанном с ним по смыслу обороте с союзом *как*, без которого глагол не мо-

части слова. Затем синтаксическое содержание понятия постепенно отходило на второй план. Но так как без него нельзя было обойтись, то для синтаксической характеристики элементов предложения был введен новый термин — *члены предложения*. С начала XIX века части речи и члены пред-

ложения, имея уже разное содержание, прочно входят во все грамматические руководства, становятся одними из основных терминов грамматики.

Кандидат филологических наук
М. П. ТОВОЛОВА
Калуга

КАК

Существующий школьный учебник русского языка вопрос о пунктуации при оборотах с союзом *как* освещает недостаточно полно. В ряде случаев необходимы более подробные комментарии, что и предлагается в настоящей статье.

жет существовать. «Его слова звучали как призыв» — глагол *звучали* не имеет законченного смысла, ему недостает примыкающего к нему слова или группы слов. Смысл предложения заключается не в том, что *слова звучали*. Вместо *звучали* можно сказать *воспринимались, расценивались, рассматривались*, а также заменить глагол связкой *были*. От замены глагола содержание не изменится, так как смысл сообщения в том, что *слова как призыв*.

В таких случаях запятая перед *как* не ставится. Заметим, что во многих предложениях рассматриваемого типа глаголы в значительной степени теряют лексическое значение: «Курносая Шура из Криводановки ходила *как именинница*» (Эренбург); «Весь этот день Синцов прожил *как в тумане...*» (Симонов); «Партия всегда рассматривала свое дело *как народное* — народ рассматривает свое дело *как партийное...*» (Грибачев).

3. Если в предложении глагол имеет полное лексическое значение и может быть употреблен без сравнительного оборота, но на первый план выступает значение обстоятельства образа действия в обороте с союзом *как*; такой оборот обычно можно заменить творительным падежом существительного. «*Как дым* рассеялись

мечты» (Лермонтов) — основная мысль в обороте *как дым*, имеющим значение обстоятельства образа действия, на который падает логическое ударение (глагол *рассеялись* произносится в убыстренном темпе и более слабым тоном). Оборот *как дым* можно заменить творительным падежом существительного: *рассеялись дымом*.

«Как царицу я наряжу тебя» (Лермонтов) — *наряжу царицей*;
«Как град посыпалась картечь» (Лермонтов) — *посыпалась градом*;
«Как змея дорога извивалась по скату снизу вверх» — *извивалась змеей*.

Однако если сказуемое стоит перед сравнительным оборотом, то перед *как* нужно ставить запятую. «Она ускользнет, *как змея, порхнет и умчится, как птичка*» (Лермонтов). Запятая перед *как* ставится, хотя и можно заменить оборот с союзом *как* творительным падежом существительного: *змеей, птичкой*. Здесь сказуемое приобретает полновесность, и мы его (а не сравнительный оборот) интонационно подчеркиваем.

4. Если обороту с союзом *как* предшествует отрицательная частица *не* или слова *прямо, просто, почти, совсем, совершенно, точно-точно, именно* и т. п. «Да, все он делал *не как люди*» (Горький); «Да ты выглядишь *прямо-таки как комсомолец*» (Панферов) — в данном предложении запятая не ставится по двум причинам: союзу *как* предшествует слово *прямо-таки*, глагол *выглядишь* сам по себе не имеет законченного смысла.

5. Если союз *как* имеет значение 'в качестве': «Механика Трофимова колхозники послали на собрание в областной центр *как знатока техники сельского хозяйства*».

6. Если в предложении вводится посредством союза *как* приложение, имеющее чисто определительное значение: «Льва Толстого *как писателя* знает весь мир»; «Уже не раз доходили до меня слухи о Яшке-Турке *как о лучшем певце в околотке*» (Тургенев).

Но если приложение имеет не только определительное значение, но и дополнительный оттенок причинности, то такое приложение, по общему правилу, пунктуационно выделяется: «*Как истинный художник*, Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений, но для него все предметы были равно исполнены поэзии» (Белинский). Можно сказать так: «Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов., так как был истинный художник».

Другой пример: «Клавичек, *как пекарь по профессии*, посылался контролером в отдел снабжения» (Н. Островский) — «так как он был пекарь по профессии».

7. Если оборот с союзом *как* носит характер устойчивого сочетания: «Косой дождь, гонимый сильным ветром, *лил как из ведра*»

(Л. Толстой). Ср. также: *блестит как зеркало; спал как убитый; холодный как лед; нужен как воздух* и т. п.

Приведем случаи, когда обороты с союзом *как* отделяются запятой или выделяются запятыми.

1. Если оборот с союзом *как* несет в себе не главное, а второстепенное сообщение, обозначая то, чему уподобляется предмет, признак или действие. Например: «Проступало, как весенняя трава, радостное чувство молодой закипающей жизни» (Тургенев) — «проступало радостное чувство...» — главное сообщение; «Чужая земля, как бесполезная воля, широка и горька» (Катаев) — «чужая земля широка и горька»; «Как невесту, Родину мы любим, Бережем, как ласковую мать» (Лебедев-Кумач) — «Родину любим, бережем». В этих примерах обороты с *как* — чисто сравнительные и обязательно выделяются запятыми.

2. Если сравнительному обороту предшествуют указательные слова *так, такой* и т. п.: «Мы *такие* же самые люди, *как* ты, — черноморские» (Катаев); «Нигде при взаимной встрече не раскланиваются *так* благородно и непринужденно, *как* на Невском проспекте» (Гоголь).

А вот другие примеры: «Он, *так же как* Ильюшин, учился в Военно-воздушной академии» (Яковлев). Здесь запятая поставлена не перед *как*, а перед *так же как*. Значит, автор говорит не о том, *как* учился такой-то, а сообщает, что он учился *там же*, где Ильюшин. Если бы запятая стояла перед *как*, смысл данного предложения был бы иным: он учился *так же, как* Ильюшин.

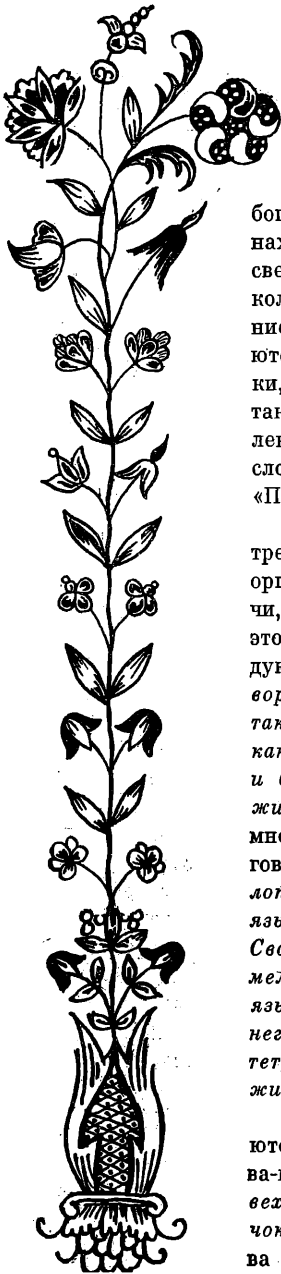
3. Если оборот начинается сочетанием *как и*: «Я, *как и* мой старший брат, окончил юридический факультет»; «К Москве, *как и* ко всей стране, я чувствую свою сыновность...» (Шаустовский).

4. В сложноподчиненных предложениях пунктуационное выделение придаточных предложений с союзом *как* особых трудностей не вызывает: «Герасим вырос немой и могучий, *как дерево растет на плодородной земле*» (Тургенев) — придаточное сравнительное предложение. Сказуемое часто опускается в придаточных сравнительных предложениях, так как оно совпадает со сказуемым главного. И тогда неполные придаточные предложения сближаются по значению со сравнительными оборотами, выступающими в функции обстоятельства образа действия: «Сереза Тюленин был самым младшим в семье, и рос он, *как трава в степи*» (Фадеев) — как *растет* трава в степи.

П. С. СИЯЛЬСКАЯ
Москва

РУССКИЕ О ЯЗЫКЕ

Общезвестно, что в народе накоплен богатый опыт, сведения о разных сторонах жизни, явлениях и процессах. Эти сведения передаются из поколения в поколение устным путем, находят отражение в пословицах и поговорках, включаются в письменные источники — лечебники, сборники пословиц и т. д. Существуют также определенные народные представления о языке (в статье использованы пословицы и поговорки из сборника В. Даля «Пословицы русского народа»).

Слово *язык* в русских пословицах употребляется прежде всего для обозначения органа, который является источником речи, служит для произнесения звуков. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие пословицы: *Язык ворочается, говорить хочется; Вымолвить не хочется, так и язык не ворочается; Сорвалось — как с языка сорвалось; Как сорвалось, так и брякнулось; Коня на вожжах не удержишь, а слова с языка не воротишь.* Во многих пословицах характеризуется речь говорящего: *Язык мягок: что хочет, то и лопочет; Язык без костей — мелет; У него язык длинен; У него язык, как бритва; Свой язык, своя и говоря; Язык — жернов: мелет, что на него ни попало; За твоим языком не поспеешь босиком; Видно, у него язык чешется; Языком кружева плетет; Бьет языком, что шерстобит струной жильной.*

Иногда вместо слова *язык* употребляются другие наименования, например слова-метафоры: *Язык — балалочка; У него ветотка во рту; Мокрая пличка (черпачок): что ни поплещет, то захлещет; слова уста, рот, горло и другие употребляют-*

ПОСЛОВИЦЫ И РЕЧИ

ся по принципу метонимии: *От избытка уста глаголят; На чужой роток не накинешь платок; Горлом не возьмешь; Набери в рот воды! Губы да зубы — два запора (забора), а удержу нет; Рот нараспашку, язык на плечо.*

Если слово *язык* соотносится с говорением, то *речь* — со слушанием. Слово *язык* обычно употребляется в одной поговорке с *говорить*, а *речь* — со словом *слушать*: *Сиж у печи да слушаю людские речи; Красную речь красно и слушать; Красна речь слушанием.*

Речь, как известно, состоит из слов. Приведем поговорки, в которых характеризуются сами слова и *речь* говорящего: *«Есть» — слово как мед сладко, а «нет» — слово как полынь горько; Всю неделю говорил «ась», а в субботу сказал «что»; Этого, не свихнув языка, не выговоришь; Слово к слову приставляет, словно клетки городит; Слово по слову, что на лопате подает; Слово за словом вперевод идет; Слово за словом на тараканьих ножках ползет (лепится); У него слово слову костыль подает; Слово за слово цепляется; Не всякое слово в строку; Прожуй слово да молви! Пасеное словцо за щекой; Не доищешься (не доискался) слова; Блюди хлеб на обед, а слово на ответ; За словом в карман не полезет; Слово не воробей: вылетит — не поймаешь; Выстрелив, пулю не схватишь, а слово, сказав, не поймаешь. И дорого б дал за словечко, да не выкупишь.*

В. А. ФЕДОСОВ,
доцент Волгоградского
педагогического института

СЕЙЧАС, пожалуй, невозможно точно установить, когда появились на Руси первые сведения грамматического характера. Уже в XIII веке существовали руко-

писи с языковедческим содержанием, а также толковые словари (азбуковники), среди которых выделялся Новгородский словарь 1282 года, где объяснялось значение 350 слов.

Первая печатная грамматика была напечатана в городе Вильно в 1586 году в типографии братьев Мамоничей. Эта небольшая книжка имела всего 14 листов (28 страниц), по 17 строк на странице и называлась «Къграматыка словеньска языка». На обложке были указаны место и год издания: «Выдрукована в месте Виденском в друкарни дому Мамоничев в року 1586». В подзаголовке сообщалось, что это — труд «святого Иоанна Дамаскина о осми частехъ слова», хотя, как известно, Иоанн Дамаскин, весьма почитаемый на Руси византийский писатель, философ и поэт VIII века, умер глубоким старцем около 777 года и не мог быть автором этого сочинения. Тем не менее, древнерусские книжники статью «О осми частехъ слова» часто приписывали ему (а иногда Иоанну экзарху болгарскому).

Статья «О осми частехъ слова» — одно из самых популярных и авторитетных грамматических сочинений, известных в Древней Руси. По мнению академика И. В. Ягича, она была написана на основе поздних греческих источников, очевидно, в Сербии в первой половине, а скорее всего в самом начале XIV века. Через Бол-

гарию она проникла на Русь не позже первой половины XV века, попав на хорошо подготовленную, благодатную почву.

Победа русского войска в Куликовской битве 1380 года положила начало освобождению Руси от татаро-монгольского ига, которое окончательно было уничтожено при Иване III в 1480 году. Вокруг Москвы началось объединение русских земель и княжеств в единое централизованное государство. Создание русского централизованного государства сопровождалось небывалым ростом национального самосознания, развитием русской национальной культуры. Отсюда и возросшее внимание к материалам грамматического содержания. Они были необходимы в целях просвещения, так как в этот период резко возросла потребность в грамотных людях.

Популяризации трудов грамматического содержания способствовало и то, что в школах средневековой Европы среди основных наук особое место занимала грамматика: она рассматривалась как основа образованности.

Работа «О осми частехъ слова» в то время была самой полной и приобрела широкую известность. Что же она из себя представляла, каково ее содержание? После небольшого предисловия в ней перечисляются восемь частей слова (по современной терминологии части слова — это части речи) — имя (имя существительное), речь (глагол), причастие, различие, место имени (местоимение), предлог, наречие, союз. Каждая часть слова (речи), отмечалось в ней, имеет свои особенности. Так, имя бывает мужское, женское и среднее, и каждому из них соответствуют определенные окончания. Кроме того, имя имеет пять падежей (падежей): право, родно, дателно, виновно, звателно, и числа: едино, двойно, множно (единственное, двойственное, множественное). Но имя может обозначать и действие, ибо каждый человек действует. Например, *к о в а ч* (кузнец), он *кует*; или *д р е в о д е л а* (плотник), он имеет дело с деревом; или же *о б е щ а н н и к*, то есть тот, кто всем обещает. Есть слова простые (Миклош, Драган) и сложные (Доброслав, Радослав, Добромир).

Как видим, часть, посвященная имени существительному, была разработана довольно подробно. Достаточно полно говорится и о речи (глаголе), немного — о причастии и различии, то есть о той части речи, которой в русском языке нет, а сведения о ней целиком взяты из греческих источников. О местоимении, предлоге, наречии, союзе не упоминается совсем.

Нетрудно заметить, что содержание статьи «О осми частехъ слова» не соответствует заглавию. Встречаются в ней и противоречия, неоправданные повторения, пропуски. К тому же первая грамматика, как и многие другие древнерусские рукописи, довольно запутанна. Еще более усложнили ее виленские издатели: в ста-

ропечатных книгах почти никогда не указывались страницы, и печатник одну из них поставил не на место, сделав текст непонятным. В настоящее время установлено, что во второй половине XV века этот труд был дважды переработан для детей. В новых вариантах статья механически делилась на части, к каждой из которых придумывались вопросы. В результате получался как бы диалог между учеником и учителем. Форма беседы придавала статье занимательный характер и облегчала читателям восприятие материала. Очевидно, издателям не были известны варианты этой статьи, приспособленные для детского чтения и изложенные более последовательно. Иначе они воспользовались бы ими.

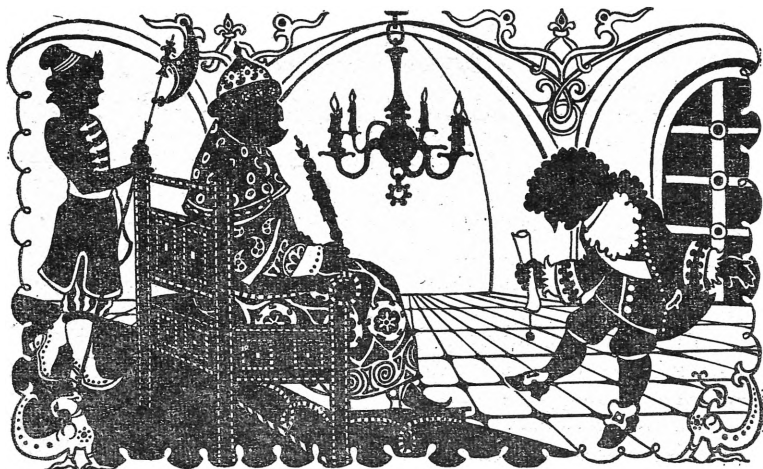
На статью, приписываемую Иоанну Дамаскину, дважды ссылается русский первопечатник Иван Федоров в своей азбуке. На листе пятом, в заглавии: «А сия азбука от книги осмочастныя, сиречь грамматикки». Второй раз он упоминает имя предполагаемого автора статьи в послесловии. (Книгу писал-де он не сам, а все для нее взял из сочинений «божественных апостолов и богоносных святых отцов, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина, от грамматики, мало нечто».) Иначе говоря, Иван Федоров взял из этой статьи материалы для своего учебника.

Если учесть, что русский первопечатник организовал при дворе князя Острожского типографию, где издал несколько книг, в том числе азбуку и учебное пособие по греческому языку, и что в послесловии ко львовскому изданию азбуки он обещал составить и выпустить еще ряд книг «ради скорого младенческого научения», то можно высказать довольно обоснованное предположение о том, что статью «О осми частехъ слова», или подобную ей рукопись, Иван Федоров намерен был издать сам как учебное пособие, по которому можно было бы заниматься после азбуки.

Внимательно глядя в прошлое, нельзя не отметить: как бы несовершенна ни была первая печатная грамматика, она все же является важнейшим событием в истории нашей культуры вообще, а в истории языкознания в особенности. Изданная по просьбе «жителей столицы Великого Княжества Литовского града Вильны», где тогда жило много русских и белорусов, первая печатная грамматика служила для «научения и вразумления... на несмертную славу народу».

«Къграмматыка словенська языка» в настоящее время является одной из редчайших первопечатных книг. В нашей стране известны пока только два ее экземпляра. Один из них находится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, другой — в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

Ф. И. СЕТИН

ИМЕНА И ФАМИЛИИ ИНОСТРАНЦЕВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА

Известный славист А. М. Селищев в статье «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» писал: «С трудом передавались в Московской Руси иноязычные имена: не только в звуках, но и в формах они приравнивались к своим, к русским. Культурно-языковая косность того времени русифицировала прозвища и фамилии лиц, оказавшихся в русской среде. Так было и в XVI—XVII веках, и позднее» (А. М. Селищев. Избранные труды. М., 1968, с. 106).

Вывод А. М. Селищева содержит уже готовый ответ на вопрос, поставленный в заглавии статьи: имена иностранцев приспособлялись к русскому языку, то есть русифицировались.

В чем же именно проявлялось это приспособление к русскому языку, в чем оно конкретно выражалось, отражая в себе общие языковые процессы формирования русских имен, отчеств и фамилий?

Позволим себе не согласиться с оценкой культурно-исторической роли процесса русификации, данной А. М. Селищевым. Он пи-

шет о том, что изменение иноязычных форм русским языком является показателем «культурно-языковой косности того времени». Скорее наоборот, факт быстрого вовлечения в систему принимающего языка путем изменения иноязычных имен — это свидетельство активного освоения нового, его переработки, стремление сохранить национальную самобытность языковой системы как формы выражения и существования национальной, народной культуры.

Процесс освоения иноязычной лексики существовал в прошлые эпохи в разных языках, он протекает и в настоящее время, будет, несомненно, продолжаться и в будущем, поскольку эти процессы диктуются объективными законами развития языка. Только степень активности этих процессов в разное время проявляется по-разному. Это определяется прежде всего историческими условиями конкретной эпохи.

В русской истории XVII век — период дальнейшего расширения внешнеполитических и внешнеторговых связей Русского государства с зарубежными странами. Значительно расширяется Посольский приказ, государственное учреждение, ведавшее связями с другими странами. В его штате работают 22 переводчика документов и 17 толмачей (так называли переводчиков устной речи). Русское правительство стремится к расширению каналов получения информации о том, что делается за пределами границ государства, особенно в высших сферах. В XVII веке появляются первые русские постоянные представители в зарубежных странах, выполнявшие функции послов.

С расширением сфер связей с зарубежными государствами, естественно, увеличивался и круг лиц, прибывших из-за рубежа, с которыми приходилось общаться русским людям.

Большой материал по иноязычным именам и фамилиям в русских текстах XVII века мы находим в «Описи архива Посольского приказа 1614 г.» и вестях-курантах (см.: «Вести-Куранты. 1600—1639 гг.» М., 1972 и «Вести-Куранты. 1642—1644 гг.» М., 1976).

Что наблюдаем мы при передаче прежде всего имен иностранцев в этих текстах?

Непривычные иностранные имена заменяются на близкие им по звучанию или соответствующие им по происхождению русские. Английское имя *Джером* (Jerome) передается как *Ероним*, *Еремей*, *Юрий*. Если *Ероним* по происхождению своему непосредственно связан с *Джером* (см.: «Словарь английских личных имен». 3000 имен. Составил А. И. Рыбакин. М., 1973, с. 204—205), то русским именам *Еремей* и *Юрий* соответствуют иные английские имена: *Jeremiah* и *George*. Еремеем Фенцелем назван в «Вестях-Курантах» голландец, упоминаемый в исторических работах как Герман Фенцель.

К широко распространенному русскому имени *Иван* писцы прибегают для передачи английского *John*, к имени *Юрий* — для передачи датского *Jørgen* (Иёрген), турецкого *Яр*. Так, английский посол Джон Меррик (*John William Merrick*) назван Иваном Ульяновым, а датский адмирал Иёрген Винд (датск. *Jørgen Vind*) дан как Юрий Винт. Паша Яр — Мухаммад поименован Юрием Магаметовым, Юрием Магметом.

Вместе с тем надо заметить, что для ряда наиболее часто употреблявшихся имен иноземцев, таких, как немецкое имя *Johann*, французское *Jean*, в русском деловом языке XVII века вырабатываются более или менее постоянные способы передачи: *Еган*, *Яган*, *Ян*. Так, курфюрст Иоган Георг I Саксонский известен по текстам «Вестей-Курантов» как Еган Георг, маркграф Иоганн Георг Бранденбургский — как Еган Георг Бранденборский, граф Иоганн Мориц фон Нассау — как Еган Насовский, ратный воевода Иоганн фон Верт — как Яган де Верт или еще ближе к его французскому именованию, воспринятому, однако, через немецкий язык — Ян де Верт (французское *Jean de Werth*).

Вследствие фонетических причин, имя лица может, видоизменившись, оказаться тождественным нарицательному слову. Английский посол Ричард Свифт именуется в «Вестях-Курантах» Рыцарем Сффифтом или просто Рыцарем. Употребление слова *Рыцарь* перед фамилией в скорописном тексте, не отделяющем одно слово от другого и не различающем прописные и строчные буквы, таило в себе опасность прочтения его как титула.

В статейном списке Г. И. Микулина о путешествии в Англию в самом начале XVII века (см.: «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статьиные списки». М.—Л., 1954) говорится о «Рыцаре Лее», под которым имеется в виду английский посол Ричард Ли (Richard Lee). Можно предполагать известную посредническую роль польского имени Ryszard, которое соответствует английскому имени Richard, тем более что имя Ричард к слову *рыцарь* по происхождению своему никакого отношения не имеет.

Теперь обратимся к фамилиям иностранцев. Слово *фамилия* в том значении, в каком мы употребляем его сейчас (наследственное семейное наименование, прибавляемое к личному имени и переходящее от отца (или матери) к детям) («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова), в XVII веке не употреблялось.

В значении, в каком мы употребляем сейчас слово *фамилия*, в XVII веке употребляется *прозвище*. Любопытно одно указание «Вестей-Курантов», где сообщается: «немчин в роспросе сказался уроженец де он Дацкие земли города Визби Петрикомъ зовуть Индриковъ прозвище Кил».

Официальные полные формулы наименований, употреблявшиеся в переписях, приводит в своей книге В. К. Чичагов: «и салдаты отпускных и бѣглыхъ старыхъ и даточныхъ... велѣлъ переписать имяны, с отцы и съ прозвищи» (1668); «переписывали крестьянские и бобыльские дворы, а во дворѣхъ людей по имяномъ съ отцы и съ прозвищи» (1678) (В. К. Чичагов. Из истории имен, отчеств и фамилий. М., 1959).

Адаптация иностранных фамилий к русскому языку происходила по-разному.

Прежде всего это приспособление проявлялось в прибавлении к имени отца или фамильному прозвищу суффикса *-ов*. Мы уже упоминали об английском после Иване Ульянове (Джоне Меррике). Но каким образом появилась русская фамилия *Ульянов*? Об этом лице как об английском купце упоминается в «Путешествиях русских послов XVI—XVII вв.»: «отец его Уильям Меррик («Ульяновым» Меррик именуется по отчеству) был одним из основателей английской купеческой „Московской компании“, и Джон Меррик уже в юности жил на Руси».

В «Описи архива Посольского приказа 1614 г.» встречаются имена трех английских послов Ульяновых: Антони Дженкинсон, Джером Горсей и Джон Меррик. Первые два названы Ульяновыми, по всей видимости, также по имени отца. Имена лиц, которые по роду своей деятельности должны были часто общаться с определенным кругом русских людей, подвергались настолько сильной русификации, что трудно было подчас за ней распознать первоначальное

иноземное имя, настолько оно напоминало русское. Такими лицами были купцы, переводчики-иностранцы Посольского приказа, послы, которые долгое время жили на Руси.

В «Вестях-Курантах» имена и фамилии голландских купцов очень напоминают русские: Давыд Николаев, Исаак Аврамов (Оврамов), Исаак Ондреев, Ондрей Ондреев, Ондрей Ульянов, Юрий Клинкин (в исторических работах встречается как Георг Кленк), Яков Ондреев. И это не удивительно. Ведь эти имена часто воспроизводились в обиходной, разговорной речи того времени.

Имена же других лиц, возьмем, к примеру, англичан, к России непосредственного отношения не имевших, а упоминавшихся лишь в переводах зарубежных газет, рассказывавших о событиях в Англии, если и подвергались русификации, то в незначительной степени. Сравните, например, имя англичанина — генерал-майора английской парламентской армии — Вилима Валерия (англ. William Waller).

Фамилии, фамильные прозвища, имеющие форму притяжательного прилагательного с суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*, как правило, образованы от имени отца и стоят в позиции современного отчества.

Кто такой, например, гетман и воевода Пунтусов, упоминаемый в «Вестях-Курантах»? Это шведский полководец и риксмаршал («государственный маршал») Деллагарди (De la Gardie), который был родом из шведской военной семьи французского происхождения. Его отец — Понтус (Pontus), и полное именование сына — Якоб Понтус Деллагарди. Там же, где дается полный перечень лиц, подписавших мирный договор Швеции с Данией в г. Брёмсебро 13 августа 1645 года, с указанием их полного титула, он назван уже иначе, более официально — господином Якобом Делегарди («Вести-Куранты», 1646).

Слово *сын* после прилагательного на *-ов* в функции отчества могло, как видим, употребляться, но чаще не употреблялось, особенно в тех случаях, когда позиция прилагательного на *-ов* довольно явно ощущалась в качестве отчества.

Отчествами с суффиксами *-ов* — *ич*, *-ев* — *ич* именовались только представители высших социальных слоев в эпоху феодализма: великие князья, князья, бояре, окольничие, оружничие, казначеи. Социальные сословия низшего порядка имели в отчестве *ов-* или *-ин*.

В «Вестях-Курантах» отчество на *-ович* применительно к иностранцам мы находим в именовании сына датского короля Христиана — королевича Вальдемара: Вальдемар Христианусович (Христианусович), он же Вальдемар Христьянович. И это наряду с принятыми на Западе образцами: Вальдемар Крестиян, Вальдемар Хрестиян, Вальдемар Христианус,

«Небезынтересно, — пишет В. К. Чичагов, — что формы на *-ович*, *-евич* в переписке с западными соседями, у которых образования эти не имели сословно-классового значения, также переделывались в канцеляриях Московского государства XVI в. в формы на *-ов* и *-ин*. Например, родовое прозвание великого гетмана Литовского — Григория Александровича Ходкевича — переделывается в посланиях к нему московских бояр в „Хоткеева“». Вместе с тем заметим, что поскольку великий гетман Литовский принадлежал к той верхушечной социальной группе, которая должна была именоваться отчеством на *-ович*, *-евич*, то вполне закономерной является форма *Хоткеевич* — воевода виленский Хриштоф Хоткеевич, которую мы встречаем в «Вестях-Курантах» и которая своей орфографией оттеняет форму отчества. Хоткевичи считали своим пращуром боярина Федора, по прозвищу Ходка.

Прилагательное на *-ов*, *-ев* могло выступать в роли современной фамилии. Как правило, это были нетитулованные особы: купцы, представители технической интеллигенции того времени [инженер Яган Корнильев (Корнильев)]; лица для особых поручений: гонец Яков Свертенцов; немчин, толмач Ганц Троklusов.

Фамилии на *-ин* сравнительно редки, но и они в какой-то степени отражают процесс русификации. В их числе Юрий Клинкин — имя голландского торговца Георга Кленка; Аксель Лелин — генерал-майор, губернатор города Лейпцига (в немецком «Европейском театре», т. 5, 18 упоминается как Axel Lilie).

Для лиц, принадлежавших к правящему феодальному классу, были более характерны фамилии на *-ский*. Они указывали или на местность, откуда были выходцами феодалы, или на область, им принадлежащую.

Но вместе с тем для названия лиц, имевших феодальный титул, есть и фамилии на *-ов*. Полковник Вальдов (Валь), герцог Савеллев (Савелли), граф Мансфельтов (фон Мансфельд); начальник визирь, паша Юрий Магаметев (Яр — Мухаммад), полковник Вилим Валлеров (Уильям Уаллер), датский воевода Ганибальд Зестев (Ганнибал Сегестедт); шведский полевой маршал, воевода Густав Горнов (Густав Горн), боярыня Орлеансова (любопытно соседство русского титула *боярыня* для французской герцогини Орлеанской), полковник Ферговеров известен немецким газетам XVII века как *Vorghauwer*. Сосуществование фамилий на *-ов*, *-ев* и фамилий на *-ский* вызвало к жизни фамилии с двойным суффиксом *-ов — ск*, *-ев — ск*, *-ск — ов*: граф Дармстатовский (Дармштадтский), герцогиня Нейенстенскова (Нейенштейнская), герцог Бресовский (Брезе), князь Арлеовский (Орлеанский; привлекает внимание русский титул *князь* при назывании французского герцога Орлеанского).

Фамилии титулованных особ на *-ский* сплошь и рядом соседствуют с принятыми на Западе именованями без суффикса. Герцог Валленштейн и он же Валленштейнский, полковник Капун, Капун — он же Капунский (в немецком «Европейском театре» XVII века — *von Saraun*), князь Конде (Кондэ) — он же Кондейский, Конедаский, воевода фон Боденгузен — Бонденгуский, князь Оссун — Оссунский.

Изучение способов передачи имен иностранцев в русском деловом языке XVII века дает дополнительный материал для показа процессов формирования самих русских имен, отчеств и фамилий.

В. Г. ДЕМЬЯНОВ

Москва

Рисунки С. Гавриловой

**ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ»**

В конце 1977 года в Донецке по инициативе Института русского языка АН СССР, Института языковедения имени А. А. Потебни и Донецкого государственного университета состоялась Всесоюзная научная конференция по проблемам сопоставительной стилистики восточнославянских языков, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Известно, что три восточнославянских языка — русский, украинский и белорусский, связанные общностью происхождения, на протяжении всей истории их развития находились в постоянном взаимодействии. Грамматический и звуковой строй, лексика и фразеология этих языков имеют много общих черт. В советский период значительно возрос и усилился процесс их взаимообогащения и взаимовлияния. И это ставит перед лингвистами важную и актуальную задачу — от изучения каждого языка в отдельности перейти к сопоставительным исследованиям современных восточнославянских

языков. Часть этой общей задачи — сопоставительное изучение стилистических систем трех близкородственных языков — русского, украинского и белорусского.

На пленарном заседании были заслушаны доклады преимущественно теоретического характера. В докладе И. К. Белодёда и Г. П. Ижакевич (Киев) «Теоретические основы создания сопоставительной стилистики восточнославянских языков» отмечалось, что изучение стилистической системы каждого языка помогает раскрыть его выразительные средства, национальную специфику, дает представление о контактах с другими языками. Авторы подчеркнули, что имеющиеся исследования по стилистике отдельных восточнославянских языков являются основательной базой для того, чтобы приступить к подготовительной работе по созданию курса сопоставительной стилистики этих языков. Были намечены этапы работы, определены объект изучения и методы исследования, сформулированы

принципы построения такого курса.

В. М. Русановский (Киев) в докладе «Постоянные и изменяющиеся признаки функциональных стилей» сообщил, что постоянные признаки функционального стиля по-разному проявляют себя в различных литературных языках мира. Это должно учитываться при сопоставлении функциональных стилей родственных и неродственных литературных языков.

В докладе А. Н. Кожина (Москва) «Стилистическое обогащение языка» на материале произведений современной поэзии и прозы — К. Федина, Ю. Бондарева, Р. Рождественского, Л. Татьянической и др. — показано, как в текстах художественной и публицистической речи стилистически нейтральные средства приобретают экспрессивность. Об экспрессивно-эмоциональных функциях украинизмов в русской газетно-журнальной прессе сообщил В. В. Ильенко (Донецк) в докладе «Украинизмы в русской газетно-журнальной форме массовой коммуникации». «Сопоставительное исследование языковых средств экспрессии русской, украинской и белорусской художественной литературы» — тема доклада В. П. Ковалева (Херсон). Докладчик говорил об исполь-

зовании выразительных средств стихотворной и прозаической художественной речи, о необходимости объединения исследований в области языкознания и литературоведения для решения задач сопоставительной лингвистики.

Работа конференции проходила в трех секциях. Исследования, результаты которых были представлены в докладах и сообщениях, выполнены на большом языковом материале и на высоком научном уровне. Они позволяют судить о том, в каком направлении проводится работа по стилистике современных русского, украинского и белорусского языков.

Конференция подвела итоги разработки проблем сопоставительной стилистики, наметила пути и определила принципы дальнейшего исследования в этой области. В ходе ее неоднократно подчеркивалось, что теоретическое изучение вопросов сопоставительной стилистики должно быть тесно связано с практикой преподавания трех родственных языков — русского, украинского и белорусского в средней и высшей школе, с работой по повышению культуры устной и письменной речи, с деятельностью лексикографов и переводчиков.

*Кандидат филологических наук
С. Е. МОРОЗОВА*

Среди различных видов театральных жанров заметное место занимает водевиль. Многие любители театра хотят узнать историю возникновения слова *водевиль*.

Слово происходит от названия местности Val de Vire в Нормандии (Франция). Именно там появились юмористические песенки на злобу дня, так называемые водевиры. Позднее они стали называться водевилями. Песенки слагались народными французскими поэтами и исполнялись странствующими певцами в пьесах ярмарочных театров вплоть до первой половины XVIII века. В значении 'песенка' слово *водевиль* употребляет А. С. Пушкин в поэме «Граф Нулин»: «— Ага! хотите ли послушать Прелестный водевиль? — И граф Поет».

В конце XVIII века водевилем стали называть комическую пьесу с куплетами, положенными на музыку. В 1792 году в Париже был создан театр под названием «Водевиль». Примерно в это же время возникают и другие театры, ставящие водевили. Так получает распространение новый вид комедии с пением и танцами.

Наиболее популярными авторами водевилей во Франции были Скриб (1791—1861) и Лабшш (1815—1888) — автор известной пьесы «Соломенная шляпка».

В России водевиль появился в начале XIX века. Он возник на основе комической оперы XVIII века. В нем были использованы русские исторические и отвечающие времени сюжеты.

Слово *водевиль* с иным произношением и написанием — *водвилль* — впервые было зафиксировано в Новом словотолкователе Н. Яновского (1803) с таким значением: 'песенка, куплет'. А вот как представлено слово в Словаре В. И. Даля: «*Водевиль* — м. франц. драматическое зрелище с песнями, пением, а *опера* и *оперетка* вся положена на музыку. *Водевильный*, относящийся к водевилю. *Водевиллист* м. сочиняющий водевили. *Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль*. Грибоед.»

Известные русские водевили связаны с именами А. А. Шаховского («Казак — стихотворец», 1812) и Н. И. Хмельницкого («Суженого конем не объедешь, или Нет худа без добра», 1820). Интересно, что в написании водевилей принимал участие и А. С. Грибоедов. Так, совместно с А. А. Шаховским и Н. И. Хмельницким им была создана пьеса «Своя семья, или Замужняя невеста» (1817), а в соавторстве с П. А. Вяземским — «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (1823). В этих водевилях в остроумной, легкой, изящной форме высмеивались пороки общества, пережитки классицизма, псевдонародность.

Однако в царской России большее распространение получили не эти произведения, а пустые, пошлые пьесы, призванные отвлечь зрителя от серьезных общественно-политических проблем. Редко на сцене ставились водевили, изображавшие русский быт, обличавшие уродливые стороны жизни, такие, как «Лев Гурыч Синичкин» (1840) Д. Т. Ленского, «Петербургские квартиры» (1840) Ф. А. Кони, «Петербургский ростовщик» (1844) только начинавшего свой творческий путь Н. А. Некрасова (автор выступил под псевдонимом Перепельский).

Во второй половине XIX века водевиль уступает место другим видам драматического искусства.

В конце XIX века традиции водевиля в какой-то степени продолжил А. П. Чехов («Медведь», «Предложение», «Юбилей», «Свадьба»).

Водевиль не забыт и в советском театре. Достаточно вспомнить такие имевшие большой успех пьесы, как «Факир на час» (1945), «Где эта улица, где этот дом» (1953) В. Дыховичного и М. Слободского и другие.

В. С. ФИЛИППОВ
Рисунок Ю. Космынина

В жизни образных выражений нередки случаи, когда одно из слов, входящих в оборот, начинает пониматься иначе. Это меняет ассоциативные связи выражения, его первоначальная мотивировка забывается или искажается.

Синтаксическая модель фразеологизма *комар носу не подточит* 'не к чему придаться' довольно проста, но семантический прототип, образная схема, лежавшая некогда в его основе, в литературном языке уже не столь определена. Возможность различного понимания слова *подточить* «размывает» исходную образность. Довольно характерно в этом отношении употребление оборота Маяковским в стихотворении «Служака».

Появились

молодые
превоспитанные люди —
Мопров

знаки золотые
им
увенчивают груди.

Парт-комар
из МКК

не подточит
парню
носа:

к сроку
вписана
строка

проф-
и парт-
и прочих взносов,

Как видим, в данном примере не совсем обычное управление: *не подточит носа парню*. Чаще всего оборот употребляется без дополнения: «Ведь ты и при посторонних людях чепуху-то эту не сешь... А ты умненько себя, голубчик, держи! Ты линию-то свою веди, да так, чтоб комар носу не мог подточить!» (Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности).

Отсутствие дополнения вполне оправдано общим значением фразеологизма 'не к чему придраться'. Но глагол *подточить*, употребляющийся в современном языке с дополнением (ср. *подточить карандаш сыну*), «сделал» нововведение Маяковского вполне возможным. Более того, *не подточит парню носа* в какой-то мере свидетельствует о том, что для поэта буквальный смысл оборота был, вероятно, связан с образом комара, «подтачивающего» чей-то нос. Основная причина такого представления — не совсем полное понимание слова *подточить*. Характерно, что *подтачивать* комментировал более полувека назад известный лингвист и этнограф Д. К. Зеленин: «О комарах: кусать. Ср. известную поговорку: комар носу не подтѳчит. В песне...

Мушки, блошки не кусают, не ѳдят,
Комарики не подтачивают...».

Как видим, и опытный языковед усматривает внутренний смысл выражения в том, что комар кусает чей-то нос.

Слово *подтачивать* в значении 'кусать, покусывать' встречается в народных говорах. Однако объяснить наш оборот с помощью этого значения нельзя. Этому противоречит целый ряд языковых фактов.

Прежде всего, выражение уже давно употребляется и в другом структурном варианте — с предлогом *под*: «А под Семенюту комар носу не подточит. Он изучил все тайны канцелярщины досконально» (Куприн. Святая ложь). Составители «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова, откуда взят этот пример, считают данный вариант почти нормативным, помещая его рядом с *комар носу не подточил бы*. И действительно: назвать его индивидуально-авторским нельзя, поскольку он записан в народной русской речи задолго до отражения в литературном языке. В Толковом словаре В. И. Даля читаем: *Под добрую сваху комар носу не подточит*. Данный вариант показывает, что в нашем выражении речь идет именно о комарином носе, а не о чьем-то носе, который комар «подтачивает»; слово *подтачивает* здесь, видимо, имеет иное значение, чем 'кусать'.

Характерно, что интересующее нас выражение в народных говорах уже давно допускало замену слова *нос*. Так, академик

Ф. И. Буслаев указывал на бытование в тамбовских говорах варианта *тут и комар ноги не подточит*.

Особенно четко проясняется мотивировка оборота *комар носу не подточит*, когда мы обращаемся к структурно-семантическим вариантам его исходной модели.

Аналогичный оборот с глаголом *подточить*, но с существительным *игла* (*иголка*) широко представлен в пословицах и поговорках, записанных В. И. Далем: *Люди схвастают, иглы не подточишь* (*не подобьешь*), *мы сожем — целое бревно подсунешь!* Причем варианты *подточить* предельно проясняют смысл интересующего нас глагола: *Между женским да и нет не просунешь иголки; Один совет, хоть кулаки суй, другой совет, иглы не подбить!* Подобное выражение можно найти и в украинском языке: *і голки не підсунешь*. (Ср. в иркутских говорах: *Под собой не видит бревно, под чужим замечает иголку*).

Близки к этой модели и обороты *пальца пропихать некуда* 'о большой тесноте' (иркутские говоры), *руки не проточить* 'о скоплении народа' (горьковские говоры), переносная семантика которых, правда, несколько иная. Аналогичную мотивировку имеет и украинский фразеологизм *тісно, що й пальцем не протрижнешь*.

Приведенные примеры дают возможность раскрыть значение глагола *подточить* в обороте *комар носу не подточит*: *подточить* — 'всунуть', 'с силой протолкнуть'. При таком объяснении становится понятным все выражение: видимо, первоначально под словами *комар носу не подточит* подразумевалась такая мастерская, точная подгонка двух бревен (может быть, досок или камней) друг к другу, при которой между ними нельзя было просунуть даже комариного носа или — если учесть тамбовский вариант — не менее тонкой комариной ножки. Возможно, первоначальный смысл выражения — «гладко, нет ни шершавинки, ни задиришки, то есть места, где комар мог бы подточить (всунуть) свой тонкий нос».

В литературе XIX века можно встретить и такие просторечные варианты выражения, как *пальца не подсунуть* и *не подточить булавки*: «Он у меня парень-то дельный; ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь» (А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся);

Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!

Некрасов, Газетная

Из распространенных в литературном языке прошлого века выражений *иглы не подточишь*, *не подточишь булавки*, *пальца*

не подсунешь, комар носу не подточит в настоящее время довольно широко известен лишь последний оборот. И это не удивительно: ведь фразеологизм со словом *комар* обладает ббльшей яркостью. Комар издавна у многих народов был мерилем чего-либо незначительного по размерам. В псковских говорах до сих пор сохранилось выражение *с комариную льйтку* «очень мало», аналогичное украинским народным оборотам *з комарину лядку*, *з комареву ніжку*, *з комарів носок*. На Руси издавна бытовало и народное сравнение *как с комара сала* ‘абсолютно ничего’: в рукописном сборнике пословиц В. Н. Татищева (примерно 1736 год) встречаем его в таком контексте — «Как в каморе сала, так в нем добра». Подобные сравнения есть и в других славянских языках: чешск. *hádat se o komáří sádlo* (буквально «спорить о комарином сале») ‘спорить о пустяках’, *poslat pro komáří sádlo někoĥo* (буквально «послать за комариным салом кого-либо») ‘одурачить кого-либо’, ‘сделать кого-либо посмешищем’, польск. *jak w komarze sadła* ‘ничтожно мало’, *kłósi się o sadło komarowe* (буквально «дерется из-за комариного сала») ‘дерется из-за глупостей’.

Древняя народная символика, своеобразно преломившись в ряду сочетаний с глаголом *подточить*, сохранилась и в широко известном русском выражении *комар носу не подточит*.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Числовое и цифровое

В последнее время в газетных статьях и корреспонденциях, касающихся научно-технического прогресса, нередко можно встретить выражение *числовое программное управление*. Например: «Станки с числовым программным управлением приходят на смену устаревшему оборудованию...» («Правда», 20 октября 1976). Это выражение неправильно. Здесь речь идет об использовании электронно-вычислительной техники для управления производственными процессами. Электронно-вычислительные машины по принципу действия и по форме, в которой они выдают результаты (в данном случае это управляющие сигналы), подразделяются на

два типа: машины непрерывного действия, или *аналоговые*, и машины дискретного (прерывистого) действия, или *цифровые*.

Как не каждый набор букв есть слово, так и не каждый набор цифр есть число. В качестве наиболее известного примера можно привести номер телефона, который мы набираем на цифровом диске автоматического телефонного аппарата. Это не число, а управляющий сигнал, представленный в цифровой форме. В принципе его можно было бы представить (закодировать) и в другой форме, например в виде набора букв (и это не было бы словом, а только управляющим сигналом, или командой, в буквенной форме), набора музыкальных нот (опять-таки не аккорд, а звуковой сигнал).

Итак, программное управление производственными процессами, в зависимости от принципа действия применяемых электронно-вычислительных устройств, может быть либо *аналоговым*, то есть непрерывного действия, либо *цифровым*, то есть дискретного действия, но никак не *числовым*. Числа здесь ни при чем. Источником недоразумения, о котором идет речь, является то обстоятельство, что в обыденной речи нередко встречается замена слова *числа* словом *цифры*. Например, говорят *большие цифры* вместо *большие числа*. Или вот пример — *четырёхзначная цифра* вместо правильного выражения *четырёхзначное число* в корреспонденции Ю. Коновалова «Встреча с огненным смерчем»: «Много характеристик у напалма. Самая главная — температура. Она записывается четырёхзначной цифрой» («Ленинградская правда», 24 октября 1976). В случае с программным управлением замена обратная, и происходит она от того, по-видимому, что когда-то было усвоено — дескать, говорить *цифры* — «неправильно», а *числа* — «правильно».

Слова *числа* и *цифры* не являются синонимами, они не безусловно взаимозаменяемы. Употребление слова *цифры* вместо *числа* допустимо в качестве метонимии: мы говорим о знаках, подразумевая количество, которое они обозначают (подобно тому, как говорят *буква закона*, подразумевая не знак, а формальный смысл того, что он обозначает; или говорят *съел тарелку*, подразумевая не посуду, а ее содержимое). Но обратное употребление недопустимо, нельзя говорить *числа*, подразумевая *цифры*, то есть знаки, их обозначающие. Поэтому неверно и выражение *числовое программное управление*.

Б. Н. Гиммельфарб,
Ленинград

Жизнь, отданная науке

26 июня 1978 года исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося советского языковеда академика Сергея Петровича Обнорского.

С. П. Обнорский родился в 1888 году в Петербурге, в семье мелкого железнодорожного служащего. Рано потеряв отца, он воспитывался своими старшими братьями, а с 12—13 лет стал трудиться: давал уроки, был репетитором. В 1905 году С. П. Обнорский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился у таких выдающихся ученых, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. И. Соболевский, П. А. Лавров и А. А. Шахматов. Под руководством А. А. Шахматова и началась его научная деятельность. После окончания университета в 1910 году С. П. Обнорский, по предложению А. А. Шахматова, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1915 году он сдал магистерские экзамены и был зачислен приват-доцентом университета.

Педагогическая деятельность ученого не прерывалась с 1915 по 1946 год и протекала сначала в Петербургском (1915—1916), а затем в Пермском университетах (1916—1922), где с 1917 года он занимал должность профессора. До эвакуации в Казань (осень 1941) С. П. Обнорский вновь преподавал в Ленинградском университете. Из эвакуации он возвратился в 1943 году и до 1946 года заведовал кафедрой русского языка филологического

факультета Московского университета. Будучи талантливым педагогом, С. П. Обнорский воспитал славную плеяду учителей русского языка средней школы, многие из которых заняли видное место в русском языкознании. Вместе с тем ученый принимал самое активное участие в создании и редактировании учебников, пособий для вузов (широко известна его «Хрестоматия по истории русского языка», написанная совместно с С. Г. Бархударовым).

В 1931 году С. П. Обнорский становится членом-корреспондентом, а в 1938 году — действительным членом Академии наук СССР. В 1944 году С. П. Обнорского избирают в действительные члены Академии педагогических наук РСФСР. В этом же году по инициативе С. П. Обнорского в составе АН СССР был создан Институт русского языка, директором которого он оставался до 1950 года (когда этот Институт был объединен с Институтом языка и мышления в Институт языкознания АН СССР). С. П. Обнорский заведовал в этом институте сектором истории русского языка и диалектологии до 1952 года — тяжелая болезнь вынудила его уйти с этой работы.

13 ноября 1962 года С. П. Обнорского не стало.

Сергей Петрович Обнорский — один из крупнейших языковедов нашего времени. Необычайно широк диапазон интересов этого ученого, занимавшегося историей языка, диалектологией, этимологией, морфологией, фонетикой, лексикографией, вопросами культуры речи и т. д.

Однако, прежде всего, С. П. Обнорский был историком языка. Вне истории языка он не признавал научного языкознания. Историзмом пронизаны все его исследования, в том числе работы, касающиеся практических вопросов лингвистики: нормализации русского литературного языка, повышения культуры речи, орфографии, орфоэпии.

Свою деятельность С. П. Обнорский начал как исследователь памятников древней письменности: в 1909—1910 годах, будучи студентом, под руководством А. А. Шахматова он написал работу «Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 года» (напечатана она была в 1925 году), обнаружив блестящую осведомленность в литературе вопроса, знание старославянских и древнерусских памятников, тщательность и обоснованность лингвистического анализа. Позже были опубликованы: статья «К истории глухих в Чудовской псалтири XI в.», большой труд «О языке Ефремовской Кормчей XII в.»

(1912), исследование «К литературной истории „Хождения” Арсения Селунского» (1914).

В первых работах внимание ученого было направлено, прежде всего, на анализ фонетических явлений, что свойственно всей школе А. А. Шахматова, к которой принадлежал и С. П. Обнорский.

Однако исследователь рано проявляет интерес к вопросам морфологии, о чем говорят его работы из области именного склонения: «Одна особенность языка К. Н. Батюшкова» и «Формы склонения по сатирам Кантемира» (1913); в 1924—1925 годах вышли из печати еще две статьи по именному склонению: о формах звательного падежа в русском языке, преимущественно в народных говорах; о двойственном числе. Это были как бы подготовительные материалы к монументальному исследованию «Именное склонение в современном русском языке» (Выпуск I — Единственное число — напечатан в 1927 году; выпуск II, посвященный множественному числу, — в 1931).

Данная книга — первое исследование фактов морфологии современного русского языка на материале произведений русской художественной литературы XVIII—XIX веков и важнейших рукописных и печатных источников диалектологического характера; к изучению привлекались также параллельные факты из украинского, белорусского и других славянских языков; учитывались и показания древних русских памятников. Исследование С. П. Обнорского — обстоятельный труд по истории русского именного склонения, хотя оно и носит ограничительное название „в современном русском языке“. Работа не потеряла значения и в настоящее время: исследователи именного склонения до сих пор черпают из нее ценные сведения.

В 1953 году выходит вторая крупная монография ученого — «Очерки по морфологии русского глагола». С «Именным склонением» книгу роднит огромный фактический материал (памятники древней письменности, литературные произведения XVIII—XIX веков, диалектные источники), тонкий и глубокий анализ материала. Однако данный труд не является столь ценным и полным, как «Именное склонение». «Очерки» — изложение курса лекций, которые читал Сергей Петрович в 30-е годы в Ленинградском университете.

Академик С. П. Обнорский вошел в историю русского языка как создатель новой теории происхождения русского литературного (письменного) языка.

В статье «К истории словообразования в русском литературном языке» (1927) С. П. Обнорский еще придерживался традиционного тогда взгляда, разделяемого и его учителем А. А. Шахматовым, на происхождение русского литературного языка из церковнославянского.

По-новому решает этот вопрос С. П. Обнорский в статье «„Русская Правда“ как памятник русского литературного языка» (1934). «Русская Правда» не раз переписывалась, и в ее языке отразились наслоения эпох, прошедших со времени составления оригинала. С. П. Обнорский попытался на основе изучения пространной редакции «Русской Правды» по Синодальному списку 1282 года снять эти позднейшие напластования и восстановить первоначальный текст. В результате этого изучения он пришел к выводу, что первоначальная редакция «Русской Правды» относится к XI веку и была составлена одним из советников князя Ярослава в Новгороде, где складывался, по мнению С. П. Обнорского, самобытный русский литературный язык.

Итогом дальнейших исследований языка древнейших памятников письменности («Русской Правды» — в краткой редакции, Сочинений Владимира Мономаха, «Моления» Даниила Заточника и «Слова о полку Игореве») явилась книга «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946), удостоенная Государственной премии СССР.

Исключительны заслуги С. П. Обнорского в русской лексикографии, в работе над словарями русского языка. В 1912 году он был привлечен к редактированию академического Словаря русского языка, над которым работал непрерывно в течение 25 лет, до 1937 года, когда издание Словаря было приостановлено (сам лично он составил восемь выпусков этого Словаря на букву *л*). С. П. Обнорскому принадлежит статья (написанная совместно с Н. С. Державиным) «История и техника издания Словаря русского языка АН СССР» (1932), а также «Инструкция для редакторов» (1936), положенная в основу последующих изданий академических словарей.

С. П. Обнорский постоянно был членом редколлегий всех академических словарей русского языка, в частности 17-томного академического словаря, за который ему была присуждена Ленинская премия (посмертно).

С. П. Обнорского глубоко интересовали проблемы нормализации литературного русского языка. И здесь он

выступал как историк языка, обращаясь к периоду XVIII—XIX веков: таковы его статьи о Ломоносове (1940) и Пушкине (1946), в которых была высказана мысль о том, что выдвинутые Ломоносовым нормы литературного языка определили дальнейшую судьбу его развития и служат живой основой нашего современного языка.

Многочисленны статьи и выступления С. П. Обнорского тридцатых — сороковых годов по проблемам культуры речи, в которых он, обращая особое внимание на орфографию, грамматические нормы и нормы произношения, призывал бережно хранить чистоту и правильность нашей речи.

По инициативе С. П. Обнорского всю работу по унификации и упорядочению русского правописания взяла на себя Академия наук. С. П. Обнорский возглавил академическую Орфографическую комиссию, результатом деятельности которой явились «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956).

Под руководством С. П. Обнорского в АН СССР велась работа по созданию Орфографического словаря. Подготовленные в процессе этой деятельности материалы вошли в состав изданного Институтом языкознания АН СССР большого «Орфографического словаря русского языка».

Многогранная деятельность и труды Сергея Петровича Обнорского, ученого, труженика и патриота, отдавшего всю свою жизнь науке, изучению родного языка, его общественная и педагогическая деятельность были высоко оценены Советским правительством: он был награжден тремя орденами Ленина, медалями, удостоен Ленинской и Государственной премий СССР.

Р. Б. КЕРШИЕНЕ

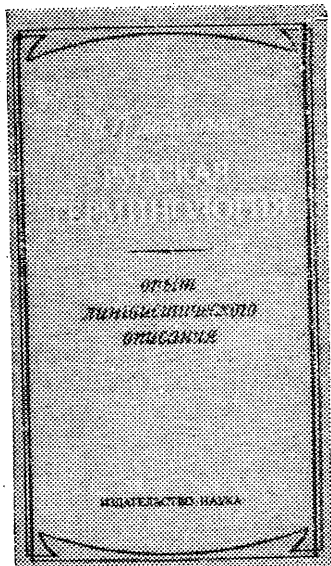
СРЕДИ КНИГ

В. П. Даниленко.

РУССКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

В наш век, век научно-технической революции, происходит быстрый рост терминов в языке, возникают новые терминологические системы. Этот увеличивающийся пласт га-

учно-технической лексики нуждается в глубоком изучении, всестороннем анализе, практических рекомендациях и в конечном итоге — создании общей теории терминологии. В течение последних 10—15 лет специалисты самых различных областей знаний все активнее обращаются к обобщению и научному осмысле-

нию этого материала. Опубликовано ряд исследований, посвященных анализу различных сторон терминологии.

Первой обобщающей работой, анализирующей многие вопросы этой области лингвистики, явилась недавно выпущенная издательством «Наука» книга В. П. Даниленко «Русская терминология. Опыт лингвистического описания» (М., 1977). Книга имеет два основных направления: теоретическое и прикладное. В теоретическом аспекте рассматривается большой и сложный круг проблем, связанных с изучением русской терминологии: вопрос о месте терминологии в структуре современ-

ного русского языка; основные особенности лексики языка науки; лингвистическая природа термина как особого языкового знака; общие тенденции развития терминологической лексики. При этом получают решение очень многие важные вопросы. Назовем лишь некоторые.

Как в тексте следует разграничивать термины, слова специальные, и слова обычные, общепонятные? Основание для такого разграничения — соотносительность терминов и обычных слов с разными понятиями. Термины всегда соотносятся со специальными понятиями, а общеупотребительные слова — с неспециальными. А каков лексический состав языка науки? Из каких источников он черпает свои наименования — собственно термины? В книге показано, что терминология берет истоки и пополняет ресурсы из разных источников и с помощью различных языковых средств. Формирование каждой терминологической системы имеет, как правило, длительную историю, в которой отражаются особенности русского языка разных эпох. Очень многие терминологии включают слова, зафиксированные еще первыми памятниками письменности, и — наряду с ними — слова, образованные в самое последнее время. Так, военная лексика наших дней сохраняет слова, жизнь которых

исчисляется веками: *полк, войско, засада, застава, караул, солдат, пехота, конница, полковник, генерал, майор, бой, сражение, осада*. В одном ряду с ними образования последнего времени: *ракетоносец, вертодром, танкодром*.

Используются ли в терминологии слова общелитературного языка? Вот, например, эти слова, они же — термины: *человек, общество, земля, вода, ручей, море, океан, луна, солнце, звезда, растение, трава, дерево, животное, машина*. Есть ли среди терминов слова диалектного происхождения или просторечные? Использование диалектных по происхождению слов наблюдается в таких случаях: когда отраслевые термины восходят к промысловым наименованиям; называемые предметы или явления по своему характеру связаны с сельскими видами деятельности; конкретные терминосистемы являются очень давними по времени формирования. Диалектными по происхождению являются, например, термины: географические — *тундра, сопка, хребты, гребни гор*; ихтиологические — *зубатка, серебрянка, сима, овец, азабач*; морские — *свежун, швырок, разводень, глядень, яснец, отпрыдыш, средыш, пересынь, отволока, поливуха, прорва*; гидрологический термин — *рямы*; геологический — *стеклеу*; технический — *обечайка* и др.

Наиболее же значительную

по количеству часть терминологической лексики составляют заимствования из других языков. Это естественный процесс, характеризующий каждый развитой национальный литературный язык и язык науки. В книге рассказывается, как расширение международных связей приводило к утверждению в русской терминологии тех или иных заимствованных терминов. Так, в военной терминологии довольно многочисленна группа заимствований из немецкого языка: *ефрейтор, генералитет, гауптвахта, лагерь, штурм* и мн. др.; в терминах морского дела почти безраздельно господствовали заимствования из голландского и английского: *гавань, рейд, фарватер, киль, шкивер, руль, рея, шлюпка, койка, верфь, док, каюта, рейс, трап, катер, бот, шхуна, фут, бриг, мичман*.

Для современного периода развития языка науки также характерен усиливающийся приток терминов из других языков, главным образом из английского. При этом автор указывает на разные причины, которые определяли этот процесс в языке прошлых периодов и в настоящее время. Особую роль в формировании языка науки автор отводит интернациональным, греко-латинским, словам и морфемам. Достаточно привести отдельные примеры, чтобы определить, как велик этот словообразова-

тельный фонд в формировании многих отраслевых терминологий: физика, гидростатика, оптика, лингвистика, термометр, анемометр, астробиология, бионика, кибернетика, геохимия, космонавтика, селенодезия, атомомеход, автотягач, биосвязь, видеозапись, газотурбовоз, гидробур, метеоспутник, микропроектор, фотоприемник, электрощуп; все термины с элементами микро-, макро-, -граф, -графия, -лог, -логия, анти- супер-, -трон, -дром.

Основу терминологии составляют полнзначные слова, традиционно называемые нарицательными. Однако использование имен собственных в терминологических наименованиях имеет устойчивую традицию. Они постоянно употребляются, например, в системе единиц измерения физических величин: ом, вольт, джоуль, кулон, ампер, ферми; в так называемых фамильных терминах: закон Ньютона, теорема Пифагора, тормоз Матросова; в названиях минералов: байкалит, астраханит, воробьевит; в наименованиях научных направлений: марксизм, ленинизм, дарвинизм; в названиях химических элементов: курчатовий, кюриум, фермий и др.

А какими частями речи может быть представлена терминология? Вопрос этот не простой. Широко распространена точка зрения многих лингвистов, утверждающих, что все разновидности специальных

понятий должны быть названы только именами существительными. В книге доказывается, что функции терминов могут выполнять различные части речи, в том числе глаголы, прилагательные и наречия. Глаголы: электризовать, инфицировать, расти (в биологии), болеть (в медицине); прилагательные: семантический, агглютинативный, бинарный, инверсивный, аллофонический, виртуальный, дифференциальный; наречия: наливом, навалом (транспортные термины), впотай, вполупотай (вид заклепки), рентгенографически, помодульно и многие другие.

Интересно освещена в книге проблема соотношения знака и означаемого, понятия и термина. Для общелитературного языка характерны одно- и многозначные соответствия. Для терминологии свойственно иное отношение: один знак — одно означаемое, одно понятие — один термин. Между тем в реальном употреблении термин приобретает синонимы или называет разные понятия.

Глава о терминообразовании построена на анализе очень большого по охвату материала, где впервые с исчерпывающей полнотой формулируются особенности образования терминов. В самом общем виде они сводятся к следующим положениям: терминологическое словообразование в целом основывается на системе русского общелитературного словообразо-

вания и развивается в русле его главных тенденций.

Новым, принципиально важным в книге В. П. Даниленко является положение о необходимости разграничения двух сфер в любой отраслевой терминологии — фиксации и функционирования. Сфера фиксации объединяет термины, включенные в специальные, терминологические словари, в сборники рекомендуемых терминов и государственные стандарты на конкретные отраслевые терминологии. В сфере функционирования термины находятся в общелитературном словесном окружении, в текстах, представляющих жанрово-стилистические разновидности языка науки. Это — монографии, статьи, рефераты, научно-популярные очерки. Если в сфере фиксации делается попытка реализовать все требования, которым в идеале должна отвечать терминология, то в сфере функционирования термины ведут себя как общеупотребительные слова.

Глава о лингвистических основах упорядочения отраслевых терминологий решает задачи прикладного, практического направления. Здесь подведен итог многолетней работы автора над ГОСТами различных терминологий; впервые сформулированы лингвистические критерии оценки терминов,

Следует особо подчеркнуть самостоятельную ценность этого раздела книги для специалистов, работающих в области практического терминотворчества или в сфере упорядочения действующих терминосистем. В этой главе получили освещение и решение такие вопросы: соотношение лингвистического, логического и содержательного критериев оценки терминов; нормативность терминоэлемента; возможность терминологизации разных частей речи; пределы границ терминов-словосочетаний; использование иноязычных, диалектных и просторечных слов в функции терминов; решение проблемы синонимии и многозначности в терминологии; статус краткого варианта термина; отношение к словообразовательным вариантам; специфика функционирования грамматических категорий в терминологии; стилистические требования к терминологическим конструкциям. Книгу заключает обширный библиографический список литературы по терминологии.

«Русская терминология» В. П. Даниленко будет с интересом изучаться и специалистами-терминологами, и языковедами, и теми, кто работает в области практического терминотворчества.

Кандидат филологических наук
Г. И. МИСЬКЕВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, № 1, 2

Ноговицын. Отчество от вероятного прозвища Ноговица из древнерусского *ногавица* (того же образования как *рукавица*) — вид обуви или одежды, прикрывающей ноги; из картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР: «да двои штаны, да наговицу, да шапку» (1661 г., документы Онежского монастыря), «и рукавицы, и ногавицы» (Соловецкие рукописи XVII в.). Слово давно полностью вышло из употребления. В 1897 году Ноговицыны, почти 100 человек, жили в Авдотьиной волости Шуйского уезда Владимирской губ. (Влад. обл. арх., ф. 433, оп. 1, № 311—315).

Нохрин. Отчество от прозвища Нохра из диалектного *нохра* 'хитрец, плут'.

Огурев. Отчество от прозвища Огурей. Возможны два источника возникновения прозвища: из диалектных *огуреть* 'опалеть' или *огураться* 'отлынивать, уклоняться от исполнения обязанностей' («...помещика слушали б, доходы его всякие платили б, ни в чем не огурались» — «Акты», относящиеся до юридического быта Древней России», СПб., 1857).

Однодворцев. Отчество от именованя отца по социальному положению: в России XVIII—XIX веков однодво-

рец — потомок низшего слоя служилых дворян. Он владел небольшой землей и даже крепостными. Однодворцы чаще встречались в Воронежской и Тамбовской губерниях. Фамилия документирована в 1858 году в Тамбовской губернии.

Ожгибесов. Одна из загадочных фамилий, хотя документирована много раз. Так, в 1564 году эту фамилию носил крестьянин из Обонежья — Шапуля Ожгибесов. В 1887—1897 годах Ожгибесовы были многочисленны в Зауралье; в 1976 году фамилия зафиксирована в Кирове. Если связать происхождение этой фамилии с какой-то легендой о хитреце, обжегшем беса? Ведь связаны с бесом фамилии Бесов, Полубесов, Обернибесов, у белорусов — Вертибес. Но есть и Ажгибисовы! Неизвестно, которая из двух форм первична: окающая или окающая? А это совершенно меняет направление поисков этимологии.

Окладников. Отчество от именованя отца — *складник*: 1) платящий оклад (налог, по винность); 2) получающий оклад — жалованье по должности; 3) ведающий окладными книгами.

Олейников. Отчество от именованя отца по занятию: *олейник* в прошлом — продавец растительного масла (*олей*, архаичная форма — *елей*),

Оношкин. Отчество от уменьшительной формы Оношка через обиходную форму Оноха из канонического мужского личного имени Онофрий; возможно и от канонического мужского имени Енох, но оно у русских встречалось гораздо реже, чем Онофрий. В акающих говорах — Аноха, Аношка, соответственно и фамилии Анохин, Аношкин.

Оплетаев. Отчество от прозвища Оплетай из диалектного глагола *оплетать* 'обмазывать'.

Ососков. Отчество от прозвища Ососок; по В. И. Далю *ососок* — «одинокий, беззащитный; сирота, которого обобрали».

Останин. Отчество от уменьшительной формы Останя из частой в прошлом формы Остафий, которая, в свою очередь, образована из канонического мужского личного имени Евстафий (см. Остапов).

Остапов. Отчество от формы Остак, в которой русские и украинцы обычно употребляли канонические мужские имена: Евстафий (древнегреч. «устойчивый, прочный») и Евстахий (древнегреч. «пышно колосающийся»). Имя было в России нередким, от него возникло много других производных форм: в окающих говорах — Остафий, Остак, Остапка, Осташко, Останя, в акающих — Астафий, Астак, Астаня. Отчества из них стали фамилиями Астафьев, Астакхов, Евстафьев, Останин, Остапков и многие другие. Кроме того, возможна контаминация с производными формами от канонического мужского личного имени Стахий (редко) и от часто встречающегося католического мужского личного имени Станислав, фамилии — Стахов, Сташук.

Осташков. Отчество от фор-

мы Осташко из канонического мужского личного имени Евстафий (см. Остапов) через производные формы Остак — Остап.

Оськин. Отчество от уменьшительной формы (с суффиксом -к) от канонического мужского личного имени Иосиф через общеупотребительную в русском языке форму Осип. Менее вероятно — из канонического мужского личного имени Оссия, которое употребляли очень редко; фамилия Осиев тоже есть: в 1887 году отмечена в Зауралье.

Осьмаков, Осьминин, Осьминкин, Осьмухин. Отчество от нецерковных русских мужских личных имен Осьмак, Осьмина (или Осьминя), Осьминка, Осьмух, обозначавших восьмого ребенка в семье. Инициально в не было первоначально в древнерусском *осмъ*, как нет и в других славянских языках (болг. и сербско-хорват. *осми*, польск. *ośmu*), так что сохраненная говорами форма без в этимологически «правильнее», чем литературная (ср.: *отчина* из *отчина*). До конца XVII века имена, указывающие на очередность рождения ребенка в семье, были обычны: Первупа, Второй, Третьяк, Шестак, Девятый, Девятка и прочие, отчества от них стали фамилиями: Первупин, Второв, Третьяков, Шестаков, Девятаяв, Девяткин.

Откупщиков. Отчество от именования отца: *откупщик* в России XVI—XIX веков — капиталист, покулавший у правительства монопольное право на сбор каких-либо доходов с населения, например, налога на рыбную ловлю, продажу водки и др.

Охохонин. Отчество от прозвища Охохоня (вероятно, из *охагь*). Фамилия часто встречается в Зауралье; в 1887 году,

там документировано 180 человек.

Охромеев. Отчество от формы Охромей (в акающих говорах — Ахромей, соответственно но есть и фамилия Ахрамеев) из канонических мужских личных имен Варфоломей и Ефрем, а не от русского слова *хромой*.

Охрютин. Отчество от прозвища из диалектного *охрюта* 'неряха, замарашка'.

Ошурков. Отчество от прозвища Ошурок; диалектное *ошурка* 'остатки, крошки, лоскутки, обрезки'. Характерна география этой фамилии, зафиксированной в 1887—1897 годах в Зауралье и в Забайкалье. Так как фамилия редка, то наличие ее в двух местностях, разделенных грандиозным расстоянием, свидетельствует о переселении самих носителей этой фамилии из Зауралья в Забайкалье, указывает, откуда и куда шла миграция населения.

Павлинов. Первоначально — отчество (в краткой форме притяжательного прилагательного, образованного суффиксом *-ов*) от канонического мужского имени Павлин, возникшего в Древнем Риме от имени Павел.

Падерин. Фамилия распространена на Севере (также и в формах Падорин, Падарин), в Зауралье, Сибири, Забайкалье. Ее основа — диалектное слово *падера* 'сильный ветер с дождем или снегом'.

Пакулин. Отчество от именованья *пакула* 'левша'; от других форм того же диалектного слова образованы фамилии Пакулев (от *пакуль*), Пакулов (от *пакул*).

Пальгуев. (Фамилия записана в пригороде г. Горького, 1974). В Словаре В. И. Даля приведено диалектное слово *пальга* 'левша', из чего могло

возникнуть прозвище Пальгуй, отчество от которого стало фамилией. (сообщил И. Л. Мининзон).

Панасов. Отчество от украинской формы Панас из мужского имени Афанасий.

Панкратов, Панкратьев. Отчество от мужского имени Панкрат, Панкратий (древнегреческое Панкратос, буквально 'всех сильнейший'). От русских производных форм того же имени образованы фамилии Панкрахин, Панкрашев, Панкрашин, Панкрашкин, Панкрушин и др.

Пантюхин. Отчество в краткой форме притяжательного прилагательного, образованного суффиксом *-ин*. В основе отчества или форма Пантюха из канонического мужского имени Пантелей, или прозвище Пантюха из нарицательного *пантюха* 'неумелый, неумный, нерасторопный'.

Паршин. Отчество от формы Парша из канонических мужских имен Парамон, Парфен, Пармен.

Парышев. Отчество от прозвища Парыш, основой которого могло быть диалектное слово *парыш* — тесто из солода для приготовления кваса (Г. Г. Мельниченко. Краткий Ярославский областной словарь. 1961 г.).

Патрикеев. Отчество от канонического мужского имени Патрикий (греческая форма из латинского слова *патриций* 'благородный' — высшее сословие Древнего Рима). Вместе с другими русскими фамилиями Паграков, Патракеев, распространенными на Севере, фамилия указывает на формы Патрикей, Патрак, Патракей, в каких это имя бытовало у русских.

В. А. НИКОЛОВ

Продолжение следует.

ЛЮБОВЕЙ — ЛЮБВЕЙ

«В произведении Грина „Блистающий мир“ есть такая фраза: «...королевой общества, счастьем и целью столь многих любвей стала она...». При всем моем уважении к Александру Грину должен сказать, что слово „любвей“ не покоробит лишь варвара», — пишет москвич В. В. Ключков, озаглавивший свое письмо «Непростительная ошибка».

Действительно ли писатель допустил здесь ошибку? Вспомним, что язык художественных произведений и общелитературный не тождественны. В художественном произведении слово часто выполняет экспрессивно-поэтическую функцию. Именно этим и обусловлены случаи отступления от нормированной литературной речи. В частности, это касается таких существительных с отвлеченными значениями, как *грусть*, *ненависть*, *угрюмость*, *борьба* и т. д., которые употребляются в общелитературном языке в единственном числе.

Писатели иногда образуют от них формы множественного числа. Это обычно бывает вызвано необходимостью конкретизировать, индивидуализировать понятия, выраженные отвлеченными существительными; сделать художественный образ более четким; придать новую эмоциональную силу привычным словам. Например, Л. Н. Толстой пишет в «Крейцеровой сонате»: «Я слышал, что мои борьбы и страдания утишатся после этого...». Известный поэт и писатель конца XIX — начала XX веков Валерий Брюсов, «высококочтимый мастер» в поэзии, по словам советского поэта П. Антокольского, часто образует формы множественного числа от существительных, употребляемых обычно только в единственном числе:

Позабыв обаянья бесцельных надежд,
Я смотрю на мерцанья сочувственных звезд.

«...и, покинув людей, я ушел в тишину...»

Я верю всегдашним случайностям,
Слежу, любопытствуя, миги.

Случайности

Для Брюсова такие понятия, как «обаяние», «миг» не единственны, они повторяются, то есть могут быть исчислены.

Слово *любовь* принадлежит к тем же существительным, которые не имеют в литературном языке множественного числа. Но вот как употребляет его в поэме «Облако в штанах» В. Маяковский:

Пока выкипчивают, рифмами пиликаая,
из любвей и соловьев какое-то варево,
улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать. . .

. . . . .

это сквозь жизнь я тащу
миллионы огромных чистых любвей
и миллион миллионов маленьких грязных любят.

Здесь и беспощадная оценка «любвей», «маленьких грязных любят», и яркий образ «любвей». Следует отметить, что Маяковский образует множественное число от двух форм слова: полногласной (родительный падеж ед. числа *любви*, отсюда — *любвей*) и неполногласной (родительный падеж ед. числа *любви*, отсюда — *любвей*). Обе формы издавна существовали в языке.

В заинтересовавшей читателя фразе писатель конкретизировал понятие «любовь». Речь идет не о проявлениях или выражениях любви, а о самой любви. У Грина она — живое, индивидуальное чувство. «Любвей» много, так как много любящих. На употребление в народном языке, правда редкое, слова *любовь* во множественном числе указывал в своем Словаре В. И. Даль.

Академик В. В. Виноградов в книге «Русский язык» писал: «Вообще, конкретизация и индивидуализация отвлеченных понятий, сопровождающаяся возникновением в соответствующих словах новых значений и оттенков, нередко обогащает эти слова формами множественного числа».

Благодаря реальному существованию в жизни качественно различных, в данном случае, душевных состояний, обозначаемых одним словом, стало возможным в языке художественной литературы образовать краткую и выразительную форму множественного числа *любвей*.

Л. А. Павлова

Москва слезам не верит

«Что означает и откуда произошло выражение *Москва слезам не верит*?» — спрашивает В. А. Старкова из Оренбургской области.

Многие пословицы и поговорки, которые употребляются в нашем языке, возникли очень давно. Некоторые из них сами указывают на время своего появления: *Пусто, словно Мамай прошел; Шемякин суд; Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Погиб, как швед под Полтавой; На француза и вилы — ружье* и другие.

Пословица *Москва слезам не верит* употребляется в разговорной речи тогда, когда чьи-либо жалобы не вызывают сочувствия: «Взгляните, — говорит, — на мои слезы. — Что ж, — говорю, — дружок, слезы? — слезы слезами, и мне даже самой очень тебя жаль, да только Москва слезам не верит, говорит пословица» (Лесков. Воительница). Интересующее нас выражение помещено в сборниках пословиц и поговорок, в некоторых толковых словарях русского языка. Так, например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля читаем: «Москва слезам не верит (не потекает)». Известный собиратель пословиц и поговорок С. Максимов включил эту пословицу в сборник «Крылатые слова»: «„Москва слезам не верит“, ее не разжалобишь...».

Выражение *Москва слезам не верит*, очевидно, возникло во времена возвышения Московского княжества, объединения русских земель вокруг Москвы. Пополнение государственной казны шло за счет больших поборов с городов. Среди различных слоев населения постоянно шли споры из-за того, кому и сколько платить, кому нести воинскую повинность. Чтобы их разрешить, из разных городов в Москву направлялись челобитчики. В слезных жалобах они просили царя восстановить справедливость, рассу-

дить, кто прав, а кто виноват. Жалобщиков порой жестоко наказывали для устрашения других. Вот как однажды расправился с челобитчиками из Пскова Иван Грозный: «Челобитчики,— пишет Р. Г. Скрынников в книге «Иван Грозный»,— застали царя на отдыхе в одном из дворцовых сел. Раздосадованный Иван велел арестовать крамольных горожан и «бесчествовал» их: обварил кипящим вином, свечою сжег волосы и опалил бороды. Вслед за тем жалобщиков раздели донага и уложили на землю... Псковичи вернулись ни с чем, и их рассказы дали горожанам новую пищу для недовольства». Видимо, при подобных ситуациях в русском языке и появились поговорки: *Москву не разжалобишь; Москва по чужим бедам не плачет; Москва слезам не верит.*

Но недаром народная мудрость гласит: *Старая пословица с новым веком спорится.* В первые годы Советской власти появились новые пословицы и поговорки, прославляющие Москву, столицу Страны Советов: *Москвой-столицей весь народ гордится; Москва верстой далека, да сердцу рядом; Москва, что гранит: никто Москву не победит* и многие другие.

В. Н. Сергеев

«Не первый раз встречалю в материалах периодической печати, посвященных чабанам, слово *герлыга*. Не лучше ли было бы палку чабана называть просто палкой. В доступных мне словарях, даже в 17-томном академическом, слова *герлыга* я не встретил»,— пишет В. К. Смирнов из Ярославля.

Интересующее читателя слово означает не просто пастушескую палку, а длинную палку (2—2,5 метра) чабана с крючком на конце для ловли овец за заднюю ногу. Появилось оно в нашем языке вместе с *чабан* в XIX веке (о слове *чабан* в журнале рас-

сказывалось в статьях А. У. Урусилова. Чабан.— 1976, № 3; Л. Л. Орлова. Чабан, овчар, пастух.— 1977, № 2).

Герлыга заимствовано русскими говорами из румынского языка: cârlig — 'крюк, гнуть' (См. «Словарь русских народных говоров», вып. 6, 1970). Оно зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, при этом указано, что данное слово распространено в новороссийских говорах. Там же приводится и вариант *ерлыга*.

Первое употребление слова в литературном языке относится ко второй половине XIX века. Неоднократно использовал *герлыга* в своих произведениях А. П. Чехов. Замечательный стилист, он чувствовал диалектный характер слова. Поэтому, введя его впервые в текст рассказа «Счастье», он заключил слово в кавычки и тут же объяснил его значение: «Старик надувал возле себя свою „герлыгу“, длинную палку с крючком на верхнем конце, и поднялся». Далее А. П. Чехов употребляет слово уже без кавычек: «— Дед, — спросил он, поднимаясь и беря свою герлыгу, — что же твой брат, Илья, с солдатом сделал?»; «Старик и Санька со своими герлыгами стояли у противоположных краев отары, стояли не шевелясь, как факиры на молитве, и сосредоточенно думали».

После революции, наряду с другими отраслями сельского хозяйства, получило большое развитие овцеводство. Это нашло свое отражение на страницах периодической печати. Овцеводству посвящены многочисленные статьи, очерки, репортажи и т. п. Так появились объективные предпосылки для проникновения *герлыга* в общелитературный язык.

В настоящее время слово широко используется в периодической печати, специальной и художественной литературе: «А в стороне стоял чабан..., опираясь на герлыгу, как уставший путник на посох» («Сельская жизнь», 10 октября 1976); «В каждой чабанской бригаде должны быть 1—2 герлыги для ловли овец» (Г. Р. Литовченко, П. А. Воробьев. Овцеводство); «Мы, устало волоча герлыги, идем к мазанке» (А. Геращенко. Лысый курган).

Иногда в газетах встречается менее употребительная форма этого слова — *ярлыга*: «Старый чабан, опершись на ярлыгу, задумчиво смотрит вдаль» («Сельская жизнь», 26 мая 1976).

Слово *герлыга* является характерным в первую очередь для тех мест, где занимаются овцеводством. Оно зарегистрировано как областное в современных словарях литературного языка, впервые — в 4-томном академическом «Словаре русского языка». В форме *ярлыга* слово представлено в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка».

В. А. Филатов

Заговор -

ПАЛИНДРОМ

«Я родилась в Белоруссии. С детства помню интересный бабускин заговор „чудодейственной силы“, после которого отпускала зубная боль (по крайней мере, мне так казалось в детстве). Для меня он был полон непонятной, магической силы. Я уже пожилой человек, но до сих пор не знаю, что кроется за словами *сатор арепо тенет опера ротас*», — пишет И. С. Акимова из Белгорода.

Нередко случается, что такие фольклорные тексты, как считалки, прибаутки, присказки, заговоры и другие, кажущиеся нам бессмысленными, речения содержат в себе богатую информацию о старинных культурных связях восточных славян — русских, украинцев и белорусов — с другими народами. Эти связи осуществлялись как через устное, так и через письменное общение.

В письме И. С. Акимовой затрагивается любопытный случай заимствования целого текста. Речь идет о бытующем в Белоруссии и на Украине заговоре (в частности, против зубной боли). Первую его запись находим в «Трудах этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край» (СПб., 1872). Структура непонятого заговора станет яснее, если мы представим его в том виде, в каком он приводился известным русским фольклористом и этнографом прошлого века П. В. Шейном:

САТОР
АРЕПО
ТЕНЕТ
ОПЕРА
РОТАС

Достаточно приглядеться к этому «магическому квадрату», чтобы понять, что заговор одинаково читается и слева направо, и справа налево, и сверху вниз, и снизу вверх. Иными словами, перед нами палиндром (от греч. *palindromos* — бегу назад), но в отличие от обычных он читается не только по-горизонтали.

Палиндромы никогда не были известны восточнославянскому народному творчеству, это вообще по преимуществу книжный жанр.

В русской словесности «перевертыши» появились, видимо, не раньше XVII века. В то время они назывались «рачьими стихами» и создавались под явным влиянием античной литературной традиции. Вот, например, какой палиндром сочинил киевский поэт того времени Величко:

Анна ми мати та ми манна.

Анна пита мя мати панна.

Анна дар и мне сень мира данна.

Приблизительный перевод: «Анна мне мать и манна небесная. Анна вскормила меня как мать. Анна мне дарована и сень мира мне дана».

Но вернемся к рассматриваемому тексту. Перед нами заимствование, притом довольно старое. На его античное происхождение указывает сохранившаяся латинская запись, с точностью до буквы совпадающая с приведенной: *sator agero tenet opera rotas*.

Видимо, заговор, записанный в Белоруссии и на Украине, представляет собой книжное заимствование латинского палиндрома. Есть все основания считать, что выражение было заимствовано не раньше XVII века. Скорее всего этому способствовала польская словесность, испытавшая значительное влияние античной и средневековой латинской литературы. В Белоруссии и на Украине латинский палиндром был включен в число народных заговоров (возможно, через бурсацкую среду, часто служившую посредником в проникновении «ученых» слов, особенно латыни, в просторечие).

Зная, что мы имеем дело с латинским текстом, нам остается только его перевести. Однако слова *агеро* в латинском языке нет. По мнению крупнейшего немецкого кельтолога начала нашего века А. Хольдера, *агеро* (*s*) — галльское слово, обозначающее плуг.

Галлы, многочисленные кельтские племена, населяли территорию современной Франции, Северной Италии, Бельгии, Люксембурга, части Нидерландов (Голландии) и Швейцарии. В I веке до нашей эры они были покорены римлянами. К VI веку нашей эры их язык вымер, хотя из употребления он начал выходить значительно раньше. Следовательно, палиндром был создан, когда римляне на-

ходились в постоянном контакте с галлами (I в. до н. э.— VI в. н. э.).

Перевод интересующего нас выражения все же вызывает определенные затруднения. Сам жанр палиндрома предполагает некоторую его искусственность, что, по-видимому, сыграло известную роль в нашем случае. Тем не менее, приблизительный смысл текста может быть передан следующим образом: «Действующий (работающий) плуг владеет полями благодаря колесам». Этому переводу точно соответствовала бы фраза *sator agere tenet orega rotis*, однако формальные признаки палиндрома, по-видимому, потребовали изменения падежа последнего слова.

В. Э. Орел

Рисунки Ю. Космынина

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР В. В. ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**В. И. БОРКОВСКИЙ, Г. П. БЕРДНИКОВ,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ
(зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ,
Ф. П. ФИЛИН, О. А. ХАМИЦАЕВА**

Ответственный секретарь Н. А. РЕВЕНСКАЯ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 13.02.78. Подписано в печать 24.4.78. Т-04088.
Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,7.
Бум. л. 2,5. Тираж 80 000. Заказ 179.
Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10.

Цена 50 коп.

Индекс 70788

**Наша победа — это высокий рубеж
в истории человечества.**

**Она показала величие
нашей социалистической Родины,
показала всесилие
коммунистических идей,
дала изумительные образцы
самоотверженности и героизма —
это все доподлинно так.**

**Но пусть будет мир,
потому что он очень нужен
советским людям,
да и всем честным людям земли.**

Л. И. Брежнев. Малая Земля

**Русская
речь**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»**